

Ефим Златкин **Могилва** **О** **Мхагил** **Не**

ЕФІМ ЗЛАТКІН

**МОЛИТВА
О МИХАЛИНЕ**

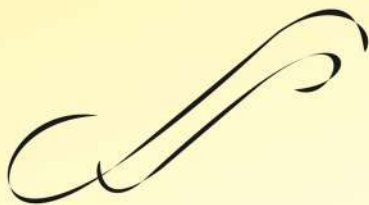

Посвящается
жене Ане, сыну Давиду, дочери Евгении,
внукам — Анастасии, Лее,
Ионатану, Бениамину, Каролине, Джастину,
Джессике.

Надеюсь, что они и их поколение
сохранят нашу память для будущего !

Сердечно благодарю

за предисловие к моей книге
члена Союза писателей Москвы
Галину Климову,
за редактуру и организацию выпуска –
Асю Тепловодскую,
за аналитическое интервью
доктора исторических наук, сотрудника
Института еврейской диаспоры при
Тель - Авивском университете
– Леонида Смиловицкого,
за иллюстрации и художественное оформление
книги – Ирину Павлючкову (Беларусь),
за техническую помощь – сотрудницу моего
страхового агентства
Наталью Рокоман.

Выражаю глубокую признательность
моим соавторам:

Еве Шкарлатовой, Дмитрию Стукало,
Анне Вороновой, Анне Островской,
Якову, Сергею и Григорию Златкиным,
Михаилу Леину, Тамаре Богачевой,
Иосифу Лейтусу – (Израиль),
Лазарю Лайванту, Саше Лейтусу
(Дейтройт и Филадельфия – США),
Феликсу и Ефиму Любанам (Германия),
Татьяне Немкиной, Белле Когай,
Полине Чарной-Башмаковой (Россия),
Владимиру Смоляку,
Маргарите Шифриной-Лазаревой,
Анне Школьникой - Сивцовой,
Валентине Синичкиной (Беларусь).

Особенно благодарен

Ярославу и Наталье Климовым,
Сергею Надееву, Леониду Рыжикову
(Москва и Санкт-Петербург, Россия)
за участие в совместной исторической
экспедиции в село Прянички
Климовичского района (Беларусь),
музею истории и культуры
евреев Беларуси за информационную
поддержку, начальнику отдела
идеологической работы Климовичского
райисполкома Виктории Александровне
Прокофьевой, директору Климовичской
библиотечной сети Татьяне Петровне
Доменикан за помощь на месте
и предоставление архивных материалов.

Ефим Златкин

Предисловие

Галина Климова,
член Союза писателей Москвы

Эта книга не придумана!

Эта книга не придумана. Она остро пережита, как бывает пережита своя единственная жизнь – день за днем и год за годом. Какими они были, эти дни и эти годы? Горькие, голодные, военные, расстрельные, похоронные, сиротские... Ай-вэй, ай-вэй, – доносилось то из одного дома, то из другого. Или слышалось детское: «Ма-ме-ле, ма-ме-ле...».

Но было и другое время, другие дни – солнечные, радостные, озорные, семейные... И тогда жизнь казалась праздником – для старых и малых. Для белорусов, русских и евреев – для всех жителей местечка Михалин и соседних местечек: Милославичи, Родня, Хотовиж, Прянички. И тихого городка Климовичи, что на Могилевщине.

Вся эта книга – групповой портрет. И это не застывшая черно-белая фотография, не групповой портрет случайно собравшихся людей, как это бывает в туристической поездке или на экскурсии, когда – щелк! –

и снимок готов. Нет, перед вами – широкое полотно, написанное художником по имени Жизнь.

Здесь подлинные и беспощадные документальные свидетельства о массовом расстреле еврейского населения на окраине Климовичей и о других трагических событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., которая кровавым катком прошла по земле Белоруссии.

Здесь рассказы участников и очевидцев подвигов, совершенных, казалось бы, местечковыми людьми, среди которых друзья, соседи, родители, вернувшиеся с войны от старших сержантов до... полковников.

Здесь и захватывающие истории чудесного спасения, и проникновенные новеллы о любви, достойные пера романиста или кинематографического воплощения.

Здесь очень трогательные рассказы о детской дружбе и мальчишеском братстве, о судьбах целых семей и домов, и даже – истории о домашних животных, о деревьях из родительского сада.

Перед вами раскрыты жизни и судьбы простых людей из провинции, о которых так пронзительно писали классики – Гоголь, Чехов, Шолом-Алейхем, Бабель и другие.

Вот и Ефим Златкин, журналист и писатель, более четверти века живущий в Израиле, написал эту яркую книгу-воспоминание, книгу-молитву о местечке Михалин и о тех людях, которых не в силах забыть.

От редактора

Ася Тепловодская

Ген памяти

Жизнь нашего поколения разломлена, разделена на две части: «до» и «после».

Именно нам довелось исполнить вековую мечту многих поколений – вернуться на Землю предков – как молились веками

евреи: «Шана абаа бэ Ерушалаим».

25 лет Ефим Златкин проработал в газете, много писал о людях Белоруссии, о красоте родного края. Но пришло время и позвало всех в дорогу. И постепенно покинули Михалин еврейские семьи, осиротели их дома, нет уже того березового большака...

В Израиле жизнь закружила автора этой книги, да так, что долгие годы пришлось думать только о хлебе насущном.

Но вот из жизни уходит Батя, семнадцатилетним ушедший на фронт, ставший инвалидом в 20, потерявший всю семью: маму, сестричек и братика,

расстрелянных фашистами, всю жизнь, проживший с этой горечью невозполнимой потери. До самой последней минуты своей жизни Давид, отец Ефима, пытался сохранить память о близких, восстановить свой род, родив и вырастив вместе с замечательной Мамой Ирой пятерых сыновей. И именно эта боль, пронзившая жизнь Ефима Златкина, подтолкнула его к написанию книги «От Михалина до Иерусалима» в 2015 году. Отец и Мама остались вечно жить на страницах книги. Но история их жизни переросла жанр семейной хроники, это судьба целого поколения, это судьба евреев в Белоруссии.

Ефим Златкин по образованию журналист. Но в книге «От Михалина до Иерусалима» он проявил себя не только, как публицист, но и как автор художественного произведения – саги о евреях Белоруссии. Так и идут вместе Ефим – журналист и Ефим – писатель, рука об руку, из книги в книгу.

Книга приобрела популярность, а главное – нашла отклики в сердцах михалинцев, земляков Ефима, теперь разлетевшихся в разные страны. Отзывы самые неожиданные, но приведу только один:

«Уважаемый Ефим! От души поздравляю Вас с прекрасным дебютом в качестве писателя. Из моей семьи погибло на войне и в огне Холокоста 18 (!!)

человек – от Брестской крепости, Бабьего Яра до боёв под Москвой и блокады Ленинграда, и Ваша книга – ещё один памятник беспримерным жертвам евреев как нации в эти героическо-трагические дни. Меня потрясла

"книга в книге" – записки Вашего отца, инвалида войны с 20 лет Давида Златкина. Я и мой муж, писатель-блокадник патриарх Авраам Файнберг, лично знали Давида, муж неоднократно беседовал с ним о "Дороге жизни", где Давид сражался в лихолетье блокады, об истории еврейского народа. Как был бы он счастлив сегодня! А Ваша мама Ирина Хенькина-Златкина – настоящая героиня, "коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт". Все пятеро их сыновей – подарок нелёгкой судьбины, воздаяние за жертвы и гибель мишпахи (семьи – прим. автора) в пламени Холокоста. Пусть ветер успеха дует в Ваши паруса, Ефим!

Ольга Файнберг, член Союза журналистов СССР, тоже жертва Шоа».

Именно эти отзывы людей о книге, встречи в Белоруссии, удивительная встреча с троюродной сестрой Галиной Климовой (почти мистическая история) и с другими «отростками» Златкинской семьи, благодаря книге, которая читалась, передавалась из рук в руки, вызвали желание Ефима Златкина, члена Союза русскоязычных писателей Израиля, получившего бронзовую медаль от Международной гильдии писателей за прекрасную книгу, написать новую – «Молитва о Михалине».

Уже четверть века живет Ефим Златкин в Израиле, здесь выросли его внуки, однако связь с Белоруссией, тоненькая ниточка, протянувшаяся в его сердце между Белоруссией и Израилем, крепчает и не

забывается. И его книги – о генетической памяти поколений.

«Молитва о Михалине» – это книга исповедь, синтез документальных свидетельств, голосов тех, кто живет сейчас, благодаря выжившим в Холокосте, но несет в себе память и боль погибших, интервью и статей об этом. И во второй части – рассказы о людях, интересных журналистских встречах и о михалинцах. Когда читаешь, складывается такое ощущение, что его герои рядом с тобой, и ты живешь их жизнью, смотришь на все их глазами. Здесь же, босоное детство и первое восприятие, что ты – другой, не такой, как все в этом белорусском селе.

Обе книги плюс замечательные фотографии (Ефим Златкин – еще и мастер фотографии) – образуют своеобразный «живой» музей, музей памяти. И мы можем свободно «гулять» по его рассказам, статьям так, словно видим все воочию. Подружиться с его героями, чувствовать и жить их судьбами. Потому что книги удивительным образом передают восприятие «из души в душу».

«Жизнь – это не книга жалоб». И евреи не жалуется, они просто помнят, чтобы подобное никогда не повторилось. Молодое поколение готово защищать свою страну, давая отпор посягающим на нее. И книги Ефима Златкина обращены к ним, к будущим поколениям. Чтобы помнили...

Книга I

Евреи нашего местечка
в овраге за речкой

Глава I

Детей разрубали лопатами

У каждого из нас есть «малая родина», где прошли детские и юношеские годы. Таким местом для меня и всей нашей семьи является бывшее еврейское местечко Михалин и город Климовичи в Беларуси. По состоянию переписи на 1939 год здесь проживало 9.551 житель, в том числе 1693 еврея (среди которых была семья моего отца).

Когда немцы вошли в город, они, создав гетто, повесили десять самых авторитетных евреев, чтобы лишить общину руководства и запугать оставшихся. А позже расстреляли группу евреев-мастеровых в количестве 12 человек, которые, находясь в тюрьме, тайком помогали партизанам. Узников гоняли на тяжелые работы, принуждали сдавать драгоценности, которых у евреев маленького городка просто не было. Увидев, что их собрали мало, расстреляли команду, которой поручили эту работу. В случае побега расстреливали оставшихся родственников.

Шестого и седьмого ноября 1941 года над городом «стоял плач и вой» – расстреляли более 800 человек. Эсэсовцы только отдавали команды, а убивали евреев местные, детей разрубали лопатами. Оставшихся в живых расстреляли 20 ноября на Меловой горе, в апреле 1943 года начали охоту за детьми из смешанных семей. Из не успевших уехать, уничтожено более 900 человек, среди них было моих (13) родных, спаслись только 15 евреев. Они заслуживают, чтобы о них сказали во весь голос.

Это – Белла Стукало, Этка Натапова и ее отец Мойше, Рая Школьникова, о которых я пишу в своей книге, а также Фаня Маневич, внук которой живет в Израиле, Лейба и Груня Гуревич с дочерью Раей, Хана Козлова с детьми Ниной и Леней, Нина Винокурова, Хайморе Хазанов,

две двоюродные сестры Раи Школьниковой.
(Информация почерпнута из Википедии о
Климовичском гетто).

Через годы я приехал в Михалин,
Где вы, евреи? Я здесь... один?
А евреи моего местечка –
В глубоком овраге... за речкой.

Под зеленым шатром в раю
Я свою бабушку Сару много лет ищу!
– Это ты, внучек? Уже старше меня вдвое?
Кто со мной? Евреи, их очень много.

Мои дети, мои родные – все местечко.
Всех убили – до человечка.
Бросили нас в яму за то, что мы евреи?
А вы об этом сказали? Нет, не посмели!

На серых камнях ни слова, что мы – евреи.
Скажи мне, внучек, мы сегодня тоже кого-то задели?
А может, я ошибаюсь? Что написано в ряд?
– Бабушка Сара, прости! Я отвожу взгляд.

Я вижу редкие монументы над ямами,
Над оврагами безымянными,
И... надписи: «Не забудем...
Здесь лежат советские люди...».

*Мемориал памяти убитых евреев Европы
в Берлине, Германия (из Википедии, интернет)*

*Документальные свидетельства детей, чьи
родители чудом выжили во время
Катастрофы еврейского народа.*

**Я родилась
в теплушке вагона**

Ева Шкарлатова (Ошерова), бывшая жительница Михалина, живет в Ашдоде, (Израиль) с младшей дочерью и внуками. Старшая дочь с семьей – в Минске.

Часто думаю, может, многое из того, что пришлось пережить мне и нашей семье, не было наяву? Если не было, тогда должны были быть у меня старшая сестра Дуся и брат Лева. Но их нет, как и не было... Значит, все было. Было.

Война уже гремела вовсю, а мои будущие родители никак не могли решиться на отъезд из местечка Милославичи, что в Климовичском районе. На руках – двое маленьких детей, мать, беременная мной. Куда собираться в далекую дорогу?

А война все ближе и ближе. В последний момент все решила мать, заявив, что отъезд дает хоть какой-то шанс на спасение, а здесь – неминуемая смерть.

– Ты еще вчера думала рожать дома? – недоумевал ее муж.

– Ночью приснился мой отец. Он кричал на меня, слова не разобрала. Поняла только, что мы отсюда должны уехать, – ответила моя будущая мама...

Ее отца, председателя еврейского колхоза, местные бандиты убили задолго до начала войны, когда он возвращался из города. Думали поживиться крупной денежной суммой, которую он вез для колхоза. Однако он не успел получить деньги в банке. – Если раньше бушевал бандитизм, то с приходом немцев вообще ни от кого не будет спасения, – рассуждали между собой родители.

Много раз они вспоминали тот разговор и свое решение, которое спасло жизнь. Правда, не всем. Мы едва успели на последний поезд с беженцами, который по дороге беспрестанно бомбили. Во время одного из налетов осколками убило двух старших детей: дочь и сына.

Их даже похоронить не успели – так и оставили на перроне какой-то станции.

У моей матери Любы начались преждевременные роды. От потрясения, от того, что произошло с ее детьми. Под взрывы бомб и пронзительный вой сирен в теплушке на белый свет появилась я.

Родившись в день смерти четырехлетней сестры Дуси и двухлетнего брата Левы, так и живу всю жизнь. Свой день рождения отмечаю на полтора месяца позже. Мне кажется, что Дуся и Лева каким-то образом

меня спасли. Возможно, мама не вывела их вовремя из вагона или как-то задержалась.

Или не успевала за ними, а они куда-то сбежали... Но факт остается фактом: была бы с детьми – не было бы ни мамы, ни меня. Я всю жизнь живу тройной жизнью: к своим годам прибавляю четыре года. Столько лет было бы сестре Дусе. Прибавляю два года: столько лет было бы брату Леве. Вы скажете, что я их даже не видела?! Не видела, но сердце болит. Мне сказали: «Напиши воспоминания». Сразу в памяти всплыли мои погибшие брат и сестра. Это случайно? Они, как тени, идут рядом со мной. Вот так я стала старшей, хотя в семье третий ребенок.

Когда закончилась война, мы в Милославичи не вернулись. По еврейскому местечку словно прошел бульдозер. Часть домов полностью разрушены, в оставшихся поселились бывшие соседи.

Отец узнал, что организовали еврейский колхоз «Энергия». Поспешили туда. С железнодорожного вокзала в Михалин добирались пешком. Я – маленькая, но семеню ногами, двухлетняя Рая – на руках то у матери, то у отца.

Председатель колхоза Исаак Лайвант был рад каждому приехавшему еврею, тем более имеющему опыт работы в сельском хозяйстве. Отец начал работу в бригаде, жить нам было негде. Ты помнишь маленькую будку, в которой хранились хомуты и плуги? Так вот, мы спали прямо на траве возле нее. Евгений Стукало, колхозный бригадир, нам разрешил заходить в

маленькую комнату, когда было холодно. Так мы и жили.

Потом еврейский колхоз купил нам сруб: мужики Михалина помогали его перевозить, укладывали бревно за бревном, сделали крышу. Сруб поставили – уже стало легче: не на улице. А коридора еще долго не было.

– Ты же помнишь?..

Что еще?

После Раи родились братья Женя, Леня, сестра Аня. Росли на бульбе и молоке. У других и этого не было. Вскоре отца назначили на должность заведующего фермой: он там дневал и ночевал. А мать – с детьми, со своим хозяйством.

Нужно идти в школу – бросаем жребий: я или сестра Рая? У нас на двоих одна пара туфель. Как учиться? Рая начинает отставать. Придумали: нашли старые галоши или тапки – уже не помню. И возле мостика, где начинается Михалин, назначаем встречу. Я возвращаюсь из школы, передаю Рае туфли, а сама надеваю галоши. А когда ей в первую смену, она мне отдает туфли, я ей – галоши.

С самодельными сумками пошли в школу мои братья. Ты же помнишь? Скажи, ты видел Леню, когда он приезжал в Израиль из Украины? Статный такой, галантный. Смотрю на него и думаю: «Мама родная! И это мой брат-генерал?! Закончил в Москве две военные Академии?»

Долгими часами я стояла в очереди за хлебом, Леня плакал рядом: «Есть хоцу, есть хоцу». Такой маленький, несчастный. Сейчас думаю: может, такая жизнь нас закалила?

Женя, тоже наш брат, старше Лени на пару лет, дослужился до полковника. Умер, такое несчастье. Феликс Любан, живший по соседству, стал подполковником.

Что еще?

Ты знаешь, мне за семьдесят. Я одна из старых михалинок в Израиле. Но еще держусь, радуюсь гостям, дочерям, внукам.

Две мои сестры – Рая и Аня – тоже живут в Израиле. Наши дети и внуки – часть израильской жизни: в школе, в армии, идут дальше... Иногда самые младшие спрашивают: «Бабушка, расскажи о себе». У меня слезы ручьем. Про что рассказывать? Как я родилась в теплушке, а на перроне остались лежать мои брат и сестра, которых расстреляли из самолета? Или, как спали на холодной траве возле будки? Или, как меняли туфли на галоши? Лучше я тебе расскажу, как все было... Ты уже расскажи другим. Так мы и решили.

Но я хочу добавить: стоит ваш дом. Стоит! Видел его во время последней поездки в Михалине. И коридор стоит, который твой отец к дому пристроил. Новые хозяева только забор подняли повыше.

Сказал об этом Еве. В ответ молчание. Я понял: Ева не может говорить...

Прыжок с ребенком на руках в колодец

Дмитрий Стукало
*родился в Михалине в семье
фронтовика. Окончил
Могилевский машино-
строительный институт.
Работал на Белорусском
автомобильном заводе,
прошел трудовой путь от
инженера до начальника цеха.
В Израиле с 1995 года вместе
с женой Геней и дочерью
Дарьей. Есть внук
и внучка, продолжает
работать в автомобильной
промышленности Израиля.*

***Наш отец (Евель)
Евгений Стукало во
время войны***

У моего дедушки (по отцу) Давида и его жены Цыпы было четверо сыновей – Яков, Ефим, Евгений, Лазарь – и три дочери – Лиза, Бела и Рахель. Семья жила в еврейском местечке Михалин. Дедушка

занимался извозом, сельским хозяйством, крыл крыши щепой. С самого начала войны все его четверо сыновей находились в Красной Армии.

Ефим – на Дальнем Востоке, Яков – в Белоруссии, мой будущий отец Евгений и Лазарь – на Кавказе. В их армейской биографии был интересный случай. Когда мой отец прибыл в училище младших командиров, то на одной из коек увидел надпись: «курсант Лазарь Стукало». Братья разминулись буквально на несколько дней. И больше не встретились – Лазарь погиб.

Катастрофа по нашей семье прошла обжигающей молнией, никого не пощадила. Как же рассказать о тех, кто остался в живых? Какие мне найти слова, чтобы описать все, что они испытали?

Лиза Стукало, сестра моего отца, окончив медицинский институт, уехала в Краснодар. Можете себе представить, как нелегко было скрываться ей в городе, где стоял большой немецкий гарнизон? Где немецкие ищейки рыскали по улицам. Где, увидев что-то подозрительное, немецким властям сразу же доносили соседи. Где могла подвести накопившаяся усталость, какие-то бытовые неурядицы. Но где... каждую секунду был начеку Виталий Василевич Кравченко.

Достойнейший русский человек, он все годы оккупации прятал свою жену, которая как еврейка не имела права на жизнь. О своей жизни он не думал. Он понимал, что за укрывательство ему грозит смертная

казнь. И то, что она ему жена, совсем не служило оправданием для карателей. Повесили бы с удовольствием обоих. Но Виталий Васильевич победил огромную армию врагов, победил смерть и отстоял жену.

По израильским законам он имел право на награду: на звание Праведника Мира! Но его уже нет в живых, как нет его жены, дочери Татьяны. Однако в жизни Виталий успел получить иную награду: он дождался и увидел своего внука Илью, который сегодня живет в Краснодаре.

Уехав из Михалина задолго до войны, Лиза получила хоть какой-то шанс затеряться в большом городе.

А вот для евреев, живущих в местечке, в городе Климовичи, такого шанса не было. Семья моего отца вместе со всеми оказалась в смертельном капкане.

Хорошо зная Михалин, я думаю: куда же можно было убежать из него? Через город Климовичи, в котором уже хозяйничали немцы, шныряли по закоулкам их помощники из местных, было почти невозможно. Направиться в сторону окружающих деревень, жители которых знали, что за поимку еврея им положена награда? Даже, если большинство сельчан и не хотели в этом участвовать, то больше одного доносчика было и не нужно. Подвергать жизнь лишениям, мукам, если так мало надежды?

Может, поэтому, оставшись в Михалине, евреи смирились с мыслью о неизбежной смерти, тем более, если в семье были маленькие дети, старые родители.

У Беллы Стукало, второй сестры моего отца, и ее троюродной сестры Доры не было маленьких детей, поэтому родители буквально на коленях умоляли их бежать. И девушки решились...

Несколько месяцев блуждали они по лесам, пока не вышли к своим. Не счесть, сколько страданий, трудностей и страха им пришлось пережить, но остались в живых. После войны Белла уехала в Краснодар к своей сестре Лизе, решив быть рядом. Их дети, внуки и сегодня живут в этом городе.

Дора вернулась в Белоруссию. Ее дети и внуки в Израиле. Дочери Римма – в Ашдоде, Элла – в Ришон-Ле-Ционе, сын Ефим – в Холоне.

Вы можете теперь наглядно представить, что означало спасти жизнь? Не только свою, но и будущих поколений?

А вот оставшимся в Михалине не повезло. Галина, жена красного командира Ефима Стукало, приехала летом в Белоруссию с Дальнего Востока. Ее родные – в местечке. Родня мужа – в Михалине. Почему бы не отдохнуть после родов, тем более что муж всегда на службе? А теперь куда с маленьким ребенком? Жена офицера не была трусливой, но и выхода никакого не видела. Никто не скрывал, что вот-вот начнут убивать евреев: об этом говорили все. Некоторые местные жители уже приготовили повозки. Только и ждали, когда

освободятся еврейские дома. А кто был понаглее, начал грабежи.

В Михалине оставалось несколько еврейских семей. (В том числе и семья моего отца, мать Сара, сестры Злата и Хана, брат Муня). Всех сплотила общая беда и безысходность. Никто не знал, что делать и куда идти. События развивались молниеносно: началось уничтожение евреев.

В один из осенних дней 1941 года к дому моего деда направились немцы, вооруженные полицейские.

Они и раньше заходили, но никогда их не было столько много.

Побледнев от страха, Галина бросилась к детской кроватке, чтобы защитить ребенка. Но чем? Как? Бежать? Куда? И тогда она решила: врагу живой не сдаваться.

Как некогда древние евреи умертвляли себя на горе Масада, чтобы их не взяли в плен римляне, Галина, подхватив ребенка, стремглав через огороды побежала к колодцу. Он стоял как раз напротив дома Стукало. И, не раздумывая, с размаху бросилась в колодец...

Какой же мужественной и решительной была жена офицера, чтобы совершить такой геройский поступок! У нее не было оружия, чтобы вступить в бой с врагами. Но она не дала им убить ни себя, ни маленького сына Михаила. Не могла допустить, чтобы враги раздевали ее на краю могилы, издевались над ней и ребенком...

– Какие же вы вояки, если не можете справиться даже с женщинами, детьми и стариками, – кричали евреи в глаза палачам, – это с нами герои, но еще будете валяться у ног наших сыновей и внуков.

Полицейские, вне себя от ярости, пинками и ударами выбросили из дома и затолкали в общую колонну дедушку, бабушку, шестилетнюю Рахель – самую младшую сестру моего отца. В тот день их расстреляли вместе с другими евреями местечка и города Климовичи. Расстреляли не только их, но и будущих детей и внуков, которые могли быть, уже у взрослой Рахели.

Погибла Галина, жена Ефима Стукало, погиб их сын Михаил и вся его будущая ветвь, которая могла бы пойти дальше...

Вы думаете, трагедия нашей семьи закончилась в Михалине? К сожалению, нет.

Самый старший из сыновей, старшина Яков Стукало, под Минском попал в окружение. На еврея он не был похож. Богатырского сложения, светловолосый крепыш. Чем не шанс затеряться среди других красноармейцев? Но... Сколько бы евреев могли остаться в живых, если бы не повсеместные доносчики?

Как только немцы вступили в Климовичи, отщепенцы, соперничая между собой, стали предоставлять им списки евреев. Одни сообщали адреса и фамилии семей, проживающих на одной улице, другие – по всему городу. За эти услуги просили освободившийся дом, или вещи, снятые с убитых.

Якова выдал кто-то из его знакомых по лагерю. Возможно, один из тех, с кем он пытался выйти из окружения? С кем вместе отбивался, голодал... Выдали так называемые «свои». В надежде получить благодарность, а может, и жизнь. Может, кто-то и получил. Интересно, не мерещился предателю один и тот же сон, где Яков Стукало грозит ему с виселицы?

– Трижды вешали твоего брата. Даже веревка не выдерживала, обрывалась, – рассказывал позже сослуживец Якова моему отцу. Спрятавшись в мусорном ящике, он убежал из лагеря военнопленных и добрался до Климовичей.

За диким зверем не было такой жестокой погони, как за каждым евреем. И если бы не местные «помощники», жертв было бы намного меньше. После войны, заметая следы, они даже подсмеивались: «Разве евреи воевали? Они все в Ташкент удрали!»

Я не буду оперировать общими цифрами: сколько Героев Советского Союза из числа евреев, сколько выдающихся полководцев? Это хорошо известно! Скажу только, что все четверо сыновей из семьи Стукало ушли на фронт. И все четверо – красные командиры!

Григорий, Семен и Исаак братья моей мамы. В самом начале войны тоже ушли на фронт. Семь человек из нашей семьи – участники боевых сражений! Скажите, этого мало?

Два брата погибло у отца – Яков и Лазарь, у мамы – брата Григория убили под Вязьмой в 41-м году.

Помните стихотворение Александра Твардовского: «Я убит подо Ржевом»:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При налете...»

Это и про него, моего дядю Григория. Какая разница, где он сложил голову: под Вязьмой или под Ржевом?!

Семен и Исаак, получив многочисленные ранения, вернулись домой.

Мой отец находился на фронте с самого начала боевых действий, он участник керченского десанта.

...Явственно вижу, как при температуре воздуха минус 15 градусов, в бушующие волны Черного моря бросаются десантники. Среди них и мой отец! С вражеского берега – шквал огня, от взрывов все взлетает вверх. Счастливики прорываются на берег.

А дальше – бои в Венгрии, Чехословакии, Австрии. Ранение одно, второе... После одного из них – гангрена правой ноги. Спасли с трудом. Только встал на ноги, получил тяжелую контузию в следующем бою.

В 1943 году, когда освободили Климовичи, заскочил на несколько дней домой. И был потрясен! Впервые узнал, что случилось с его семьей и со всеми евреями местечка. Советская власть долго скрывала всю правду об уничтожении евреев. Вначале руководители страны обещали населению, что шапками забросают врага на его же территории, потом стращали не поддаваться на провокации, а позже просто всех бросили. И, если белорусов, русских, украинцев немцы не трогали без причины, то все евреи были обречены. Мало того, что для их спасения на оккупированной территории ничего не делалось, так еще скрывалась вся правда. Пока сами еврей-фронтовики не узнали о

страшном Холокосте еврейского народа, Москва молчала.

Озлобленный на врага, старший лейтенант Евгений Стукало, вернувшись на передовую, уничтожает в одном из боев более 20 фашистов. Это стало его личной мстью! Вот тогда-то он получил орден Красного Знамени!

Как-то отца назначили начальником эшелона, в котором перевозили на фронт штрафников. По дороге один из них сбежал. Тогда, оставив за себя офицера, который был младше его по званию, отец ушел искать сбежавшего. Задержал его далеко от станции и доставил обратно. За что солдаты из штрафбата пытались перерезать ему горло несколько раз.

Наш отец был сильный и смелый человек, как и все из рода Стукало.

В отцовский дом он вернулся в 1946 году. Стал первым бригадиром вновь созданного еврейского колхоза. В Михалине возрождалась наша семья.

Пережив Катастрофу, приехала в Климовичи Александра Чарная. Ее выбрал в жены наш будущий отец! В 1946 году они сыграли одну из первых еврейских свадеб в Михалине, а в 1947 году родился я. Через пару лет сестра – Галина, которую называли в честь трагически погибшей первой жены Ефима.

Мы – трое детей Евгения и Александры – родились в Михалине, сейчас все в Израиле. Я работаю инженером, руковожу группой специалистов на крупном автомобильном заводе. Младшая сестра Лиля – врач,

как и ее спасаемая во время войны тетя Лиза. Средняя сестра Галина – учительница, теперь на пенсии.

Выросли дети, подрастают внуки. Вот, кажется, и все. И так уже о многом рассказал. Ты же, Ефим, хорошо знал нашего отца! Твои первые заметки в районную газету были о бригадире Евгении Стукало, михалинцах. Помню, как ты приходил к нему со своим блокнотом. Я слышал, что ты снова недавно был в Михалине? Как он? Изменился?

– Изменился. Дом, в котором жил твой дед, а потом и вы, еще стоит! Но старого Михалина нет.

***Когда уничтожили евреев во время войны,
местечко получило смертельную рану,
но жило еще 50 лет...***

Михалин был маленькой Палестиной

Лазарь Лайвант, внук многолетнего
председателя еврейского колхоза в Михалине
Исаака Лайванта. Живет в Филадельфии, США.

«Шалом, уважаемый Ефим Давыдович Златкин.
Прочел ваш очерк о Михалине. И не мог не написать.

Молодые горячие головы грезили о Палестине, уезжали в малярийные болота, осушали и на их месте строили кибуцы. Трудно сказать, почему мой дедушка не оказался среди них. Но уезжали в основном из больших городов, с сионистской идеей. Может быть, у него ее не было, а может, не мог оставить родное местечко, бросить родных. Да и советская власть обещала вначале многое...

Короче, Исаак Лайвант – мой будущий дедушка, на окраине города Климовичи в 1922 году построил первый дом, посадил яблоневый сад из антоновок. Здесь, за несколько километров от города, еще не было ничего – ни будущего Михалина, ни большого сада, а дом уже стоял. И поля простирались до самого горизонта...

А вокруг жила еврейская городская беднота, обремененная многочисленными детьми, мелкими заботами, она копошилась в маленьких двориках, почесывая головы от забот.

И вдруг, первый дом с левой стороны будущего местечка. Власть бросает клич, что все равны. И евреи? И евреи! А куда им малограмотным, говорящим только на идиш? Коверкающим русский язык. Но вдруг изменится жизнь к лучшему? Царя прогнали, говорят, все теперь равны. Стали записываться в колхоз.

Это городские евреи из больших городов умчались в Палестину, а в глухом уголке бывшей Российской империи о ней разве могли мечтать? Только евреи не были бы евреями, если бы не называли Михалин... маленькой Палестиной.

А разве это не так? Там осушают болота, здесь убирают кустарник, там учатся сеять, ухаживать за скотом, и здесь учатся сеять и ухаживать за скотом, там евреи – и здесь одни евреи. Там спешат на субботнюю молитву и здесь в Михалине встречают шабат.

Только тогда они и думать не могли, что Палестина через несколько десятилетий будет отождествляться не с евреями, а со злом, терактами, арабами.

Дом у моего деда Исаака был самый большой. Сюда приходили еврейские колхозники на утренние планерки. А потом спешили на поля и фермы. Мой дед,

как председатель колхоза планировал работы так, чтобы справлялись с ними вовремя. Вначале не верили. Мол, какие вы, евреи, землепашцы? А когда научились обрабатывать землю, их начали ставить в пример. Где были лучшие доярки-орденоносцы? В Михалине! Где закрома ломились от хлеба? В Михалине!

Правда, находились «командиры» из райцентра, которые приказывали, когда надо сеять, убирать... Дед соглашался с проверяющими, но как только они уезжали, командовал: прекратить все работы. И сеять тогда, когда земля поспеет, убирать тогда, когда колос нальется силой.

– Ты мне здесь Палестину не разводи, – шумит на него районный начальник в Климовичах.

Проходит лето, осень, а зимой тот же начальник уже хвалит деда за самые высокие урожаи, за то, что на ферме нет бескормицы...

Ты у меня спрашиваешь, как отразилась Катастрофа на нашей семье? Расскажу.

У моего деда было трое сыновей. Двоим – не повезло. Не каждый становится майором в 24 года, тем более – еврей. А вот Лазарь, средний сын, стал! И какая же была у него была горькая судьба? Погиб за три месяца до окончания войны. Через польский пограничный городок, где он был военным комендантом, прорывались немцы и их пособники. Военный комендант не обязан был в конце войны идти в горящее пекло. Есть офицеры ниже рангом. Но

Лазарь уже знал о массовом уничтожении евреев, догадывался, что произошло с него родным Михалином.

– Никто из фашистов не должен перейти границу и скрыться в Германии! Никто! – приказал он подчиненным. Немцы и полицейские с невиданной яростью набросились на пограничников. До спасения – рукой подать! Вот она – Германия! С лесной опушки, как на ладони, красные черепичные крыши. Нужно только остановить этот беспощадный огонь... Но остановить нелегко! Это не просто бой! Это – последний бой! Что понимали с двух сторон!

Увидев, что часть диверсантов уходят к границе, майор вызвал огонь врага на себя. Надеялся, что его бойцы за это время успеют их обойти и закрыть дорогу вперед. Э-х – дядя, дядя, не прятался ты, пошел напролом! Врага остановили, границу никто не перешел!

А дядю Лазаря, в честь которого назвали меня, в расположение воинской части принесли на плащ-палатке: все его тело изрешетили автоматные очереди.

С двумя ранениями, тяжелой контузией добрался до местечка только самый старший Давид, мой отец.

Огромные яблони, которые выросли за прошедшие годы, стучали своими хрустящими антоновками в окно, словно приглашали выйти в сад. Здесь было так тихо и спокойно – тяжелые годы войны ушли куда-то прочь. В родном доме мой будущий отец набирался новых сил. Позже встретил мою маму,

которая тоже чудом выжила в годы Катастрофы, а в 1946 году родился я.

Дом деда в отличие от других еврейских домов, не попал под бомбежку.

– Лучше бы он сгорел, – разводила руками моя бабушка, оплакивая двух сыновей. Дед Исаак, слушая причитания жены, тоже ломал руки. И не только из-за погибших сыновей. Он никак не мог примириться с мыслью, что нет больше еврейского Михалина, что большинство тех, с кем он работал, жил, встречался в местечке – всех, всех расстреляли. Все михалинцы –

в котловане. А молодые, горячие парни, надежда и будущее местечка, остались там, в военных окопах, как и его два сына.

Дед Исаак очень переживал, но держался, мужчина ведь. Он хотел еще вернуть к жизни израненное детище – еврейский колхоз «Энергия». Это стало делом его жизни. И вернул! Колхоз возрождался, словно птица Феникс. Это было невероятно! Рядом – в Милославичах, Хатовиже, Родне, где до войны были еврейские колхозы, ничего не восстанавливалось. Как и повсеместно по всей Беларуси. Нельзя было склеить то, что разбито. А в Михалине собирались уцелевшие жители бывших местечек: создавался новый коллектив! Более десяти лет после войны еще работали на полях. В составе «Энергии» были уже не только евреи, но и местные белорусы. Жена еврея-офицера Исаака Злобинского, умершего от фронтовых ран, Зинаида стала дояркой.

Как и Вера, жена бывшего жителя местечка Милославичи Ильи Кугелева. Приходили на работу из соседних сел, из города. До середины пятидесятых годов колхоз в Михалине носил довоенное название – «Энергия». Но постепенно оставалось все меньше и меньше от прежнего еврейского колхоза. В 1955 году его укрупнили, соединили с близлежащими соседними хозяйствами и переименовали в колхоз имени Карла Маркса, а дедушку отправили на пенсию.

- Так все и закончилось?
- Да, так все и закончилось. Мечта еврейских

колхозников иметь свое хозяйство лопнула, как мыльный пузырь. В 1957 году я был последний раз в Михалине, а через год мой дед Исаак умер. Его жена, яркая колхозная сподвижница – моя бабушка Сара, уехала к дочери в Щорс...

– Прошло 50 (!) лет, а не можешь забыть Михалин?
– Не могу! Это был не просто Михалин, он был центром нашей еврейской жизни. А в ее центре – наш дом. То уважение, которое люди испытывали к дедушке, передавалось всем нам.

– Я скажу больше! До конца девяностых годов мы жили напротив бывшего вашего дома. Знаешь, как в Михалине называли женщину, которая его купила? Лайвантихой! На протяжении многих десятилетий даже никто не знал ее имени, называли по фамилии твоего деда.

– Для меня Михалин остался за каким-то розовым горизонтом, где я игрался с сыновьями Малаха Ошорова, Зямы Любан. Помню среди коренных михалинцев семьи Стукало, Златкиных. Ты из этих Златкиных?

– Мой дед и отец до войны жили в Михалине, вернулись сюда после нее. Да, мы коренные михалинцы!

– Ваши воспоминания будут читать многие бывшие жители местечка. Расскажите о себе, о вас всех.

– Я внук Исаака, живу в Филадельфии, куда мы все приехали из бывшего Советского Союза. Отец умер рано, в 1993 году. Мне пошел восьмой десяток, но жизнь продолжается. Внучка Исаака, Мира Давидовна Алексеева-Лайвант, в Бостоне. Вторая внучка Ася Матвеевна Каган живет в Минске (ее мама София – единственная дочь Исаака и Сары).

Порадовался бы мой дедушка, узнав о своих правнуках: Игоре Алексееве из Москвы, Евгении и Борисе Лайвант из Филадельфии, Алексее Кагане - в 2015 году переехал из Америки в Израиль. Идут в жизнь праправнуки Исаака – Анна и Павел Алексеевы в Москве, Давид и Марк Лайвант в Филадельфии.

Я мысленно вижу большое семейное дерево с многочисленными ветвями. Оно было посажено моим дедом в Михалине. Там его корень, там появились и первые ветви.

– А новые корни и новые ветви выросли позже в Москве, Америке и, наконец, добрались до Израиля. Я думаю, ваш дедушка, председатель еврейского колхоза, был бы приятно удивлен тем, что его правнук, как тогда говорили, в Палестине – в сегодняшнем Израиле.

– Я думаю, был бы более... обрадован!

– Я совсем недавно приехал из Михалина, на месте вашего дома стоит большой новый дом. А рядом пустырь, на котором растут желтые цветы. Как мне сообщили местные жители, их никто не сажает. Сами растут. Вначале их вырубали, но они снова появляются каждую весну. Оставили их в покое: растут и растут...

– Разве вы не знаете, что желтый цвет, цвет разлуки? Цветы, видимо, скучают за вашими. Вы все ведь уехали, - многозначительно поднимает алец Людмила, моя знакомая со времен михалинского детства.

Я сорвал букетик желтых цветов, взял с собой их в Израиль. Они долго не засыхали...

***Беларусь синеокая. Фото Валерия Бысова
(друг юности автора книги, вместе учились
фотожурналистике, живет в Кричеве).***

И меня бы не пощадили

Галина Климова (Златкина) (на фото), родилась в послевоенной Москве. Наш общий прадед Моисей Златкин родом из местечка Прянички Климовичского района. Летом 2016 года Галина вместе со своей семьей – с мужем Сергеем Надеевым, сыном Ярославом и его женой Наташей – впервые приехала в Прянички и в Климовичи, чтобы увидеть эти места, подышать воздухом, которым дышали ее предки, поклониться своим родовым корням. Пишет стихи и прозу, автор пяти поэтических сборников, романа «Юрская глина. Путеводитель по

семейному альбому в снах, стихах и прозе». Работает в журнале «Дружба народов». Живет в Москве.

Я полукровка: папа – еврей, мама – русская. Меня воспитала и вырастила русская бабушка Феня, Федосья Захаровна Сидорова. И вот ведь какой удивительный случай: моя Феня – кацапка из белорусского села Доброе, что находится всего в 20-30 километрах от местечка Прянички. Вот такая география судьбы!

Феню еще в младенчестве увезли в Сибирь, куда переселилась вся их семья в поисках куска собственной земли. Бабушка считала себя сибирячкой! Сибирячкой называла себя и родившаяся в Сибири моя мама. За этим словом стоит не только место рождения, но и характер, и судьба, и жизнь.

Мама, Анна Романовна Златкина – профессор, известный гастроэнтеролог, заслуженный деятель науки России. Не зря моя полуграмотная бабушка мечтала, чтоб ее дочь «ходила в белом халате». Так и случилось.

Отец, Даниель Златкин – московский инженер–строитель, десятилетиями отстраивал столицу, строил также дома отдыха и санатории на Кавказе и в Закарпатье. Многие годы, живя в Москве и став литератором, я не касалась еврейской темы. Но отцовские корни меня позвали...

Климовичский мещанин Файбус Мовшевич Златкин, 1887 года рождения – мой дед. Его жена Хая

Лейбовна Златкина, 1886 года рождения, из Галиции – моя бабушка. Почти всю жизнь они прожили в Николаеве, на Украине, а я – под Москвой и в Москве. Но мои еврейские корни – на климовичской земле...

Первым импульсом искать еврейских родственников послужил случай, произошедший со мной в 2006 году, когда с группой российских писателей я была в Китае, в Харбине. Со слов моего отца, которого к тому времени уже не было в живых, я знала, что родной дядя моего отца (и мой двоюродный дедушка) – Соломон Златкин жил с начала 20-го века в Харбине – в самом русском из всех китайских городов – и служил кантором в Главной еврейской синагоге. Больше ничего я не знала о Соломоне, но решила поискать его могилу. Мы вместе с поэтом Риммой Казаковой приехали на еврейское кладбище вблизи Харбина, и ровно через полчаса – судьба, наверное, вела! – я увидела на коротко стриженном газоне старую могильную плиту, где было написано:

Кантор главной синагоги
свободный художник
Соломон Моисеевич Златкин
Умер 24 ноября 1953 года
17-го Кислов 5714 г.

Второй раз мы услышали о Соломоне в начале Перестройки, когда моя мама вернулась после

медицинской конференции из Австралии, из Сиднея, где ее коллега, выходец из Харбина, спросил напрямик:

– У вас есть или, может, были родственники в Харбине?

– Родной дядя моего мужа!

Тогда уже можно было не скрывать, что есть родственники за границей. От австралийского профессора мама узнала, что Соломон был знаменитым кантором, у него был удивительной красоты и силы голос. В Харбине его слушали такие певцы, как Шаляпин и Вертинский.

Этот случай положил начало моему семейному роману «Юрская глина», написанному в форме путеводителя по семейному альбому. Меня очень интересовала отцовская линия. В книге я рассказала все, что знала о прадеде Моисее, сапожнике из местечка Прянички, о роде Златкиных. Я не подозревала, что это только начало...Хотя, когда писала о канторе Соломоне, надеялась, что кто-то из Златкиных еще жив.

В моей книге есть такие строки: «Должно же остаться что-то кроме могилы? Может, хранится в харбинских архивах и ждет, если не меня, то моих внуков? Ведь не последним же человеком в городе Харбине был кантор Главной синагоги, свободный художник Соломон Златкин?»

Интуиция меня не подвела. Почти в то же время в Израиле вышла книга Ефима Златкина «От Михалина до Иерусалима». О существовании Ефима я и не

подозревала. Его книга написана тоже в форме семейного альбома. Не знаю, кто нас свел? Бог, судьба... Но Ефим – вот кто откликнулся! – нашел меня через Интернет.

Мы – троюродные сестра и брат. При первой же встрече почувствовали не только кровное, но и духовное родство. И тогда же решили отправиться двумя экспедициями (московской и израильской) в Прянички, где жил наш общий прадед Моисей и 13 его детей.

Какие чувства мы испытали – это разговор особый! Словно увидели историю своей семьи, почувствовали токи родового древа и его корни, уходящие в далекое и неизвестное прошлое.

Еврейские местечки, переселение евреев из Польши в Россию, Белоруссию, а до того в страны Западной Европы, оттуда в Иерусалим. Дорога наших предков длилась века. Евреи всегда в дороге (вот почему мне дома не сидится!). Эта же дорога позвала нас в Белоруссию.

Как бы не были глубоки мои переживания и размышления о судьбе рода Златкиных, как части еврейского народа, все же я была потрясена не этим.

А когда на окраине Климовичей впервые подошла к скромному одинокому обелиску... На памятнике – лишь несколько полустертых строк на идиш и скупая надпись на русском языке: «Советские граждане». Даже не названы имена расстрелянных. Сколько еще

времени должно пройти, чтобы люди стали людьми – и живые, и мертвые?!

Смотрю на пожелтевшую страничку климовичской газеты с фамилиями расстрелянных евреев: среди них родные братья моего деда Файбуса и Соломона: Хаим и Айзик, их жены и дети.

Я побывала во многих странах и городах мира, и везде, по всему свету, я искала вас, мои дорогие Златкины!

И где нашла? В безымянной могиле в Белоруссии, почти на границе с Россией. В Израиле, где живут Ефим и трое его братьев со своими детьми и внуками.

Я, православная христианка, русская, остро почувствовала, как шумит и волнуется моя еврейская кровь. Если бы я родилась до войны и жила в Климовичах, точно также была бы уничтожена со всеми Златкиными и с другими евреями. Меня бы тоже не пощадили. И у меня не родился бы сын Ярослав, а у него его дети – мои внуки Даниил и Георгий. Как не родились дети, внуки и правнуки у многих из расстрелянных здесь и погребенных в этом котловане.

В Израиле уже двадцать лет живет моя двоюродная сестра Элла Новальковская (ее мама Анна – тоже Златкина) со своей многочисленной семьей – четыре поколения. И вот теперь еще появились четверо троюродных братьев: Ефим, Яков, Сергей и Григорий! Все – Златкины, как и мой дед, как мой отец, как и я (до

замужества). Я долго искала родственников. И нашла. Чему несказанно рада!

Вы еще не догадываетесь, куда я помчалась в первый же день своего приезда в Израиль? Конечно, к родным, к новым братьям! Очень жаль, но ни мой дед, ни мой отец уже не узнают, что мы все-таки нашли. Не разминулись в этой огромной жизни. Мы побывали в Пряничках и в Климовичах, но нам уже никогда не встретиться с теми «советскими гражданами», оставшимися в безымянных могилах...

Мой отец, старший лейтенант Даниель Златкин, прошел войну: был сапером, служил в разведке. Он выжил. Но он мало что знал о Катастрофе большой семьи Златкиных, к которой принадлежит и наша ветвь через Файбуса, в 14 лет ушедшего «в люди» из местечка Прянички. Мы называли его – дедушка Федя.

***Об этой трагедии я
узнала только в 2016 году.***

На глазах моей мамы расстреляли ее трехлетнего сына

Анна Воронова, родилась в 1947 году в городе Климовичи. Брат-близнец Михаил Шур сегодня живет в этом городе, директор 1-ой средней школы. У него – двое сыновей, один из них – в Израиле. Аня в 18 лет уехала в Ленинград, вышла замуж за жителя Климовичей Иосифа Воронова. В 1993 году приехала в Израиль вместе с двумя дочерьми. Имеет трех внуков.

– Все годы наша мама Этка Натапова не любила вспоминать, как она, одна из немногих, спаслась от неминуемой смерти. Скорее, не могла вспоминать. Но во сне всегда страшно кричала. В этом крике было что-то ужасное, нечеловеческое.

Немцы наступали очень стремительно, но большинство евреев успели оставить город Климовичи. А мой дед Моисей, отец мамы, не спешил.

– Немцы нас не тронут. На кого я оставлю дом и свою лошадь? – недоумевал он.

Короче, никуда они не уехали. Когда немцы вошли в город, сразу же взялись за евреев. Тем более, что у них появилось помощники из местного населения. Каждому еврею приказали нацепить желтые метки. Стали гонять на тяжелые земляные работы. Запрещено было все. Запахло смертью.

Бежать? Но, как и куда? У моей мамы – немолодые родители, маленький ребенок...

– Мальчика я возьму к себе. У меня много детей, он будет незаметным среди них. А вы постарайтесь поскорей уйти из города, – предложила соседка Румянцева, очень добрая женщина.

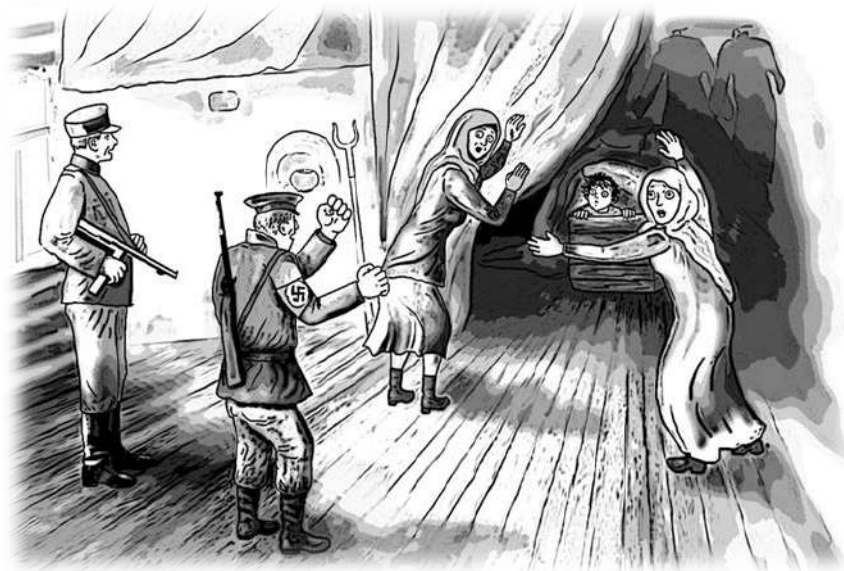
Уже были составлены списки евреев, за каждым наблюдали полицаи, казалось бы, вчерашние друзья. В один из дней, как всегда, дедушку и мою маму отправили на работу. И в этот же день в городе началась акция по уничтожению евреев. В дом к бабушке ввалился полицейский. Ударами сапога,

выбросил ее во двор. Увидев, что внука нет, зарычал, как собака.

– Жидовка, куда ты его спрятала? – орал он на всю улицу.

Хорошо зная, что наша семья дружила с белорусской семьей Румянцевых, отправился к ним. Местные подонки были более коварны, чем немцы. Наставив ружье на соседку, полицейский кричал, чтобы она отдала ему жиденка (так он его называл), иначе он перестреляет всех ее детей прямо сейчас.

И в это время из тайника, куда спрятали мальчика, показалась черненькая головка испуганного ребенка.

– Моисеевна, всех погнали на расстрел. И твоих вместе со всеми, – прибежала к маме с растрепанными волосами ее знакомая. Мама и бабушка помчались за город.

Не думали ни об опасности, ни о себе: бежали со всех ног к месту расстрела. Но в последний момент остановились, заскочили в какой-то сарайчик. Моя мама, Этка Натапова, рванулась к выходу, увидев, как вдалеке повели к яме ее сына и мать.

– Стой, им уже ничем не поможешь. Живые должны дальше жить, – успел схватить ее за руку отец.

Кошмар продолжался несколько часов: совсем рядом расстреливали всех знакомых евреев. В то же время люди, с которыми они жили в одном городе, ходили по одним улицам, разговаривали, улыбались... В Климовичах, в нескольких километрах от трагедии – как будто здесь ничего не случилось – продолжалась обычная жизнь. Местные полицейские, поджидая очередную группу евреев для расстрела, хохотали, глушили из горла водку, курили махорку.

Моя мама чуть не сошла с ума. Видя это, она до костей изгрызла свои руки. Дед Моисей крепко прижал ее к себе, зажал рот и не давал вырваться. Ночью огородами вернулись домой, чтобы забрать какие-то вещи и срочно уйти. Но в окно увидели, как к дому приближаются немец с полицейским. Обнаружив, что не расстреляли еще двух евреев, начали их искать. Моя мама услышала, как полицейский громко уверял немца,

что беглецы могут прятаться дома. Успели выскочить в окно. К счастью, густая и высокая картофельная ботва была не скошена. Спрятались в ней, сидели в темноте неподвижно. Полицейский, стреляя во все стороны, бегал вокруг дома, злился, кричал, угрожал, что если найдет, будет резать на куски... Что оставалось делать? Надеяться на Бога и на судьбу.

Поползли на четвереньках по картофельному полю. Когда-то дедушка сделал в ограде маленький лаз, который выводил на соседнюю улицу. Как он сейчас помог! Уходили огородами, маленькими улочками, старались до рассвета добраться до леса. Блуждали долго. Вышли на партизан. Маму они готовы были взять с собой, а дед был в тягость. Лесом пошли дальше. Никаких подробностей своего лесного путешествия мама не рассказывала. Знаем, что они как-то добралась до Узбекистана, где жили родственники.

Пишу об этом и не могу представить, как можно было уйти из Белоруссии, которая была под немцами. Идти по территории, занятой врагом, полицейскими, без еды, воды, одежды? Видимо, была судьба остаться в живых.

В Климовичи они вернулись в 1946 году. Чужие люди заняли наш дом: некоторое время жили вместе с ними. Потом уехали.

Мама вторично вышла замуж. В 1947 году родилась я и мой брат-близнец Михаил Шур. Мы, дети, жили, как и все наши ровесники, не вникая в семейную

трагедию. Знали, что наша мама – одна из немногих – спаслась в день расстрела.

Все это уходило в прошлое. Жизнь требовала жить сегодняшним днем. Я рано уехала в Ленинград. Появилась семья, дети, а позже и внуки. И я переехала в Израиль.

Сейчас осмысливаю: в нашем роду никогда не было близнецов. И вдруг двойня! Случайно? Думаю, нет! Мой брат и моя бабушка Хая были расстреляны вместе, а через шесть лет я родилась вместе со своим братом. Чудо! После трагедии... Каким еще словом это можно назвать?

Второе чудо: мой брат Михаил и его жена Галя, словно вернули к жизни первенца нашей мамы, назвав своего второго сына его именем.

Гена Натапов расстрелян, Гена Шур – такой открытый, прекрасный человек сегодня в Израиле.

Не понимаю, как наша мама все годы жила с такой острой болью, прятала ее внутри себя, как будто ничего и не было.

– Вы слышите, вы меня слышите? Моя Анечка пошла уже в четвертый класс. Вы слышите, вы слышите меня? Мой Мишенька, такой хозяйственный мальчик, – все говорит, не переставая, своим покупателям Этка Натапова в Михалинском магазине.

У нее никто про детей никогда и не спрашивает – все заняты своими делами. Но она говорит каждый день, каждому новому покупателю.

Я позже узнал и увидел ее детей, но как их зовут узнал намного раньше. Знали про них все – и я, и другие михалинцы. Часто забегая в этот магазин (он стоял напротив нашего дома), хорошо помню ее трескучий голос. Она была маленького роста, очень подвижная. Успевала быстро обслужить посетителей и рассказать все новости.

Я и раньше задавал себе вопрос: почему у Этки, такой милой и обаятельной женщины с грустными глазами за толстыми стеклами очков, такой трескучий голос?

Никак не мог вспомнить, что он мне напоминает? Пока не понял: треск бесконечных автоматных очередей. Так они глубоко врезались в память, что и ее голос стал похож на них.

В Пряничках расстреляли нашу семью

Белла Когай, *живет в Новороссийске. Мать Беллы, Злата Златкина, двоюродная сестра моего отца Давида. Мой дед Залман и ее дед Айзик – родные братья.*

Я родилась в 1946 году в Перми. Но мне и моему брату Борису кажется, что мы значительно старше. Мы продолжаем жить жизнью... нашей мамы Златы. Ибо до мельчайших подробностей помним все то, о чем она нам рассказывала множество раз.

Мы никогда не видели Прянички, но зримо представляем это белорусское село, окруженное лесами на берегу реки Остер. Более десяти километров прошла отсюда наша мама до железнодорожной станции. В двадцатые годы она уехала отсюда в город Николаев, где жил ее дядя Файбус, брат нашего деда Айзика. Выйдя замуж в Николаеве, мама приезжала до войны в Прянички, забрала с собой младшую сестру Гисю. Из рода Айзика Златкина они только вдвоем и спаслись....

Когда началась война, мама с Гисей из Николаева эвакуировались в Пермь, где и остались.

Там родились мы и наши дети. Сегодня род Айзика насчитывает несколько десятков человек, мой сын Леонид составил семейный сайт.

Лев Златкин, самый младший сын Давида, к сожалению, рано умерший, тоже создал семейный сайт, начиная его от рода Залмана, брата Айзика. И как только были названы общие имена и фамилии, два сайта соединились в один. Так встретилась линия уральских Златкиных и белорусских. Есть еще – род Фейбуса, его дети, внуки, правнуки, живущие в Москве, Израиле. Осталось только их имена и фамилии занести в общий сайт. И тогда соединятся уже три линии.

Живет род моего дедушки Айзика! Хотя он сам, его жена и младшие дети погибли в Пряничках. Нам

даже известно, как это было. Свидетелем их смерти стал старший сын Айзика – Арон.

На фото старший лейтенант Арон Златкин – свидетель расстрела своей семьи в Пряничках.

Выходя из окружения осенью 1941 года, он оказался на границе Белоруссии и России, недалеко от родного местечка. Отпросился, видимо, у старшего

командира, чтобы навестить близких. По памяти привожу его письмо, которое он успел прислать с фронта своей сестре – моей маме. Его долго хранили, перечитывали. За долгие годы даже выучили наизусть.

«На рассвете я пришел в Прянички. Смотрю, к селу направляются вооруженные полицейские и немцы. Их было много, целый отряд. Я успел вскочить в большую рассохшуюся бочку. Через ее расщелины я видел, как они вошли в дом моего отца, как возле дверей расстреляли брата Генуха, как погнали всех – отца Айзика, его жену Беллу, моих братьев и сестер к приготовленной яме. Видел, как их подводили к ней и расстреливали всех, один за другим. Видел, как расстреляли евреев Пряничек. Одна светловолосая девочка, словно птица, вспорхнула надо рвом и бросилась бежать. И сколько в нее не палили, так и не попали». Старший лейтенант Арон Златкин продолжал воевать дальше, мстил за смерть своих родных до тех пор, пока сам не погиб в 1943 году.

После войны мама и ее сестра Гися приезжали в Прянички, чтобы на месте узнать, как все было. Им рассказали, что, когда одни полицаи убивали евреев, другие поджигали их дома

.В местечке Прянички Златкины жили с конца, а может, и со середины 19-го века. И вот такая трагедия: под корень!

«Жди меня, и я вернусь...»

Феликс Любан, бывший житель Михалина, сегодня живет в Германии.

На улице моросит дождь. Он идет и идет, не перестает: то сильнее, то слабее. От сырости землянка не спасает, но защищает от дождя. Уже четыре года живет в ней Сима, вернувшись в местечко. Не одна. С двумя сыновьями.

В колхозе «Энергия» было немало хороших и работающих парней, но Симе, новой лаборантке на животноводческой ферме, приглянулся Зяма Любан. Как жар-птица, рыжий. И такой же характер – огненный. С детства любил лошадей, коров, землю, природу, как и она. Какие удивительные вечера стояли в Михалине, когда Зяма провожал Симу с работы!

Поднимался еврейский колхоз, а вместе с ним и люди. Вскоре влюбленные поженились, родился старший сын. И вдруг война.

Трем колхозникам, в том числе Зяме и Симе Любан, поручили перегнать стадо коров в Тульскую область и сдать в местное хозяйство. Легко сказать, сдать. Дорога дальняя, бомбежки, пыль, коровы не могут идти не доенные. Стадо в 80 голов! Как их

подоить, когда горло пересохло от жажды? Нет воды, нет еды. К вымени коровы притронуться нельзя: переполнено молоком. Это было подвигом – пройти такой путь пешком, под обстрелом. Но кто про подвиг тогда думал или говорил? В селе Ясная Поляна, на родине Льва Толстого, стадо передали местному колхозу.

Ушел на фронт Зяма. Сима уехала в тыл. Закончилась война, каждый день молодая жена ждет весточки от мужа. Сначала в Узбекистане, где была во время эвакуации, потом в Михалине, куда вернулась в 1944 году. Два года прошло после окончания войны, а мужа все нет и нет.

– Сима, может, зря ты столько ждешь? Уже 1947 год! Ты еще молода. Есть одинокие мужчины, которые потеряли жен и детей. Может, подумаешь, как устроить свою жизнь? – говорят ей знакомые. Что может ответить Сима? Да ничего. Поймут ли? Улыбается и, чтобы отстали с советами, читает стихотворение Константина Симонова:

«Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера...»

И добавляет: «Я тоже буду ждать даже тогда, когда другие уже не ждут...»

И дождалась! Дождася! Что больше помогло: женская верность, преданность, любовь? Или везение? Или судьба? Только один наш отец из трех братьев

Любан вернулся домой. И то нет сразу. После окончания войны его направили в Тегеран, где задержали на два года. Тогда и перестали приходить письма. Другие уже не ждали, не верили, что Зяма вернется в Михалин, а Сима ждала и верила.

Ты вот написал про меня рассказ: «Рыжик». Я прочитал и... прослезился. Не стесняюсь признаться в этом я, подполковник в отставке.

– Я тебя ждала бы всегда, а не семь лет, – помню, как говорила отцу наша мама. Вспоминаю ее слова. И строки из стихотворения «Жди меня», которое, как мама, полюбил и я тоже:

«Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать.
Как никто другой...»

Представляю, как мой отец вчитывается в это известное всем бойцам стихотворение. На фронте. Конца войны не видать, о семье ничего не известно. Это одна картинка. Другая. Маленькая землянка в центре Михалина. В ней двое маленьких детей и мама, которая пять военных лет ждет мужа. После окончания войны – еще два года. Третья картинка. Из Ирана до станции Климовичи мой отец добирается два месяца. Продает одежду, сапоги, чтобы как-то прокормиться и

оплатить такую длинную дорогу. Уже совсем рядом, в нескольких километрах от Михалина.

Солдат Зяма Любан прошел тысячи военных километров, а последние преодолеть не может. Дом совсем рядом, а он на вокзальной скамье, обессиленный, в горячке. Попросил кого-то сообщить семье, что здесь...

И последняя картинка. Перед глазами мама. Она стоит в телеге. И гонит, гонит коня. Ее золотые волосы развеваются на ветру. Она молит Бога только об одном: «Успеть, успеть, успеть». И успела: привезла отца домой, выходила его...

Они родили еще мою сестру Иду, потом – меня. На месте землянки построили домик, посадили сад. А дальше, ты знаешь. Все вместе жили в Михалине.

– Знаю, все знаю. У самого младшего из детей Зямы и Симы уже внуки. Это у тебя, Феликс! Как и у твоих братьев Ефима, Владимира, сестры Иды. Не зря ваша мама так гнала коня по дороге. Не зря она стояла во весь рост в телеге, и, чтобы не упасть, намертво сжимала в руках вожжи.

Если вы еще считаете, что еврейские женщины неженки, то ошибаетесь. Может, они где-то и были такими, но только... не в нашем Михалине.

Ма-ме-ле, ма-ме-ле

Яков Златкин, родился в 1949 году, мой родной брат. В Михалине жил до окончания школы. Первый из пяти братьев стал студентом, поступив в Куйбышевский авиационный институт.

Был начальником цеха на крупном авиационном предприятии. В Израиле с 1993 года, более двадцати лет работает без перерыва на одном из заводов страны. И здесь руководит ответственным участком! Жена Генриетта, сын Дмитрий, дочь Эльвира, имеет внуков. Живет в Ашдоде.

Наш отец весь в бинтах горел в бреду.

И шептал горячими губами:

Мама, мама! Я к тебе приду, приду!

Только ты ..., только ты отойди от ямы...

Эти строки написал автор книги – мой старший брат Ефим. Они мне вспомнились, когда я стал готовить свои воспоминания об отце и его семье. Наш отец – Давид Златкин, всю жизнь страдал, потеряв мать, брата и двух сестер. Нам он старался не показывать свою боль, держал в себе, не мог расслабиться. За ним стояла семья из семи человек.

Наш отец Давид Златкин с внуком Левой.

– Ты – железный, – шутила наша мама, имея в виду его выносливость и твердость.

Отец, или Батя, как мы его называли, и в самом деле был «железным». Он был «начинен» таким количеством осколков, что в это нельзя было поверить ни ему самому, ни врачам, ни нам, детям. Наличие множества белых точек, квадратиков, треугольников на рентгеновском снимке, не вызывали никаких сомнений в

большом количестве железных осколков в его теле. Рядом разорвалась мина!

Как-то мы подсчитали: более полусотни! С этими осколками он сроднился за годы своей жизни. Ни одна операция не могла освободить его от них. Так и жил с ними. Но осколки отца особенно не беспокоили, видимо, прижились. Хотя задолго до наступления дождей, он всегда начинал стонать. Осколки очень остро реагировали на непогоду.

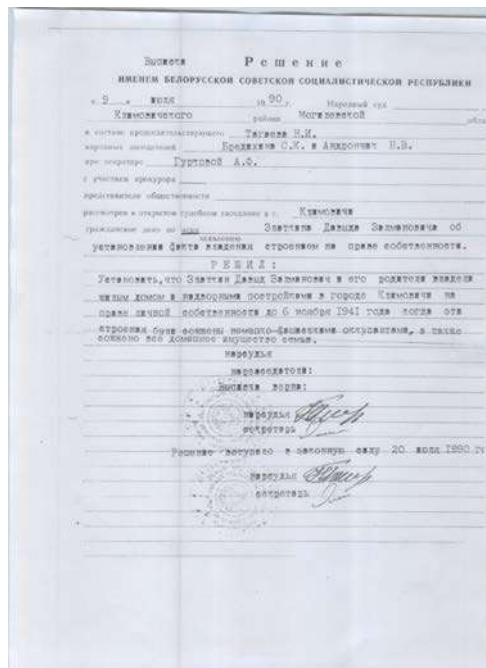
Руки, мои руки, – заворачивая их в старые шарфы, отец ходил и ходил по дому. Но еще больше стонал и скрежетал зубами, когда спал.

***Давид Златкин возле братской могилы
перед отъездом в Израиль***

– Ой, мамеле, мамеле, – слышали мы постоянно ночами. Или вдруг называл незнакомые нам вначале имена, которых будто звал откуда-то: «Му-ня», «Зла-та», «Хане-ле».

Позже мы узнали – так звали его родного брата и сестер, расстрелянных в Климовичах. А всего из его семьи расстреляли 13 (!) человек. Именно где, он так и не узнал. В котловане за городом?

В силикатном карьере? Или на еврейском кладбище? В этих трех местах расстреливали климовичских евреев. Отец считал, что его семья была

отцом по его маме Саре, брату Муне, сестрам Злате и Ханочке, по всем его родным.

Список расстрелянных из семьи нашего отца:

Златкина Сара Давыдовна, 1906 г.р. – мать.

Златкина Злата Залмановна, 1926 г.р. – родная сестра.

Златкин Муня Залманович, 1930 г.р. – родной брат.

Златкина Хана Залмановна, 1938 г.р. – родная сестра.

Златкин Генух Айзикович, 1906 г.р. – двоюродный брат.

Златкина Софья Генуховна, 1931 г.р. – племянница.

Златкин Айзик Моисеевич, 1886 г.р. – родной дядя.

Златкина Белла Лейбовна, 1886 г.р. – жена родного дяди Айзика.

Златкин Хаим Маисеевич, 1875 г.р. – родной дядя.

Златкина Бася Айзиковна, 1923 г.р. двоюродная сестра.

Златкины Хая, 1906 г.р. Марик – 1932 г.р., Гирша – 1934г.р. – близкие родственники.

Некоторые мне говорят: боль с годами может уйти. Нет!

Она не уходит! Наоборот, от отца – к нам переходит.

Семейная история по имени – Жизнь

Тамара Богачева,
*бывшая жительница города
Климовичи, сейчас проживает
в Израиле, город Нагария.*

В Белоруссии во время войны уничтожили около 80 процентов еврейского населения. Можете представить себе густой лес, а потом его вырубил? Остались лишь редкие просеки. Здесь растет одно дерево, там второе... Но даже деревья страдают от ветров, бурь, наводнений в одиночестве. А человек?

После войны возвращались домой фронтовики и беженцы, пережившие тыл. Самый главный вопрос для раненых, контуженных, одиноких, для всех – было создание семьи. Легче было обнаружить иголку

*На фото моя мама –
Стэра Кукуй (Леина)*

в стоге сена, чем найти себе пару. Знакомили соседи, родные, нередко помогали случай или судьба. Кто познакомил наших родителей, не знаю. Думаю, судьба.

До войны наш отец жил в крупном еврейском местечке Милославичи. Отсюда ушел в армию, а потом на войну. Вернулся – все разорено, все – чужое. Из бывших еврейских соседей... единицы. Но жить как-то нужно, обустраиваться, приходить в себя после контузии.

Лучше всего – в родных местах, где родился и вырос, пошел в школу, начинал работать. Вот только одиноко и грустно ему вечерами в Милославичах: мало молодежи, в основном одни старики.

– Григорий, одна девушка приехала в Климовичи! Фронтовичка! Красавица! Таких девчат я давно уже не видел, – как-то сообщил ему один из родственников.

Добрался пешком, автобусы не ходили. Городок маленький, нашел возможность встретиться через друзей. Познакомились, пообщались, поговорили. Григорий смотрел на эту девушку с лучистыми глазами и не мог поверить, что она прошла войну. Но ее твердый взгляд говорил о том, что в жизни, она видела столько, сколько не видел еще каждый мужик... А Стэра? Она сразу же почувствовала надежность и мужскую уверенность в Григории. Но он снова вернулся в местечко.

– Пока ты отсиживаешься здесь, уведут ее из-под твоего носа, – не унимался участливый родственник. И снова пешком за 25 километров в Климовичи. Григорий

и Стэра долго гуляли по городскому парку. Стремилась понять друг друга, им обоим хотелось семейного тепла и уюта.

– После военной гимнастерки, которую не снимала пять лет, мне было очень трудно привыкнуть к гражданской одежде. Долго не могла поверить, что началась новая жизнь, – рассказывала Стэра Григорию.

Ей нравился этот тихий сержант, прошедший, как и она, огонь и воду. Подруги предупредили: «Еврейских парней – раз, два и обчелся. Среди нас уже есть одна охотница на него, если ты будешь долго думать...».

А танкист? Он не хотел обидеть девушку своим словом или поступком. Но вскоре сделал ей предложение. Так это было или нет, кто знает сейчас?

Только наша мама частенько посмеивалась над тем, как отец приходил к ней на свидание за 25 километров из Милославичей. Отец с ней не спорил. Прожили они вместе до 1972 года.

Маме было всего 53 года, когда она умерла, война ее догнала.

Старшие сержанты Великой Отечественной

Михаил Леин, родной брат Тамары Богачевой, живет в Израиле, г. Нагария.

Мы никогда не считали своих родителей героями. Наоборот, мне и двум моим сестрам казалось, что отец и мама слишком незаметные.

**На фото Григорий
Леин – наш отец**

Они никогда не щеголяли своим военным прошлым. Другие фронтовики десятилетиями находились в центре внимания, а наши родители всегда были за кадром.

Вот ты сам, корреспондент городской газеты, сколько раз писал о них? Не можешь ответить. Тогда я тебе помогу: ни разу.

Наши родители о своем боевом прошлом не кричали на всех перекрестках, хотя оба – старшие сержанты. Таких семей в нашем городе были

единицы. Наша мама никогда не любила вспоминать то тяжелое и страшное время, которое пришлось пережить ее родителям, младшим братьям и сестрам, и ей.

Война, как известно, началась 22 июня 1941 года. А через пять дней лаборантка районной больницы Стэра Кукуй ушла на фронт. Она не была врачом, не была медицинской сестрой. Всего лишь, медицинская лаборантка. Могла свободно уехать в тыл. Под пули и снаряды в 19 лет она могла не спешить. Только тогда это была бы уже не наша мама.

Дорогие мои, вы знаете, что такое быть сестрой медсанбата? Это же на передовой, где одни умирают, а другие выживают. Где болеют за каждого раненого, и до крови искусаны девичьи губы, когда вывозят умерших из палаты. Где фронтовые сестры после смены приходят в операционные отделения, чтобы сдать свою кровь. И постоянно!

Сколько же «кровных братьев» появилось у Стэры с июня 1941 года по октябрь 1942, когда она находилась в медсанбате? Ярые антисемиты стали бы самыми яркими защитниками евреев, если бы узнали, что своей кровью их спасала черноволосая медсестра. В их крови, крови их детей и будущих детей – еврейская кровь.

Операционные эвакогоспитали. Один за другим на всем боевом пути до Берлина! Наша будущая мама вместе со всеми продолжает спасать раненых солдат и офицеров. И так до 1945 года! Все годы войны. Потом вернулась в лабораторию Климовичской районной

больницы. Она стала для Стэры Кукуй-Леиной единственным местом работы в течение всей ее жизни, исключая только то время, когда она была на фронте.

Мы храним ее награды: «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Помним светлую улыбку нашей мамы, которую так любил отец.

Отец, Григорий Леин, такой же немногословный и не любитель рассказывать о себе, как и мама. Нам известно немного. Голодное, босоное детство в многодетной семье. После окончания семилетней школы работал в еврейском колхозе. Потом служба в армии, а после ее окончания отец вернулся в Милославичи, стал директором сельского клуба. Тогда в селе было много еврейской молодежи. И прослуживший в Красной армии танкист, повидавший жизнь вне местечка, был нужный человек.

Накануне войны призвали на сборы резервистов. Война! С первых ее дней наш отец на фронте. Все горело и плавилось. Превосходство врага в технике. У нас – сплошная неразбериха, отступление, тяжелейшие бои. Все пришлось ему пережить. И самое главное он понимал: нельзя попасть в плен.

Механик-водитель, потом командир танка, гвардии старший сержант Григорий Леин выдержал не один бой, не один танковый поединок. Сколько? Все были похожи: кто первым успеет, остается в живых. Он успевал до 9-го февраля 1942 года, когда был тяжело ранен.

Танки противника перешли в наступление по всему фронту.

Танковый экипаж старшего сержанта Леина был в числе тех, кому приказали остановить врага. Броня накалена от частых выстрелов, в танке жарче, чем летом. Никто уже не знает, сколько прошло времени с начала боя? Что сейчас – день или вечер?

Вдруг танк вздрогнул: снаряд пробил броню. Больше Григорий ничего не помнил. Друзья вытащили его всего окровавленного. Кругом идет бой, горят танки. Но танкисты спасают своего командира. Несут на спине, на руках, на какой-то подстилке.

Разрывная пуля пробила левую височную область, контузия. И – череда госпиталей, долгий путь реабилитации, потом – инвалидность... Но отец нашел силы вернуться к жизни.

Встретился с нашей будущей мамой. Вместе прожили свои самые счастливые годы.

Что еще? Казалось бы, обычная судьба? А если вдуматься? Нет! Не совсем.

Старший сын Михаил из города уехал в 15 лет и приезжал только в гости. Закончил техникум, машиностроительный институт, работал на одном заводе с моим родственником Матвеем Левиным в Орше (в Израиле всегда находишь общих знакомых, родственников, земляков. И уже не странно). В Израиле с 1991 года: его сын отслужил в боевых войсках. И тоже не странно: где еще может быть внук танкиста? Еще есть дочь, еще есть внук. У Тамары она все годы жила в Климовичах, две дочери, четверо внуков. Один уже закончил университет в Израиле. И вот еще новость. В нее трудно даже поверить. В Израиль из Днепропетровска приехала младшая сестра отца со своей дочерью. Ее внучка – врач, она работает в больнице Тель-Шомер, приехала раньше их по медицинской программе.

– Все ваши уже здесь? – спрашиваю у Михаила и Тамары.

Улыбаются.

– Есть еще сестра, она с семьей живет в Белоруссии.

Возможно, со временем они снова будут встречать новых репатриантов. Кто знает?

Директор еврейской школы

Иосиф Лейтус, родился в городе Климовичи, сотрудник Беер-Шевского университета, отец четверых детей.

Мой отец, **Израиль Цалевич Лейтус** (на фото), сын раввина из соседнего городка Хотимск, закончил

Витебский еврейский педагогический техникум.

Он всегда вспоминал, какие это тогда были незабываемые годы! Встречался с известными белорусскими еврейскими поэтами. Один из его однокурсников – Григорий Релес, дружбу с которым он сохранил на всю жизнь, стал членом Союза писателей Белоруссии.

Студентом Витебского техникума был Арон Вергелис – будущий редактор еврейского журнала «Советиш Геймланд» – «Советская Родина».

С большим желанием отец изучал историю еврейского народа, мир идиша, впитывал в себя все, чтобы своими знаниями потом делиться с будущими учениками. После окончания учебы его назначили в Климовичах директором средней еврейской школы.

В ней познакомился и женился на своей ученице Хасе Чертковой. Это отдельный разговор! Для тебя, писателя, – тема лирической новеллы. Я же хочу рассказать о другом. После войны все изменилось: города, в котором евреев можно было встретить на каждом шагу, больше не было.

В еврейской школе никого нет: учителя погибли на фронте, ученики расстреляны во рву. Вот таким увидел Климовичи мой отец, вернувшись инвалидом войны, с искалеченной на всю жизнь рукой. Мне сейчас тяжело писать об этом, а каково было ему тогда жить, начинать все сначала? Да не только ему, а всем прошедшим войну, потерявшим родных? Сейчас думаю, может, они были особыми людьми, что не только все пережили, вынесли, но и еще сохранили любовь к жизни, дали ее нам, первому послевоенному поколению?

Приезд мамы со старшим сыном помог отцу в то трудное время. Стали возвращаться в город фронтовики, появились новые друзья. Со временем отец получил диплом Московского педагогического института.

И снова стал директором школы. Только уже – рабочей молодежи. Несколько десятилетий отдал ей.

Не зря о школе говорили: "Академия Лейтуса". Здесь был особый микроклимат: со всеми находили общий язык. Многие, из так называемых «трудных» подростков, поступали в институты. Становились руководителями производства, позже сами направляли молодых рабочих в «вечерку». Не было того предприятия в Климовичах, где бы ни работали ученики моего отца. Улыбаясь людям, он получал улыбку в ответ, уважение. Оставаться на протяжении долгих лет бессменным руководителем – это было не просто. И когда он ушел на пенсию, школу по настоянию отца возглавил работающий здесь учителем, тоже бывший офицер-фронтовик Евгений Зиновьевич Шифрин. Атмосфера дружелюбия, открытости, заложенная отцом, сохранялась дальше.

А в семье отец, сын местечкового раввина, очень уважал и соблюдал еврейские традиции. И не просто соблюдал: он их обожал, ими жил!

В нашем доме любили еврейские праздники, готовились к ним заранее. Мама знала еврейские блюда, вкусно их готовила. На Песах всегда была маца, на год из нее делали муку. На книжных полках стояли книги еврейских авторов. Мы их читали с детства.

Своим примером и поведением наши родители показывали нам насколько важно соблюдать и беречь еврейские традиции. Призывать к чему-то большему в условиях жизни маленького городка, где все знали всех, они считали опасным занятием. Родители берегли нас,

но открывали глаза. Пришло время – мы сами увидели то, что они хотели сказать...

Только в одном наши родители были категоричными: мы, трое сыновей, должны были жениться на еврейках! Ассимиляцию семей отец и мать не поддерживали и не принимали.

А вот из мира удивительных вещей, которые происходили в нашем городе Климовичи.

Было время, когда продавали кошерное мясо. Резник обходил дома и спрашивал, какое мясо и сколько хочет заказать или иная семья? А позже разносил его по адресам. Моя мама тоже у него покупала.

Мендель Янкелевич Казачков, довоенный кантор, лаборант школы рабочей молодежи, вечерами расхаживал по ее опустевшим коридорам и распевал конторские песни, молитвы.

Еврейям маленького города было неуютно в одиночестве, а если их собиралось два-три? Уже совсем иная атмосфера. Я помню, какие были ослепительные вечера, когда к нам приходил Мендель Казачков и три знатока идиш – он и мои родители сыпали изречениями, поговорками. Не таясь, они разговаривали между собой на идиш, поэтому его понимаю я и мои братья!

...Их лица – светятся! На столе – чай, угощение, а мы, дети, как замороженные наблюдаем за ними. С годами я понял, что самое главное, что было в нашем маленьком домике – это еврейский дух, который мы

впитывали в себя с детства. Не насильно, не по команде, но им наслаждались, дышали, как воздухом.

Поэтому, естественно, такой же еврейский дух продолжает жить в наших семьях. Еще до отъезда в Израиль я изучал иврит в Минске, а мои дети учились в воскресной еврейской школе. У Маши – одной из троих моих дочерей, интерес к еврейским корням проявился рано: в двенадцать лет. Когда мы приехали в Израиль, вначале жили в Иерусалиме: иначе быть и не могло! Я с женой Ириной закончили религиозный ульпан, после чего она училась в колледже. Получила диплом учительницы иврита в начальных религиозных школах, где и работала (сейчас преподает иврит в клубах пенсионеров). Все дети, а у нас три дочери и сын, выбрали свои дороги.

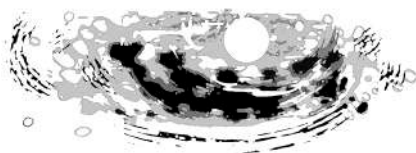
Маша, например, получила религиозное педагогическое образование. Ее муж, бывший москвич, потом – американец, потом – израильтянин. Молодые ведь всегда ищут свои пути-дороги. В поиске их они нашли и друг друга, вернувшись к своим корням. В религиозной семье моей дочери – пять внуков. Вы скажете, сыграли роль гены, все-таки – правнучка раввина! Может быть, да! А возможно, были другие обстоятельства? Разве в этом дело. Мне с женой дороги все дети и внуки!

Многое, что пережили мы, а тем более наши родители, новым поколениям неизвестно. История еврейского народа не вчера началась. Когда-нибудь наши внуки, правнуки начнут интересоваться, как мы

жили до приезда в Израиль, кем были их прадеды, прабабушки, какая вообще была тогда жизнь? Обязательно произойдет возвращение к еврейским корням, которые остались на белорусской земле.

***Еврейская история непрерывна, и она...
одна, независимо от времени и событий.***

Катастрофа не имеет границ

Анна Островская, приехала из Перми по молодежной программе. Живет в Петах -Тиква, Израиль.

– Я из третьего послевоенного поколения. Моя бабушка Белла родилась в 1946 году, мама Ирина – в 1960-е годы, я – в конце 1980-х. Казалось бы, я уже не должна чувствовать последствия Катастрофы. Но еще как чувствую!

Во время войны расстреляли родную сестру моей бабушки – Басю, ее отца, двоюродных братьев Марка, Григория, Муню, двоюродных сестер Злату Хану...

Убили, убили не только их, но и моих будущих братьев и сестер, которые не родились. Когда я смотрела на список уничтоженных, я видела не просто имена и фамилии, я видела людей, хотела представить, какими они были. С самого детства хорошо знаю их имена. Вы не поверите, о чем думала все это время? Если уничтожили столько моих родных, кто же ко мне придет на свадьбу?

В центре на фото Злата Златкина, которая чудом выжила во время катастрофы и дала жизнь новым поколениям. Слева сын Борис Тригер, справа дочь Белла Когай. Внучка Златы – Мария Тригер со своей семьей сегодня живет в Израиле.

И мое предчувствие меня не обмануло: на моей свадьбе, кроме родителей, немного было родных.

Но рядом видела... тени не родившихся моих троюродных братьев и сестер. А вы говорите, Катастрофа прошла, молодые ее не знают и не чувствуют...

Я приехала в Израиль в 15-летнем возрасте, не побоялась одна ехать в незнакомую мне страну. Почему? У меня всегда был пример моей прабабушки Златы. Она уехала из Белоруссии в таком же возрасте, но изменила жизнь к лучшему. Я могу сказать тоже самое о себе.

В Израиле прошла армию, нашла интересную работу в страховой компании, заочно закончила Московский институт, и самое главное, встретила любимого человека – Алекса Островского. Два года тому назад мы поженились.

Мой дед – кореец, папа – украинец, но женская линия – еврейская кровь, видимо, оказалась сильнее.

Я – еврейка, израильтянка! И этим горжусь! Я люблю свою страну, создала еврейскую семью, хочу, чтобы мои дети рождались только в Израиле. Кстати, здесь уже несколько лет живет тоже бывшая пермячка, моя двоюродная сестра. Приезжал в гости мой младший брат Ефим, после окончания школы он хочет приехать в Израиль, пойти в армию, быть полезным стране.

Вот и весь мой рассказ: короткий, но от всего сердца!

...С бульбой, гефилте фиш и бутылкой водки

Саша Лейтус, живет в Детройте, Америка.

Вы помните то советское время, когда слово «еврей» некоторые говорили шепотом? Мои бабушки и дедушки по отцовской и материнской линии не стеснялись своей национальности. Оба дедушки прошли войну, вернулись в город Климовичи.

На фото Саша Лейтус и его дедушка Миша Кац.

Как я туда любил ездить! Усевшись на диване, днями читал полное собрание сочинений Шолом-Алейхема, Фейхтвангера на русском языке, которые были у дедушки Марка и бабушки Хаси. Именно по ним открывая для себя такой закрытый тогда мир еврейства, я, ребенок из минской светской семьи, увлекся этим миром.

А с дедушкой Мишей (моя бабушка Перла Кац звала его Мошка) с 1974 года по 1984 год ходил в синагогу, молельные дома. Они были, можно сказать, подпольными, то у одного еврея на квартире, то – у второго. Молились в пятницу, на исходе субботы, поминали умерших, отмечали еврейские религиозные праздники. Было много ценных книг, молитвенники. Утверждают, что даже был свиток Торы

Кидуш обычно проходил в праздничной обстановке: после молитвы на идиш рассаживались за столом. Выставляли на него бульбу, гефилте фиш в томатном соусе и обязательно бутылку водки. Вот так евреи города Климовичи встречали шабат... А за несколько часов до его наступления мы ходили в городскую баню, она заменяла нам микву.

За все доходы и расходы общественной кассы общины отвечал мой дедушка Миша Кац. Очень берегли старые еврейские книги. Не помню какую, но одну из них хранили на печке, завернутую в шубу в доме дедушки Миши. Чтобы ее не обнаружили, передавали друг другу: Казачкову, Резникову, Козлову,

Трактинскому, Зелику Суперфину... Сегодня это уже напоминает детективный роман...

Людам была важна жизнь, которой жили их деды и прадеды, хотя все это не делалось открыто.

Сейчас совсем все по-другому. В Америке, где живу я со своей семьей, нет никаких запретов для проведения еврейских праздников, соблюдения религиозных традиций. Но если бы любовь к ним не получил в Климовичах, возможно, был далеким от этого сейчас.

У меня с женой Кирой трое детей. Наша семья – религиозная. Старшая дочь Дина закончила еврейскую школу в Детройте, потом семинар в Иерусалиме, вышла замуж. И вы не поверите, какое сотворилось чудо! Род моего дедушки Миши Кац принадлежит к кознам (сама фамилия говорит об этом). Когда старший сын дедушки женился на русской девушке, семейное коинство прервалось. Но в Америке оно восстановилась: наша Дина вышла замуж за Ехуда Коэна. Он – из рода коэнов, служивших в Иерусалимском Храме.

Младшая дочь Сузанна по примеру сестры приехала в Иерусалим и учится в религиозном семинаре. Думаю: какой пройден путь, начиная от подпольных молельных домиков?

Даже не верится, что это возможно за время одной человеческой жизни!

Последний еврей местечка

Маргарита Шифрина-Лазарева, пенсионерка,
живет в г. Могилеве, Беларусь.

– Мои родители, пережив Катастрофу, мало рассказывали нам о войне, потерях семьи. Отец после окончания военного училища, служил техником в авиационном полку. Офицер, имеет боевые награды.

Что было во время войны в Милославичах, откуда родом моя мама, я долгие годы ничего не знала. Не знала бы и сейчас, если бы об этом не написал в одной из белорусских газет Сергей Шевцов. Он пишет, что председатель местного колхоза Зелик Суперфин, двоюродный брат моей мамы, отдал колхозных коней еврейским семьям, и на них они прорвались в тыл. Спаслись Меер Резников, Янкиф Суперфин, Малах Ошеров и другие.

Но не все. И коней не хватило, и не все согласны были рисковать. Некоторые думали, что обойдется. Не обошлось... Пришли каратели в далекое от райцентра местечко Милославичи и расстреляли 130 (!) евреев. Самому старшему – Мордуху Суперфину, родному брату моего прадеда Файтла, было 80 лет. Самому

младшему – Гиршику Шапиро, тоже моему родственнику, – несколько месяцев. В Милославичах были расстреляны семьи Суперфинов – Цала (родной брат моего прадеда) и его сын, Шапиро, Кугеневых, Рыженских, Богачковых, Гуревичей, Вороновых, Никашкиных, Сендеровых, Бейдеровых, Боровиков, Кугелевых...

Спаслись во время расстрела только двоюродный брат моего дедушки – Айзик Суперфин и его дочь Бася.

Айзик попал в партизанский отряд, а Басю, которая не была похожа на еврейку, вывезли вместе с белорусскими парнями и девушками на работу в Германию. Встретились они уже после войны. Айзик заходил к нам и рассказывал моей бабушке историю своего спасения. О том, что командир партизанского отряда в своей книге воспоминаний написал о нем. Сегодня правнук спасшегося Айзика – раввин. Это не чудо ли?

В конце 1980-х годов из Милославичей в Климовичи изредка приезжал старик с большой седой бородой. Он ходил по домам. Одни городские евреи его кормили, другие – давали старую одежду. Как мне сообщили родители, это был последний еврей из местечка Милославичи.

Все остальное я узнала позже. Думаешь, только я одна? Дала твою книгу «От Михалина до Иерусалима» прочитать своей знакомой. Она приходит и говорит: «Не может быть, чтобы евреев убивали их соседи,

знакомые, а потом душились в очереди за вещами, убитых в бесплатном магазине?

И если мы будем сейчас молчать, все будут думать, что ничего и не было, что евреев никто не убивал? Выходит, что мои родственники по маме сами для себя выкопали яму в Милославичах, сами себя убили, а потом еще сами присыпали себя землей?

Получается именно так, если не верить...

Какое оно – «поле» мое?

Полина Чарная-Башмакова, бывшая жительница села Лобжа Климовичского района, живет в г. Курске, Россия.

– По маме я – белоруска, по отцу – еврейка, а записана русской. Полиной, видимо, назвали меня не зря! Так какого же я «поля» дитя – нередко спрашиваю себя? У детей и внуков свое поле – русское. А я душой чувствую, что из

всех троих "полей", мне ближе – еврейское. Может, потому, что и я, и мой брат были ближе с отцом, чем с мамой. Его все наше село Лобжа почитало!

Представьте себе глухое белорусское село. Сюда приезжает мой отец, учитель математики. Израненный на фронте, после госпиталя. Находит маму в Лобже, куда ее направили на работу. И вот этот еврейский интеллигент становится председателем колхоза. В районе – против его назначения, в области – тоже. Мол, нет опыта работы в сельском хозяйстве, не специалист. Но люди три дня (!) кричат за него на собрании: «Хотим только его. Не знает – научим, нет опыта – придет. Он с нами разговаривает, обращается с каждым на "Вы". Он – человек!».

Так наш отец стал председателем самого бедного и отсталого белорусского колхоза в 1955 году в Климовичах. Много чего он сделал, хотя не все зависело от председателя, когда до него все было разорено и разворовано. Знаю точно, что до него никто деньги за трудодни не платил. А он заплатил, и люди... заплакали. На него в селе все молились, и, конечно, отец и его еврейское поле мне было и осталось самым родным.

А мне поздно уже что-то менять в жизни. Я смотрю по еврейскому календарю, когда и какие у вас праздники, пытаюсь учить иврит. В Тель-Авиве был раввином мой дядя, у него остались сыновья, внуки... Но как их теперь найти?

Ты вот пишешь о Михалине. Если можно, добавь к своим воспоминаниям и мои. До сегодняшнего дня колхозный сад называют именем моего отца, а его портрет висит в сельской школе. Вот тебе и поле! Русское, белорусское, еврейское...

Ты спрашиваешь, как отразилась Катастрофа на моей семье? Отвечу!

Пять человек из семьи моего отца, все по фамилии Чарные – погибли в Псковском гетто. А еще больше – на дне реки Припять в Гомельской области.

***Нет у них ни могил, ни памятников.
Ничего нет...***

Спасение сестры

Анна Школьникова-Сивцова, бывшая жительница Михалина, живет в г. Минске, Беларусь.

– Ты хочешь знать правду о евреях из маленького городка в годы войны? Ты хочешь рассказать о еврейских солдатах? Тогда, слушай!

Перед самой войной мой отец
Михаил Школьников (на фото)

был призван в Красную Армию. И так получилось, что в первые же дни войны, их взвод попал в окружение. Каждый, как мог, старался найти дорогу к своим.

Но, несмотря на все усилия, они попали в плен. Много испытаний пришлось вынести отцу: изнурительный труд, голод (ели древесные опилки), страх, что кто-либо выдаст его как еврея.

В это время в деревне Блиунг, где он родился, вели

через Михалин в Климовичи на расстрел его отца, маму, брата, сестру. Полицейский Ефремов, который вместе с другими сопровождал евреев, пожалел маленькую Раю, сестренку моего отца, и вытащил ее из колонны. Приказал ей бежать к нему домой. Якобы Рая – его родственница, и случайно оказалась в этой колонне. До конца войны девочка жила в его семье.

После побега из плена мой отец оказался в действующей армии и воевал до конца войны. Как тяжело ему было узнать о том, что из всех родных у него осталась только сестра Рая – сейчас она живет в Израиле.

Вскоре он встретил Фиру, мою будущую маму. Она с семьей находилась в эвакуации в Свердловске. Мой дедушка Меер – один их тех немногих счастливых из местечка Милославичи, которые на конях вывезли свои семьи в тыл. Иначе бы все погибли. Вернулись в Михалин – больше было некуда.

Дедушка Меер работал в еврейском колхозе «Энергия», отец – в городской школе завхозом. Писал стихи, играл на мандолине, скрипке...

В студенческие годы, когда мы с сестрой приезжали домой, мама готовила праздничный стол с наливкой. И всегда пели песни о войне. Но отец, имея прекрасный голос, никогда не пел.

Слушал нас, а в глазах стояли слезы. Только теперь я понимаю, почему.

Мой отец возродил семью из пепла

Владимир Смоляк, бывший житель города Климовичи, сейчас живет под Минском. В Беларуси. Женат, двое детей, два внука.

– С высоты своего возраста, образования и времени я смотрю на жизнь отца и... восхищаюсь. Да, восхищаюсь! Представляю себя на его месте и думаю, а как бы я поступил? Выдержал бы все? Возможно, он и его поколение было особым? В его биографии – история страны, которой уже нет.

Вся жизнь отца связана с еврейским местечком Чаусы. Сюда он вернулся после окончания Первой мировой войны. Отсюда уезжал и снова возвращался. Здесь вступил в коммунистическую партию, в Чаусах выдвигался на самые разные руководящие должности, вплоть до директора льнозавода и председателя городского совета. Во время войны – инспектор продовольственного отдела 29 армии на Центральном фронте, начальник управления армейских баз 1-й гвардейской танковой армии на 1-ом Белорусском и 1-ом Украинском фронтах.

На фото слева – наш отец Яков Захарович Смоляк, в центре его жена, наша мама – Анастасия Фроловна.

После войны был на руководящих работах в областном центре, Климовичах.

Анализируя жизнь и поступки отца, понимаю, что главными его университетами были жизнь и мудрость, полученные от родителей по наследству. У него даже есть своеобразный памятник, которому завидуют многие. Столовую, которую отец построил в Климовичах 50 лет тому назад, сегодня называют...

«Смоляковской». Но только сейчас я могу догадываться о той душевной ране, с которой мой отец жил все время.

Война. Находясь на фронте, постоянно думает о родных. Приходят страшные вести. Одна за другой.

В Чаусах, в его родном городе, расстреляли вместе с евреями, его отца, маму, жену и дочь. Об этом сообщили, когда их взвод вышел из окружения. Вначале даже отобрали личное оружие. Боялись, что не выдержит. Рыдая, он ушел от всех. И вернулся через несколько часов – совсем седым. Жил мыслями, что остались еще сын и дочь. Вот ради них двоих нужно воевать и жить дальше. Но через некоторое время новый удар: в бою погиб сын, офицер-артиллерист. Не успел отойти от этой потери – очередная страшная весть: погибла дочь. Переводчица правительственной делегации СССР, она участвовала в работе Тегеранской конференции. По дороге в Москву их колонну разбомбили. Вот такой трагический случай.

Сегодня я значительно старше своего отца, который возродил свой род из пепла.

– Расскажи об этом.

– С мамой, двадцатилетней девчонкой, отец встретился на фронте, когда первой семьи уже не было. Отец – майор интендантской службы, имеет два ордена Отечественной войны второй степени, «Красной Звезды», медаль «За боевые заслуги». Вместе с Первой гвардейской танковой армией дошел до Берлина. Дошел вместе с мамой, у которой были тоже

боевые ордена и медали. Пройдя войну, она посвятила свою жизнь семье. И хотя ее муж был известным руководителем, мама – Анастасия Фроловна – долгие годы работала рядовой рабочей на кухне.

Я побывал везде: от Таллина до Владивостока, от Диксона и Норильска до Батуми, от Еревана до Баку... Скольких людей встретил, которым благодарен! Закончил Могилевский машиностроительный институт, курировал заводы Прибалтики, Украины, Ленинграда, владел частным предприятием в Минске, потом уехал на Кубань. Жена – Валентина Шурпина, тоже из Климовичей и тоже из бойцовской породы. Дети, внуки. Про них можно многое говорить, но что они смоляковского племени – это уже точно! Баллотировался в белорусский Парламент, работаю с избирателями.

– Также на острие жизни, как отец?

– В Климовичах сегодня столовую называют «смоляковской», а в городе Ивенец, под Минском, где я живу, думаю, что водопровод, который построили под моим давлением, тоже назовут «смоляковским».

– Идешь дорогой отца. Воздвигаешь памятник себе нерукотворный?

– Меньше всего думаю об этом. Ну, а если не мы, то кто же?! Знаешь, чем старше, чем чаще вспоминаю своих родителей.

Отец рассказывал, что в конце тридцатых годов, они ложились спать, не раздеваясь – ждали арестов. Утром связывались друг с другом и выясняли, кто остался, а кого забрали. Вот так и жили – под прессом страха. Но – жили, растили детей, любили. Жизнь, она всегда – жизнь.

Моя мать, рассказывала, что как-то началась бомбежка, и все разбежались вдоль железнодорожной насыпи. Смотрит, рядом вредный и трусливый полковник. Решила подшутить. Бросила в него камень. Тот подхватился с криком: меня ранили, санитары. Во все времена были люди и людишки – и тогда, и сейчас. Но люди запомнят наши поступки и дела. И победит справедливость и доброта.

Хочу быть примером, прежде всего, для своих детей и внуков – как мой отец был для меня и брата.

Я, мой брат Женя (он окончил Белорусский институт физкультуры, был вторым тренером женской сборной по волейболу, тренировал команды Украины и России), наши дети и внуки – из возрожденного поколения. Если вдуматься, Бог нам дал жизнь, забрав ее у других: у моих старших братьев и сестер, у всех еврейских родственников отца. Получается, мы продолжаем их путь? Даже живем за них.

Моя бабушка спасла моего дедушку

**Татьяна Немкина, живет в г. Красногорске,
Россия.**

Был такой кинофильм «Альпийская баллада», в котором рассказывалось, как белорус и итальянка бежали вместе из концлагеря, помните? И полюбили друг друга.

Моя бабушка Наташа, когда смотрела этот фильм, плакала всегда. Плакали и мама моя, и я. Бабушка Наташа все говорила: «Какая была бы «Белорусская баллада», если бы по ней поставили кино! Люди бы залили слезами свои хаты».

Хотите, расскажу, что знаю, со слов бабушки Наташи, о ее белорусской балладе?

Когда началась война, моя бабушка была двадцатилетней девчонкой. Все менялось на глазах. Вчерашние соседи, которые лыка не вязали от пьянства, нацепили белые повязки полицейских. Некоторых игривых девчонок потянуло знакомиться с немецкими офицерами. А Наташа – так я буду называть свою бабушку – любила ходить в лес, хорошо знала его. Услышав, что возле него проводили колонну

военнопленных, заторопилась. Тем более, округу всполошили автоматные очереди.

– Сбежал кто-то, – предположила ее мать.

Вот тогда-то, набросив на плечо старенькую косынку, она бросилась в лесную чащу. Здесь смят кустарник, рядом, по траве – широкий след, словно тащили кого-то волоком. Осматриваясь по сторонам, пошла быстрее. В глубине след терялся. Присела на поваленное дерево, как учила бабушка и, не двигаясь, стала вслушиваться в лес. И он стал разговаривать с ней. Высокие сосны покачиваясь, заскрипели вершинами. Ветер пробегал волнами, птицы заливались трелями. Стайка жаворонков испуганно вспорхнула. И девушка поняла, нужно идти туда, откуда они взлетели.

Перед ней была яма, прикрытая ветками, листвой и травой. На ее дне кто-то лежал. Издалека были слышны стоны. Так Наташа нашла Николая, который стал ее судьбой, отцом ее детей и нашим дедушкой. Но это будет намного позже.

А тогда, побежав к лесному источнику, принесла в пригоршнях воду. Умыла его лицо в кровоподтеках.

– Пить, пить, – скорее почувствовала, чем услышала она.

Стрелой помчалась к лесному ручью, сорвала с головы косынку, намочила ее и, чтобы сохранить влагу, прижала к своему телу. Вся мокрая, она выдавливала из косынки каплю за каплей ему в рот. Раненый стонал и снова попросил пить. Он был в горячке, в каком-то

забыть. И тогда Наташа, скорее интуитивно, чем осознанно, припала к его пересохшим шершавым губам.

– Родненький, не умирай, не умирай. Открой глаза, открой, – просила она его и просила Бога, не надеясь больше ни на чью помощь.

– Кто ты? Где я? – вдруг тихо спросил солдат.

***Первый слева (обведен) – Николай Козлов,
мой дедушка с боевыми товарищами.***

Так произошло второе рождение нашего будущего дедушки. Но родившись снова, он был беспомощный, как ребенок. И впал в беспамятство.

Урывками вдруг он видел себя и свой взвод в окружении немцев... Разве винтовками остановишь врага?

– Евреи, комиссары, выходите, – заверещал переводчик. Увидев, что никто не выходит, он сам пошел по кругу, тыкая пальцем в тех, кого обнаружил. Николай надвинул пилотку по самые уши, весь сжался и втиснулся в гущу ребят. Они знали, что он еврей, но он всех их не знал. Пронесло. Когда ночью их завели в какой-то амбар, к нему подполз старый земляк и, чтобы никто не услышал, накрыл его и себя шинелью, мол, так будет теплей...

– Микола, тикать тебе надо! Выдадут тебя, обязательно выдадут. Я уже вчера видел, как один на тебя косо посматривал. Выдаст еврея – награду получит.

– Как бежать, когда кругом немцы и собаки? Все огорожено.

Земляк помолчал, раздумывая, и добавил:

– Я слышал, завтра нас погонят по лесной дороге. Там и будет твой единственный шанс.

Земляк отполз так же незаметно, как и приполз, за ним скатились в низину еще двое общих друзей из их взвода.

Обойдя село Малышковичи, колонна растянулась, и охранники ослабили бдительность то ли от летней жары, то ли от того, что бежать – то некуда: на взгорке – село, ниже – дикое поле с колючими кустарниками, вдалеке синел лес.

Николай заранее перестроился из центра колонны в самый ее левый ряд и, увидев впереди большой холм, который круто уходил вниз, понял, что этот холм и есть его единственный шанс. Дав сигнал другу, чтобы он, как и договаривались, затеял драку, отвлекая внимание конвоиров, стремглав бросился вниз. Полицейские, разнимая драчунов, потеряли время на выяснение причин и открыли стрельбу с опозданием. Сначала Николай катился кувырком по склону, потом бежал через кустарник, задыхаясь, ловя воздух ртом, и вдруг споткнулся и упал лицом в болотную жижу, в которую уходили кусты.

– Готов, – произнес довольный розовощекий полицейский, передергивая затвором, и поспешил доложить: «Господин офицер, я убил его. Из болота ему не выбраться».

Брезгливо слушая коротышку-полицейского, немецкий офицер махнул перчаткой: «Колонна, вперед!»

Как Николай полз через кочки и через кусты, он не помнил. Инстинктивно он понимал, что спасение не на открытой местности, а в лесу. Завтра рассветет, и его обнаружат. Всю ночь он полз, полз, пока не потерял сознание. Вот таким его и обнаружила Наташа. Надежно укрыв яму ветками, она оставила раненого и побежала домой.

Ни Наташа, ни ее мама не знали имени бойца. Откуда он? Потом узнали, что зовут его Николаем и он – еврей. Они хорошо понимали, если немцы или

полицейские узнают, что они прячут раненого бойца Красной Армии, да еще еврея, им не жить. Но не могли же они бросить его в лесу? Поэтому перебинтовывали раны, лечили, приносили еду и воду.

С наступлением холодов темной ночью перевели

***Наталья Букаченко –
моя бабушка***

Николая в дом моей бабушки. Он прятался в подполье, в погребе. Деревня была лесная: немцы ее навещали редко, но за порядком следил местный староста и полицейские.

Николай понимал, что из-за него могут пострадать Наташа и ее мама, и даже все село.

Как только немного поправился, решил уйти к своим. Перешел линию фронта, и – в бой.

– Если выживу, обязательно к тебе вернусь, – пообещал моей бабушке Наташе.

Они уже успели полюбить друг друга. Это была крепкая любовь! Столько испытаний прошли вместе?!

Николай вернулся, нашел свою Наташу.

А дальше, что было, знаешь? Нет? Тогда расскажу, и ты можешь об этом написать.

Моя бабушка Наташа с моим дедушкой Николаем стали жить в твоём... Михалине. Да-да, в Михалине. С 1945 по 1951 год. А куда им было ехать, как не в еврейское местечко? Только здесь могли помочь после войны. Но это ещё не все.

Знаешь, у кого они снимали квартиру? Тоже не знаешь? Да, у твоего деда Залмана Златкина! Жили, как все после войны, трудно. Но любили друг друга необыкновенно! Такую любовь, которая началась с лесной баллады, описать невозможно! Родили троих детей. И всех – в Михалине!

Вначале родилась старшая дочь. Потом в 1946 году моя мама Людмила. Ей было полтора года, когда умер наш отец. А через несколько месяцев пополнение в семье: сын! Его Наташа назвала в честь отца Николаем. Вот так закончилась белорусская баллада: мужа-фронтовика нет, на руках – трое маленьких детей. Как жить?

Моя мама Людмила часто вспоминала своё михалинское детство. Рассказывала, что Хана, жена Залмана, вторая жена твоего деда (ведь его первую жену Сару, твою бабушку, расстреляли) поила её козьим молоком. Бабушка часто вспоминала, как Хана нянчила мою маму и других детей, как она приносила ей крепкий и вкусный кофе, чтобы поддержать силы, как учила готовить его. Вот такая необычная история любви белорусской девушки и еврейского солдата. Даже не верится, что это – мои бабушка Наташа и дедушка Николай.

Продолжение их любви – в трех детях, внуках и правнуках. Но это еще не все.

У Николая была довоенная семья в городе Черикове. Но он не мог оставить любимую девушку, которая его спасла, и можно сказать, дала вторую жизнь. Вот так все и получилось. Думаю, нелегко было

дедушке во всем этом разобраться. То ли от военных ран, то ли от душевных переживаний, только в 1948 году мой дедушка, еврейский солдат Николай Козлов, умер. Но он успел построить дом для Наташи и их троих детей, о котором так мечтал, находясь последние дни в больнице. Успел еще и познакомить новую семью со своими родственниками из Черикова. Моя мама часто ездила к ним в гости. Помнит, что у отца было две сестры и брат, который жил в соседнем городе Краснополье.

Прошли годы... Моя мама Людмила, дочь Николая и Наташи, вместе с моим отцом Василием Немкиным, живут в Набережных Челнах. У них дети, внуки. Я, самая старшая, живу под Москвой. Мой дядя, Николай Козлов, продолжатель отцовской фамилии и его рода, живет в Белоруссии. И если вы думаете, что баллада, начавшаяся под белорусскими Малышковичами в Климовичском районе, закончилась, то ошибаетесь.

Татьяна Немкина, внучка Николая и Наташи, мечтала жить в Израиле. Предъявила в израильском посольстве свидетельство о рождении своей матери, где записано, что ее отец Николай Козлов, еврей по национальности, а мать – Наталья Букатенко, русская. И она, как внучка еврея имеет право на репатриацию.

Но то ли это удостоверение было выдано повторно, то ли прицепились, что брак не был зарегистрирован, но Татьяне отказали. Высокую черноволосую красавицу во многих местах принимают за еврейку, только не в израильском посольстве. Но Татьяна не расстроилась. Не имея возможности получить статус репатриантки, она приезжает в Израиль как туристка. И уже много раз.

В Израиле живут ее приятели по Климовичам – Тамара и Михаил Леины. Здесь живет ее друг Томас. Татьяна намеревалась приехать, поселиться здесь навсегда. Но оставить квартиру поблизости от Москвы? Начинать все сначала? Нет, лучше пока приезжать в гости. А там будет видно... В последний раз она мне позвонила в сентябре из Нагарии: «Прилетела на бархатный сезон, завтра уезжаю в Иерусалим, хочу помолиться возле Стены Плача и у Гроба Храма Господня за своего еврейского дедушку и белорусскую бабушку».

Я хочу сказать ей: какая же ты, Татьяна, внучка еврея-фронтовика, молодец! За свою любовь к нашей стране, которую тоже считаешь своей.

– У тебя цепочка с Израилем не прерывается! И все началось в лесу под Малышковичами...

– Да, вот такая цепочка тянется через много лет.

– Белорусская баллада и ее продолжение?

– Да.

Я только сейчас осознал, почему мне так дорог рассказ Татьяны и воспоминания ее матери о жизни в Михалине. Ведь в этот старый дедовский дом, где они жили до 1951 года, мы переехали через шесть лет из села Красавичи.

В разное время мы спали под одной и той же послевоенной, пробитой временем и осколками, крышей. Прыгали детьми по одному и тому же скрипучему полу.

Свидетельствую...

Среди архивов своего отца Давида Златкина я обнаружил вот эти записи.

**Убивали не все,
но большинство были
равнодушными**

Давид Златкин

Я был поражен жестокостью местного населения по отношению к евреям. Помогали только единицы. Это нужно признать, как факт. Да, все не убивали, но большинство были равнодушны, стояли в сторонке. И не прочь были поживиться каким-то домашним еврейским имуществом. Я всю жизнь ходил и записывал, что мне рассказывали очевидцы. Вот вам два случая.

Первый.

Янкель Исакович, 1918 года рождения, бежал из плена. Скрывался, по дороге заходил к местным

жителям. Его выгоняли на улицу, не все даже давали глоток воды. С трудом добрался домой, чтобы переодеться, прийти в себя и идти дальше. Но в доме уже жили чужие люди. Встретили враждебно: о чем-то шушукались в сенях, когда он присел на свою бывшую табуретку. А ночью пришел сосед Ивашкевич и заколол Янкеля вилами.

Видимо, о такой «услуге» его попросили новые хозяева. Откуда он знал? А сами остались «чистенькими». В сторонке?

Второй.

Абрам Рувимович Суранович, 1921 года рождения. Также бежал из плена. Видимо, не было серьезной охраны в лагере. Домой не пошел. В деревне, которая находилась недалеко от города Климовичи, его встретил "старый добрый друг". Приютил, уложил отдыхать на сеновале. Проснулся Абрам от уколов штыка: рядом хохотали полицейские.

Абрама повесили. На электрическом столбе он провисел несколько дней.

Мой отец 14 октября 1996 года опубликовал в израильской русскоязычной газете «Новости Недели» целую страницу с именами погибших михалинцев на фронтах Великой Отечественной войны в количестве 117 человек. **Вот этот список.**

Скорбный мартиролог:

Тевка (Тевье) Калманович Вайнерман, председатель колхоза «Энергия», старшина роты, погиб на фронте (1905 г.р.).

Цодик Калманович Вайнерман, его брат, погиб на фронте (1909 г. р.).

Владимир Лейбович Шифрин, старший сержант, погиб на фронте (1924–1943).

Залман Лейбович Шифрин, лейтенант, погиб на фронте (1918 г.р.).

Залман Берлович Кукуй, погиб на фронте (1922 г.р.).

Рувим Залманович Угелев, лейтенант, погиб на фронте (1923 г.р.).

Захар Федорович Суперфин, погиб на фронте (1909-1944).

Мулик Нотович Суперфин, погиб на фронте (1920 г.р.).

Мотл Абрамович Хазанов, погиб на фронте (1915 г.р.).

Израиль Гершовец Рухавец, погиб на фронте (1903 г.р.).

Нохем Израилевич Индибаум, погиб на фронте (1903 г.р.).

Исаак Забранский, погиб на фронте (1924 г.р.).

Самуил Забранский, погиб на фронте (1920 г.р.).

Михаил Борисович Басин, погиб на фронте (1915 г.р.).

Хаим Израилевич Гольдман, прибыл в колхоз «Энергия» из Польши. Воевал в польской армии, погиб.

(Возможно, члены его семьи проживают в Израиле)
(1901 г.р.).

Арон Айзикович Златкин, мой двоюродный брат, старший лейтенант, погиб в бою в Брестской области (1919-1943).

Хаим Гольдман, погиб на фронте (1906 г.р.).

Лазарь Исаакович Лайвант, майор, комендант немецкого города. Убит бандитами во время пересечения границы Польши (1920-1945 г.р.)

Бома Исаакович Лайвант, погиб на фронте (1922-1944).

Хаим Поляк, погиб под Москвой (1901-1941).

Исаак Абрамович Темкин, погиб на фронте (1903г.р.).

Хотча Исаакович Черной, погиб на фронте (1921г.р.).

Моисей Исаакович Черной, лейтенант, погиб на фронте (1923 г.р.).

Айзик Гиршевич Шнитман, погиб на фронте (1919 г.р.).

Лев Рувимович Шнитман, погиб на фронте (1921 г.р.).

Яков Лазаревич Рысин, будучи раненым, попал в плен, убит при попытке к бегству (1923-1944).

Яков Давидович Стукало, старшина роты, попал в плен, убит в лагере военнопленных (1912-1941).

Лазарь Давидович Стукало, лейтенант, погиб на фронте (1920 г.р.).

Исаак Залманович Школьников, погиб на фронте (1924 г.р.).

Яков Ефимович Стукало, старший лейтенант, погиб на фронте (1913 г.р.).

Давид Ефимович Стукало, погіб на фронте (1920 г.р.).

Шмерл Дынкин, погіб на фронте (1920 г.р.).

Марк Борисович Элькин,
учитель еврейской школы,
погіб в Брестской
крепости. При раскопках в
семидесятые годы был
найден его медальон
(1921-1941).

Михаил Борухович Левитин, погіб на фронте (1919-

1943).

Шмуэль Моиссевич Болотин, погіб на фронте (1917 г.р.).

Хаим Давидович Хенькин, погиб в Белостоке в 1941 году (1919–1941).

Григорий Моисеевич Черной, старший лейтенант, погиб на фронте (1912 г.р.).

Меер Соломонович Черной, лейтенант, погиб на фронте (1917 г.р.).

Генах Иоселевич Черной, погиб на фронте (1915 г.р.).

Гирш Иоселевич Черной, погиб на фронте (1911 г.р.).

Соломон Исаакович Любан, погиб на фронте (1920 г.р.).

Михл Срулевич Винников, погиб на фронте (1912 г.р.).

Илья Исаакович Любан, лейтенант, погиб на фронте (1923 г.р.).

Фисл Нафталиевич Пиндрик, погиб на фронте (1922 г.р.).

Рувим Самуилович Фрейдман, лейтенант, погиб на фронте (1922 г.р.).

Рувим Чернилевский, погиб на фронте (1924 г.р.).

Янкель Исакович Кац, погиб на фронте (1918 г.р.).

Итча Исаакович Козлов, погиб на фронте (1914 г.р.).

Янкель Хаевич Кругликов, погиб на фронте (1913 г.р.).

Зузя Айзикович Рухман, погиб на фронте (1923 г.р.).

Мухл Лапицкий, погиб на фронте (1921 г.р.).

Файфл Письман, погиб на фронте (1923 г.р.).

Сеел Суперфин, погиб на фронте (1907 г.р.).

Янкель Фелькович Суперфин, погиб на фронте (1909 г.р.).

Орлик Маркович Резников, погиб на фронте (1921 г.р.).

Гирш Рогинский, погіб на фронте (1924 г.р.).

Володя Рогинский, погіб на фронте (1921 г.р.).

Хаим Шлемович Трактинский, погіб на фронте (1903 г.р.).

Ейл Шлемович Трактинский, погіб на фронте (1916 г.р.).

Хаим Меерович Фельдман, погіб на фронте (1921 г.р.).

Зяма Нехемович Суперфин, старший политрук, погіб на фронте (1915 г.р.).

Двойра Исааковна Козлова, капитан медицинской службы, погібла на фронте (1919 г.р.).

Симха Лейбович Гухман, погіб на фронте (1924 г.р.).

Моисей Наумович Шухмахер, погіб на фронте (1903 г.р.).

Абрам Рувимович Суранович, погіб на фронте (1921 г.р.).

Биня Исааковна Кукуй, фронте (1922 г.р.).

Борис Исаакович Кукуй, погіб на фронте (1919 г.р.).

Лейба Исаакович Кукуй, погіб на фронте (1917 г.р.).

Янкель Рывков, погіб на фронте (1915 г.р.) (1909 г.р.).

Роза Ефимовна Ошерова, спаслась от расстрела, вступила в партизанский отряд, погібла в бою (1915-1944).

Исаак Ноткович Гольдман, погіб на фронте (1905 г.р.).

Гирша Лейбович Кац, погіб на фронте (1919 г.р.).

Рахиль Лейбовна Кац, военнотружашая, погібла на фронте (1922 г.р.).

Моисей Залманович Невелев, погиб на фронте (1901 г.р.).

Борис Аронович Хазанов, погиб на фронте (1924 г.р.).

Иосиф Михайлович Кугель, погиб на фронте (1921 г.р.).

Мордух Воронов, погиб на фронте (1921 г.р.).

Зелик Менделевич Суперфин, старший политрук, погиб на фронте (1913 г.р.).

Исраил Довидович Тайменов, погиб на фронте (1915 г.р.).

Мендель Хаимович Кугель, погиб на фронте (1917 г.р.).

Хоня Борухович Кугель, погиб на фронте (1909 г.р.).

Яков Хаимович Темкин, старший лейтенант, погиб под Москвой (1916–1941 г.р.).

Петр Рувимович Козлов, погиб на фронте (1923 г.р.).

Изя Моиссевич Злотников, погиб на фронте (1905 г.р.).

Гаврил Каспин, погиб на фронте (1906 г.р.).

Иосиф Бенционович Каспин, погиб на фронте (1904 г.р.).

Алтер Исаакович Конииков, погиб на фронте (1903 г.р.).

Юзик Янкелевич Курбацкий, погиб на фронте (1919 г.р.).

Гирша Абрамович Соркин, погиб на фронте (1904 г.р.).

Хаим Аронович Стерин, погиб на фронте (1924 г.р.).

Гирша Лейбович Стерин, погиб на фронте (1923 г.р.).

Айзик Бедеров, погиб на фронте (1917 г.р.).

Куле Хаимович Пазовский, погиб на фронте (1921 г.р.).

Айзик Малев, погиб на фронте (1924 г.р.).

Залман Блюмкин, погиб на фронте (1919 г.р.).

Пиня Шнитман, погиб на фронте (1925 г.р.).

Старший лейтенант Лев Рувимович Шнитман, погиб на фронте (1921 г.р.).

Айзик Гиршович Шнитман, погиб на фронте (1922 г.р.).

Зуся Ошерев, погиб на фронте (1917 г.р.).

Борис Вениаминович Гольдман, погиб на фронте (1907 г.р.).

Симон Юдкович Черной, погиб на фронте (1919 г.р.).

Гриша Вениаминович Гольдман, погиб на фронте (1911 г.р.).

Евсей Григорьевич Чертков, погиб на фронте (1906 г.р.).

Лева Лившиц, погиб на фронте (1914 г.р.).

Иосиф Генухович Цыпкин, старший лейтенант, погиб на фронте (1918 г.р.).

Лева Элентов, погиб на фронте (1923 г.р.).

Лева Пинхусович Герман, погиб на фронте (1924-1942).

Шлейма Кугель, погиб на фронте (1903 г.р.).

Нохем Давидович Шифрин, погиб на фронте (1903 г.р.).

Файфа Мунькович-Моисеевич Златкин, 1904 года рождения, умер от тяжелых ран после войны, родной брат моего отца Залмана.

Симон – Эле Лейбович Шейнин, погиб на фронте (1915 г.р.).

Марк Фельдман, служил на Ленинградском фронте, на «Дороге Жизни», убит во время бомбежки (1921-1943)

Юда Эльевич Малкин, погиб на фронте (1921 г.р.).

Исаак Злобинский, (1914 г.р.) умер после войны от тяжелых ран, оставил после себя двух сыновей. Один из них – Михаил – сегодня живет в Михалине. Второй сын Леонид в городе Чаусы.

Алтер Гафт, умер от тяжелых ран в конце войны, похоронили в Климовичах (1913 г.р.).

Михаил Заранкин, погиб на фронте (1912 г.р.).

Ничего не осталось на белорусской земле от еврейского колхоза «Энергия». Только этот скорбный мартиролог.

В Беларуси тема Холокоста остается непознанной

Подготовив эти воспоминания, я встретился с доктором исторических наук Леонидом Смиловицким. Попросил его прокомментировать очерки моих авторов о Катастрофе, проанализировать ее с позиции известного специалиста-историка.

Леонид Смиловицкий (на фото) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра

диаспоры при Тель-Авивском университете. Работает с фондом Стивена Спилберга в Лос-Анджелесе, Институтом еврейской культуры в Лондоне, Институтом изучения Холокоста в Вашингтоне, редакцией Краткой 1000 еврейской энциклопедии в Иерусалиме. Автор ряда исследований по истории евреев Беларуси до и после 1917 г. В Израиле живет с 1992 года.

Для справки: книга Леонида Смиловицкого «Катастрофа евреев в Белоруссии 1941-1944 годах» стала первой научной работой о евреях Белоруссии, написанной на русском языке. Белорусская глава в истории нацистского геноцида евреев Европы до этого не была изучена не только в Беларуси, но и за ее пределами. Холокост в Беларуси – белое пятно в историографии Второй Мировой войны.

Е.3. В пригороде Берлина в январе 1942 года проходила Ванзейская конференция с участием высшего фашистского руководства страны. На ней определили программу уничтожения еврейского населения Европы, утвердили список евреев, подлежащих уничтожению, во всех странах. Когда я посетил существующий теперь в Ванзее музей, меня поразил педантичный список будущих жертв. Албанские евреи не думали о смерти, а их всех 200 человек уже приговорили к ней, в Белоруссии – 446.484 человека, на Украине – 2.994.684...

Уже шло массовое уничтожение евреев. Но до уничтожения 6 миллионов было еще далеко. Неужели

нельзя было что-то сделать, чтобы остановить запущенную машину для убийства целого народа?

Л.С. На мой взгляд, уже было нельзя. Объясню. На Нюрнбергском процессе все спустили на тормозах. Судили нацистскую Германию. Она, конечно, главный виновник в развязывании Холокоста, уничтожении миллионов евреев. Но виновна не только Германия. А вот об этом давайте поговорим в конце нашего разговора.

***Здание, в котором проходила
Ванзейская конференция, 1942 г.***

Е.З. Согласен. Что известно и неизвестно сегодня о Катастрофе евреев Белоруссии?

Л.С. Все, что было известно предыдущим поколениям о происшедшей трагедии, для молодежи – это белый лист бумаги. С каждым новым поколением нужно начинать все сначала. Но не возвращаться к той точке, откуда начали, а рассматривать, что сделано до нас. Что известно и что неизвестно. Если на обыденном уровне рядовому читателю или зрителю что-то неизвестно, это не говорит, что неизвестно для историков. Очень исторически мы должны относиться к Катастрофе. Эмоции здесь плохой советчик, за основу следует брать факты и обстановку тех времен.

Начнем с фундаментальных вещей: отношение властей к еврейскому вопросу и, вообще, к евреям. Кем себя они ощущали перед войной? В начале войны? Советскими гражданами? Или евреями? Почему государство не выделило их в группу риска?

На эти вопросы дадим короткие ответы:

1. Евреи ощущали себя советскими гражданами.
2. Ни в какую группу риска их не включали и не собирались.
3. Большинство людей вынуждено было выбираться из прифронтовой полосы самостоятельно. В первую очередь, власти спасали материальные ценности, государственное имущество, а не людей. Отсюда и такие жертвы. А дальше продолжим следующую мысль: почему трагедия евреев не стала известна после окончания войны?

Е.З. Что ж, давайте поразмыслим.

Л.С. Поразмыслим! С одной стороны, не стало евреев. Просто физически их не стало, и некому было заявлять о прошедшей трагедии во весь голос. С другой стороны, для властей было очень неудобно говорить о трагедии евреев. Сразу бы возник вопрос, как же случилось, что целый народ бросили на произвол судьбы? И какова тогда цена Победы?

Как только об этом начался бы разговор, мгновенно бы возник разговор о пирровой победе... Победа не может быть любой ценой! Если народ исчез, то нельзя говорить о том, что кто-то победил, или проиграл. Более того, после войны с евреями не считались: их не слушали, они потеряли право голоса, право своего выражения и своего мнения. Настоящий разговор о том, что же все-таки было на самом деле, стал возможен только после распада Советского Союза и обретения Белоруссией независимости в 1991 г.

Е.З. И?

Л.С. Возникла очень удобная ситуация, когда за все грехи советской власти никто не брал ответственности. В том числе и новое белорусское государство. Говорите все, что хотите, но не мы участвовали в расстреле евреев, защищают свои позиции в Беларуси. С этим можно поспорить, ибо документы свидетельствуют о том, что здесь было 100.000 пособников нацизма. Вдумались в эту цифру? 100.000 тысяч!

После 1991 года открылись архивы, упразднили Спецхран. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских преступлений на оккупированной территории Советского Союза и Белоруссии перевели из архивов КГБ на открытое хранение в Национальный архив Белоруссии. Одни были скопированы и увезены в Израиль, другие – в университеты Европы и Америки. Историки, исследователи получили, наконец, возможность проанализировать приказы, картотеки, переписку Центрального штаба партизанского движения, короче, всю документацию. Самый верный и первозданный материал, которого так ждали специалисты для обобщения, анализа, статистики, выводов появился в наших руках.

Е.З. Возникла возможность предметного разговора на конкретную тему? Обнаружить, так называемые «белые пятна» Катастрофы?

Л.С. Да! Самое главное, и я настаиваю на этом, заключается в том, что трагедия евреев Белоруссии является составной частью ее трагедии в целом. Но от этой точки зрения в республике отказываются. От такого вывода уходит современная белорусская историческая наука. Белорусские историки отказываются признать, что геноцид и террор – это разные понятия. И это, конечно, не случайно. Мол, белорусов убивали тоже... А я вам скажу, что белорусов никогда не убивали по национальным признакам. Ни за одним из них не охотились как за

Германия. По этой железной дороге отправляли евреев в концентрационные лагеря Европы, в том числе в Беларусь.

евреями. Ни одного из них не ставили к стенке только за то, что они белорусы. Такого никогда не было! Если и расстреливали нацисты белорусов, то только за связь с партизанами, подпольщиками – как врагов своего режима, как своих противников. По отношению к ним они использовали террор: политику выжженной земли, лишение материальной базы, акции запугивания. Но только не геноцид! То, что в русскоязычной, и в том числе белорусской, историографии даже не понимают понятие «Холокост»,

видно на примере: это слово пишут с...маленькой буквы. Знаете, какое находят объяснение? Если слово «геноцид» пишется с маленькой буквы, тогда почему Холокост должны писать с большой? Наши коллеги на постсоветском пространстве не понимают сути проблем, или понимают, но не принимают. В двух словах: геноцид – понятие абстрактное, которое имеет разные этапы, разное отношение к разным историям, разным народам

**На платформе надпись: 14.11.1941
/956 JUDEN/BERLIN – MINSK**

Холокост – это не абстрактное понятие, говорящее об исчезновении целой цивилизации, уничтожении конкретного народа по конкретной концепции. И это не сопоставимо с геноцидом!

Англичане, которые очень скрупулезны в таких вопросах, давно поняли разницу двух слов. Не зря на английском языке слово «Холокост» пишут с большой буквы, а «геноцид» – с маленькой.

Е.3. Что же есть в активе историков, исследователей, энтузиастов?

Л.С. Собран фактический материал, записаны свидетельства людей, у которых раньше никто ничего не спрашивал, открыты архивы, проводятся исследования. Идет обобщение и осмысление Катастрофы. Но необходима государственная политика и поддержка белорусских историков. Без нее невозможно двигаться дальше в этом направлении. Могу констатировать, что историей Катастрофы в Белоруссии занимаются единицы. Одни из них – самоучки, другие – ученые. Но те и те – одиночки. Чтобы их всех пересчитать, достаточно пальцев на одной руке. В плане разработок Академии наук Белоруссии нет тем по истории Катастрофы, она не проходит по другим научным программам, в школьных учебниках ей отведено не более одного абзаца. В Белоруссии тема Холокоста для массового сознания остается непознанной.

Е.3. Есть ли разница в подходе к Катастрофе,

когда Белоруссия входила в состав СССР, и теперь, когда является самостоятельным государством?

Л.С. Разница только в том, что нет никакого запрета на изучение Катастрофы. Но проекты на ее разработку не финансируются, не выделяются стипендии, гранты. Хотите – за свой счет занимайтесь исследованием этой темы, не хотите – не занимайтесь. Поэтому в Белоруссии за последнее время по истории Катастрофы защищены всего две-три диссертации. До сих пор здесь существует концепция о том, что история Великой Отечественной войны – это героическая, а потом уже трагическая история. Позвольте эти слова переставить местами. Война – это, в первую очередь, трагедия, а не героизм. Честно говоря, я меньше всего думал, о том, что в Израиле буду заниматься историей войны, которая изложена нашими ветеранами, прилизана редакторами, вычищена цензорами, а на вершине – победы за победами.

Когда в Израиле мне стали известны закрытые ранее архивные данные, совсем другие концепции, иной подход к прошедшей войне, я понял, что мы стоим в начале горы, на которую еще нужно взобраться. Мое мнение: все, что происходило во время войны, нужно рассматривать конкретно исторически.

Давайте обсудим отношение белорусов к политике нацистского геноцида. Природа человеческой психики, сознания и поведения далеко не изучена. Прямыми соучастниками преступлений нацистов в

Белоруссии было 100.000 человек! Помните, эту цифру я уже называл.

А кто считал тех, кто за корову, огород, хату, платок, да иногда просто ни за что, выдавал бежавших из-под расстрела евреев? Белорусы до войны жили бедно, как говорят, перебивались с хлеба на квас. Почему бы не пожить еврейским имуществом? Прозеваешь, оно достанется другим.

– Ис-с-ак, оставь мне ко-ро-ву, ост-авь! Мы же с тобой соседи, – кричал в колонну уходящих на расстрел евреев один из белорусов (этот факт зафиксирован). Этот сосед-белорус и не думает спасти еврея, да и не может, а вот добро его, как и другие, он не хочет прозевать. Тех же, кто каким-то чудом выживали во время расстрелов, сдавали немцам. Не потому, что ненавидели евреев, просто не хотели, чтобы оставались свидетели. Чтобы спасшиеся не рассказывали о грабежах. Вдруг придется отвечать за них, а шубейку возвращать. Поэтому и выдавали, и добивали, как будто без злого умысла. Причем тут антисемитизм? Это заурядный криминал.

Белорусы и русские через родных, служивших у немцев, заранее узнавали о намечавшейся акции и ожидали, когда можно будет присвоить имущество соседей. Крестьяне из окрестных деревень дежурили в прилегающих к гетто кварталах. После грабежа немцев и полицейских в еврейские дома врвалась толпа.

Растаскивали мебель, выламывали двери, рамы, окна

Дома разбирали по бревнам. Так было повсеместно.

Проблема изъятия еврейской собственности и ценностей продолжает оставаться неизученной стороной Катастрофы. Даже сегодня, через 75 лет после войны! В то же время была и другая Белоруссия, и другие люди, которые, наблюдая за гибелью своих соседей, не стояли перед выбором: помочь или не помочь. Каждому из них было хорошо известно, что это смертельно опасно. Но находились белорусы, которые вопреки логике спасали евреев, совершая человеческий подвиг! Благодарная еврейская нация учредила для таких людей звание Праведник народов мира. Оно не только почетно, но и дает право на репатриацию в Израиль со всеми вытекающими правами, включая предоставление гражданства не только для самих спасителей, но и для членов их семей

– родителей, родных братьев и сестер, детей. Другими словами, для всех, кого бы нацисты расстреляли в случае обнаружения предоставления помощи еврею (евреям) в их доме.

Каждый случай спасения – неповторим! На оккупированной территории бежать было некуда. Среда оставалась враждебной, и нацисты это понимали. Поэтому гетто маленьких местечек охранялись только для виду. Евреи все равно не разбегались. Много было гетто «открытого типа», то есть без охраны и колючей проволоки. Просто переселили обреченных на одну улицу для того,

чтобы удобнее было приглядывать. Не кормили, не поили, не оказывали медицинских услуг.

Поиски продуктов питания становились заботой самих узников. Не справился – умер от голода. Спасали старые связи, товарообмен, на который белорусская полиция смотрела сквозь пальцы. Им тоже перепало, и не мало. За пределами гетто было более опасно. В лесу? Тоже была опасность от разных банд.

На оккупированной

территории без помощи местного населения не смог бы выжить не один еврей! Ни один! Это я говорю со всей ответственностью! Выжили тысячи! Только из минского гетто спаслись 10. 000 евреев! Они ушли в партизаны, воевали, мстили врагу. Это немного, всего десятая часть от

100.000 белорусских евреев, уничтоженных в минском гетто. Но были спасенные и из других гетто, из городов, местечек. Е.З. Вы хотите сказать, что никто из них не остался бы в живых без помощи?

**"Аллея праведников
мира" в честь жителей
Беларуси, спасавших
евреев в годы
фашистской оккупации
1941-1944 гг.**

Л.С. Никто! Но это только часть правды! Евреев спасали также местные жители из числа фольксдойче, т.е. этнических немцев, которые раньше жили в Белоруссии. Евреям помогали и спасали некоторые немецкие военнослужащие, верующие христиане. Ну и самое главное, евреи не ждали покорно смерти. Они были борцами, о чем сейчас мало кому известно!

Е.З. Иначе складывается мнение, что евреи шли на убой, как овцы...

Л.С. Такое мнение у некоторых существует. Но это не верно. Вот несколько примеров на этот счет. Узники минского гетто укрывали в своих госпиталях раненых партизан-белорусов и русских, меняя в документах их имена на еврейские. Степан становился Хаимом, Андрей – Янкелем...

Узник гетто, которого звали Гедалий, вывез из концлагеря старшего лейтенанта русского Семена Ганзенко в мусорном ящике. Потом с помощью проводников гетто Семена отправили в лес, где он возглавил партизанский отряд имени Буденного, а комиссаром отряда стал Наум Фельдман, один из руководителей подпольной организации гетто. Кстати, позже этот отряд вырос в партизанскую бригаду имени

Пономаренко. Вот во что вылилось спасение евреем Гедалием советского офицера!

Е.З. Находясь в смертельной опасности, надеясь на помощь других, евреи сами спасали этих других?

Л.С. Невероятно, но таких фактов много.

Вот еще. Летом и осенью 1941 года через Минск вели многочисленные колонны советских военнопленных. Их маршрут проходил через территорию гетто. Еврейские подростки приоткрывали калитку проходного двора и, если охрана была без собак, зазывали к себе людей. В гетто снабжали пленных документами, одеждой, делились продуктами и через развалины выводили на другую сторону улицы. Так было спасено несколько десятков военнопленных.

Из бежавших узников Минского гетто еврейский семейный партизанский отряд создал Шолом Зорин. В составе отряда было 137 человек боевой роты и 420 стариков и детей.

Тувия (Анатолий) Бельский вместе со своими братьями организовали побеги узников из целого ряда гетто Западной Белоруссии. Летом 1944 года в отряде было более 1200 человек, из них свыше 70 процентов – женщины, старики и дети, которые были обречены на оккупированной территории. Этот еврейский партизанский отряд был грозной боевой единицей. Расправлялись со всеми жестоко и бескомпромиссно! На базе семейного отряда братьев Бельских сформировали боевые партизанские отряды имени Калинина и Орджоникидзе. Евреи-партизаны пускали

под откос эшелоны противника, убивали власовцев, полицейских, немцев. В июле 1944 года братья Бельские вывели из леса более 1200 спасенных ими евреев.

Е.З. Кстати, бабушка и дедушка Джаред Кушнера, зятя вновь избранного президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа, также бежали из Новогрудского гетто, не исключено, что и они побыли в отряде Бельского?

Л.С. Почти весь отряд Бельского в конце войны перешел границу с Польшей, в Белоруссию они уже не вернулись. Уехали в Израиль, позже – в Америку. Дети бежавших узников из Новогрудского гетто приезжают в Белоруссию, помогают в установлении памятников, укрепляют дружеские связи со страной своих предков. Внук евреев, бежавших из гетто, стал зятем американского Президента. Чему вы удивляетесь? В Америке все возможно! Это, во-первых, а во-вторых, кто сегодня Джаред Кушнер? Преуспевающий бизнесмен, еврей, глубоко соблюдающий традиции. Откуда это у него? От бабушки и дедушки, которые передали внуку любовь к народу Израилеву.

Е.З. В Минске уничтожили более 150. 000 евреев. На чьей они совести?

Л.С. На совести нацистов и советского руководства, которое бросило своих граждан. Уничтожение евреев на всей территории Белоруссии осуществлялось планомерно. И об этом долгое время молчали. Физическая Катастрофа продолжилась

духовной. Как будто и не было трагедии еврейского народа: о ней не писали, не говорили. Что же касается братских могил, в большинстве случаев в которых были захоронены евреи, то к ним было неопределенное отношение. Если написать, что жертвы именно евреи, значит, ответить на неудобный вопрос: почему же так много этих братских могил? Не лучше ли, прикрываясь общими словами о всенародном горе и интернационализме, все это как-то замаскировать? Так и сделали. Поэтому почти везде на всех памятниках написано: «Советские граждане...», аргументируя это тем, что среди расстрелянных были и партизаны, красноармейцы, короче, борцы с фашизмом. Все это так, только их процент в этих братских могилах очень невелик. Советская политика строилась на безальтернативной основе. На местах делали только то, что говорили свыше. Инициатива была наказуема!

Е.З. А в сегодняшней Белоруссии?

Л.С. Инициатива в Белоруссии не наказуема, но не предсказуема. Неизвестно, как власти к ней... отнесутся. Отсутствие государственного участия, даже в небольших проектах – это как раз и характеризует современную Белоруссию. Хотите что-то сделать по улучшению памятников на еврейских могилах – пожалуйста. Но местные бюджеты на эти расходы не предусматривают ни копейки. Если собрали определенную сумму, отчитайтесь за нее, иначе вас могут привлечь к ответственности за какое-то нарушение. Белоруссия не учитывает опыт стран

Прибалтики, Молдавии, Украины, России по сохранению еврейских памятников и их содержанию, где выделяют на это средства из государственного и местного бюджетов.

В Белоруссии существует концепция, что белорусы не при чем. Евреев убивали немцы, а коль так, то никакой вины нет. Зачем же тратить деньги? Убивали и белорусы. Для проведения крупных акций специальные расстрельные команды действительно приезжали из Прибалтики и Украины. А вот в маленьких городках и местечках обходились силами полицейских.

Но если сравнивать с положением в других оккупированных областях

СССР, то в своей

массе население Белоруссии держало равнодушный нейтралитет. Сохранились немецкие докладные в Берлин, где начальники жалуются, что не выходит «раскачать» белорусов на активное участие в антиеврейских погромах. И это неслучайно. Исторически сложилось, что положение

На памятнике не написано, что все погибшие от рук фашистских палачей – евреи.

евреев и белорусов, начиная с царских времен, было тождественно в имущественном и правовом плане. Они подвергались одинаковому унижению и гонениям как со стороны поляков, когда Белоруссия входила в состав Речи Посполитой, так и русских, когда была частью Российской империи. Белоруссия была постоянным проходным двором из Европы в Россию. Все, кто шел через него, убивали и сжигали. Здесь постоянно жили в стадии выживания. О какой государственности белорусы могли думать?

Е.З. Объединяла одна беда?

Л.С. Между евреями и белорусами не было глубоких конфликтов, противоречий или религиозных распрей. Им нечего было делить друг с другом, в местечках две культуры не враждовали, а сотрудничали. Все это наложило определенную печать на отношения между двумя народами. Почему говорят, что белорусы толерантные, с ними приятно иметь дело, что они не конфликтные? Да потому, что белорусы согласны на все, только чтобы не было войны.

Е.З. Этот взгляд существует и сегодня?

Л.С. Существует и еще как работает! Народ продолжает жить в режиме выживания. Когда анализируешь все это, понимаешь, что Холокост – это не примитивная, упрощенная проблема. В ней – громадный комплекс человеческих отношений! Есть два вида памяти – народная и научная. Для того чтобы обоснованно говорить о больших вещах, таких, как трагедия целого народа, который исчез, нужно

проводить научные исследования и осмысливать происшедшее.

Когда пишется важная и серьезная книга, меньше всего нужно думать, что ее будут читать завтра. Она, может, не будет читаться завтра, а будет востребована, когда придет время. Для сравнения можно привести следующий пример: живет человек, и вдруг он уходит. Только тогда родные, да и окружающие начинают осознавать его потерю. Точно также и с Катастрофой!

Вначале нужно осознать, что произошло! Тогда мы и осознаем масштаб Потери! Для этого нужен один путь – работа с новыми поколениями методом их просвещения, рассказы о правде – пусть, может, неприятной, но без прикрас.

Е.З. Отсюда вывод: тема Катастрофы должна быть изучена всесторонне, на научной основе, и тогда будет результат?

Л.С. Именно так! Кого легче поднять на любое выступление против евреев? Темных, непросвещенных! Так было всегда и везде. Как и где говорить о Катастрофе, ее масштабах и последствиях? На семейном уровне! Но этого недостаточно. Нужен государственный подход и государственная программа. Нужны новые учебники и новый подход к изучению Катастрофы.

Е.З. Тема Катастрофы важна в наши дни?

Л.С. Безусловно. Все, что произошло с евреями в годы Второй Мировой войны – это репетиция для других народов. Стоит только забыть уроки прошлого, и

все повторится. Каждое новое поколение людей, вступающих в жизнь, проходит свой «ликбез». Я вам скажу мысль, которая не нова. Просто ее не принимают. Вы думаете, в Катастрофе виноваты одни нацисты? Отнюдь нет! В Катастрофе евреев и исчезновении миллионов наших соплеменников виноваты все народы мира. Не согласны? Объясню!

Какая была главная цель нацистов, когда они пришли к власти в 1933 году? Нацисты тренировались на евреях. Устроили погромы во время «Хрустальной ночи» в 1933 году. Мир смолчал. Что вначале хотели фашисты? Юденфрай – страну без евреев. Чтобы их рядом не было. Вначале забрали все имущество. Потом дали срок: до 15 октября 1941 года с территории Рейха при наличии иностранной визы можно было отправиться на все четыре стороны, имея при себе чемодан в 20 кг. Кстати, эта аналогия вам ни о чем не говорит? Когда начался массовый исход из СССР в 1989 году, тоже разрешалось на одного выезжающего брать чемодан, вес которого не превышал 20 килограммов.

Итак, когда Гитлер увидел, что евреев никто не хочет – ни Америка, ни европейские страны – он понял: их можно убивать. После 15 октября 1941 года пошли эшелоны немецких евреев в Минск, Ригу, где их ждали расстрельные команды. А из Белоруссии никуда не нужно было вывозить. Зачем? От кого прятаться?

Немецких евреев убивали вместе с белорусскими в Тростянецком лагере смерти, а в Латвии – в

Саласпилском концлагере. Но не все немцы были фашистами. И понимая это, нацисты не убивали немецких евреев на глазах соседей, а увозили их на Восток. Были уверены, что здесь не только никто им не помешает убивать, но даже будут помогать.

Е.3. Так и произошло?

Л.С. В Польше, Прибалтике, Белоруссии загоняли евреев в гетто, в концлагеря. В одной стране было больше ретивых помощников, в другой, как в Белоруссии, меньше, но Катастрофа продолжалась. Солдаты вермахта, находясь на фронте, думали, что воюют за «Великую Германию» против большевистского засилья.

И здесь нет ни слова, что большинство уничтоженных – евреи.

От них тщательно скрывали факты повсеместного уничтожения евреев. Для этой цели подбирали уголовников, людей с темным прошлым, промывали им мозги, мол, вам выпала миссия быть санитарами земли, уничтожить на ней

«недочеловеков», к которым относили евреев, цыган и других народов. Это так называемые айнзацкоманды. Но даже самые отъявленные убийцы иногда прозревали или сходили с ума.

Е.З. Доктор Смиловицкий, давайте подытожим наше интервью. Каковы последствия Катастрофы?

Л.С. На этот вопрос очень тяжело отвечать. Нет ни одной еврейской семьи, которая не потеряла бы своих родных и близких, будь то на оккупированной территории, в эвакуации или на фронтах Великой отечественной войны, в партизанских отрядах. Собственно, в моей и в вашей семьях – то же самое, разве не так? Вы говорите, в вашей семье уничтожено 13 человек Златкиных? Только в гетто Речицы Гомельской области погибло 17 человек Смиловицких. Я обнаружил об этом сведения, собранные ЧГК СССР в 1944 г. в архиве Яд Вашем в 1994 году, 50 лет спустя.

Мы не вечны, жизнь человека конечна – это все знают. Идет смена поколений. Но трагедия Холокоста заключается в том, что жизнь целого народа была прервана насильственно. Поколения людей никого после себя не оставили, нарушилась преемственность. 800 тыс. евреев Беларуси из одного миллиона в 1941 году (вместе с еврейскими беженцами из Польши в 1939 году) – это 10 % населения республики. Сотни тысяч семей, словно деревья, были вырезаны под корень. Трагедия была усугублена тем, что советские власти, опасаясь ответственности за то, что они допустили подобную трагедию, предпочли игнорировать

Холокост. Мол, всех убивали, почему нужно выделять евреев, это не патриотично и не интернационально. Собственно, мы об этом уже говорили. Напомним только, что история советского общества не предусматривала альтернативы. В Москве понимали, что к ответу советских историков призывать некому, поэтому научная истина не интересовала.

Е.З. Поэтому мы с вами здесь, в Израиле...

Л.С. Не только мы с вами. Более миллиона бывших советских евреев уехало в Израиль, а сколько – в другие страны? Если государство не могло защитить своих граждан во время войны, если продолжало гонения после ее окончания, то у евреев не оставалось выбора. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – помните из какой это книги? Ильф и Петров думали, что шутят, а оказалось?

Е.З. Леонид, вы приоткрыли завесу тайны, поделились своим видением Катастрофы. Свою задачу выполнили? Книгу написали и выпустили? Мечта достигнута?

Л.С. Есть у меня мечта! Чтобы темой Катастрофы интересовались не только историки из Израиля, но и других стран. Чтобы мы объединили наши усилия. Чтобы эта тема никогда не исчезала и не пропадала. Чтобы тему Катастрофы обсуждали и обосновывали на альтернативной основе. И это самое лучшее!

Чтобы белорусские историки высказывали на нее одну точку зрения, а польские – вторую, израильские – третью, германские – четвертую, американские – пятую.

Нет исторической науки – американской или израильской, белорусской. Она или есть, или ее нет! Катастрофа ведь тоже была одна для всех стран Европы.

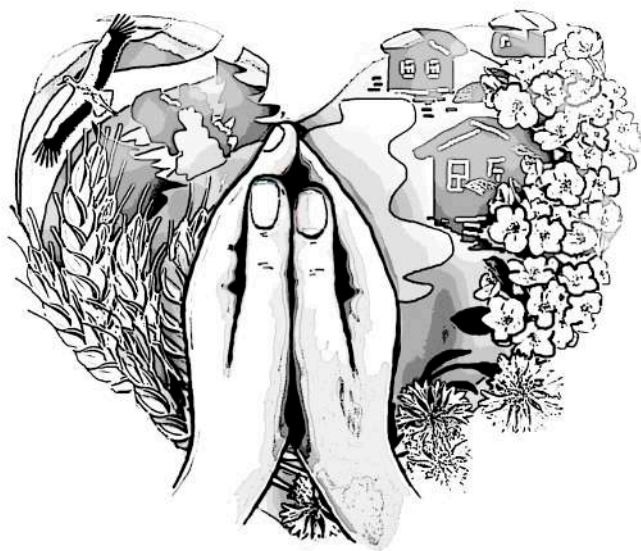
Я мечтаю, что доживу, когда в современной Беларуси появятся государственные Еврейский музей, Музей Катастрофы евреев Беларуси, Музей Минского гетто. Будет выходить научный журнал, посвященного геноциду евреев Беларуси, издана Энциклопедия истории Холокоста в Беларуси, Энциклопедии Праведников мира, уроженцев Беларуси. Будет принята государственная программа по отражению тематики гетто в краеведческих музеях страны и т. д. (слабые попытки восполнить этот пробел в новом Белорусском Государственном музее истории Великой Отечественной войны нельзя принимать в расчет).

Историю Холокоста станут изучать во всех без исключения учебных заведениях республики. Будут исследованы отличительные особенности трагедии евреев Беларуси. Дан ответ на вопрос, как повлиял Холокост на демографическое, экономическое, научное и культурное развитие страны в послевоенный период? Насколько эхо Холокоста до сих пор ощущается по тем направлениям, которые не устранены за счет людских ресурсов, интеллектуального и экологического потенциала Беларуси? Обо всем этом пора сказать в полный голос с официальной трибуны, поскольку в условиях современной Беларуси позиция государства необыкновенно важна.

Е.З. Доктор Смиловицкий, большое Вам спасибо за интервью. Вы нам дали ответ на очень важные темы для понимания значения Холокоста в наше время и в будущем. Успехов Вам в научной и просветительской деятельности, новых открытий в еврейской истории!

От автора книги:

Хочется надеяться, что в сегодняшней Беларуси будут не только гордиться своими выходцами – Президентами и Премьер-Министрами Израиля, но и продолжать, и сохранять Историю Катастрофы для будущих поколений.

Глава II

Мои евреи, как вы смелы!

Разноцветные домики, словно кибитки, сбежали с горочки и остановились в нерешительности. Выше вплотную приблизились новые дома. Ниже зеленеет луг. Когда-то здесь паслись табуны коней. Домики, как рты, раскрыли свои калитки от удивления. Так и застыли: не закрываются и не открываются. Солнечные глазницы окон рассматривают меня в упор. И тоже не узнают.

Что же ты?..
Что же ты, Михалин?
Я же твой сын.
Не единственный!
Но один из твоих сыновей!
Из твоих родных сы-но-ве-й.

Сколько их ушло по твоему березовому большаку в начале войны?
И не вернулось! Сколько их ушло уже в мирные десятилетия?
И тоже... не вернулось. Затерялись на бескрайних жизненных просторах.
А я вот, возвращаюсь к тебе.

Возвращаюсь.
Что меня тянет?
Может, твоя жизнь?
Или твоя история?

Хочешь, я ее тебе расскажу?
Напомню...
Тогда, может,
и признаешь меня?
Слушай, слушай, внимательно

До революции вокруг тебя были владения помещика Шацкого. Вспоминаешь? Здесь с давних времен жило мое беспокойное племя. Где же было еще жить евреям, как не в таком захолустье? Из поколения в поколение черта оседлости ограничивала территорию жизни. Да и род занятий...

Нахватавшись революционных идей о равноправии и братстве, о лучшей доле и светлом будущем для трудящихся всего мира, городская еврейская беднота повалила в Михалин. Ведь именно здесь революционные комиссары, щеголяя кожанками, решили организовать один из первых еврейских колхозов в Белоруссии.

Над этими комиссарами – из той же еврейской бедноты, но уже прошедших Гражданскую войну – посмеивались их же товарищи:

– Хотите, чтобы ваши Абрамы и Сары стали колхозниками? Да они же не знают, как запрячь коня в телегу или как подойти к корове. Запутаются в своих пейзах, – хохотали разного рода уполномоченные.

Хохотать-то хохотали, но понимали, что местные мужики в колхозы не спешат. А постоянная отчетность требовала демонстрации роста коллективных хозяйств. Из области слали директиву за директивой. Короче, власти дали добро на то, чтобы вчерашние портные, парикмахеры, сапожники и мелкие торговцы – все эти Ицхаки, Златы, Абрамы, и Сары – стали колхозниками. Колхозу дали имя «Энергия».

Коммунары были народом энергичным и надеялись, что такое название колхоза им поможет. Помогло или нет? Но михалинский колхоз вскоре становится известным на всю округу.

Еврейские коммунары строили дома, работали на пашне, на ферме. Колхоз «Энергия» гремел на всю округу. Не каждого сюда уже и брали. С завистью смотрят на жизнь в этом хозяйстве горожане, жители близлежащих деревень.

Поля золотятся пшеницей, коровы дают молока больше, чем в других коллективных хозяйствах. Как же прежние ремесленники – кожевенники и портные – научились умело обрабатывать землю? Секрет прост. В соседних селах жили знакомые крестьяне, к которым они на первых порах не стеснялись обращаться. Потом и к ним пришел опыт, да и смекалки было не занимать.

В это время евреи в Палестине тоже учились обрабатывать землю! И еще как научились! Не зря израильские кибуцы известны всему миру. Но это совсем другая история...

Еврейскому колхозу «Энергия» в Михалине была уготована, увы, совсем иная судьба. Трагическая судьба.

Первым председателем колхоза «Энергия» избрали Тевку (Тевье Вайнермана). Почему его? Да по самой простой причине. Среди всех местечковцев он был приметной личностью. Еврей как еврей – с женой и детьми, целомудренно соблюдающий субботу. Но Тевка очень любил читать. И не только еврейские талмуды, которые, объясняли все и всем, но и художественную литературу. Соседям он чем-то напоминал Тевье-молочника из известной повести Шолом-Алейхема, да и звали его так же.

Однажды, зачитавшись, он не выполнил просьбу жены. И получил от нее трепку. Упершись руками в бока, она красноречиво объяснила ему, кто он такой и откуда. На что Тевье, тогда еще не был Тевье-молочник, резонно заметил, прочитав жене дословно пару строк из Шолом-Алейхема:

«Баба-бабой и останется! Недаром Соломон мудрый говорил, что среди тысячи жен, он ни одной путной не нашел. Хорошо, что еще нынче вышло из моды иметь много жен».

На что его жена – красавица и умница, каких еще нужно было поискать — поиграла черными длинными косами, будто намереваясь что-то сказать, и пошла в дом. Но на пороге остановилась, улыбаясь красивым белым лицом: «Э-й-й, ежели ты думаешь, что как Тевье-молочник будешь дурить меня всякими байками, то ты ошибаешься. Я тебе не Голда Шолом-Алейхемовская, а Злата. Злата михалинская! А свои шутки-прибаутки оставь на таких же книжников, как ты...».

Не знаю, слышал ли кто через плетень их разговор или сами они проговорились, только с того дня Тевье без приставки «молочник» никто уже не называл. Вскоре он привык к новому имени, словно родился с ним. А что? Имя неплохое. Известное на весь мир. Даже в далекой Америке знают о Тевье-молочнике.

Какая разница, где кто живет? Тевье-молочник, он и в Михалине Тевье-молочник! Тем более, что к нашему Тевье вскоре пришла известность. Да такая, что Злата перестала смотреть на него с прищуром своих очаровательных глаз. Кто первый человек в местечке? Ее муж! Кто первый председатель колхоза "Энергия"? Ее муж!

Все михалинцы проголосовали за него. Бывшее имение помещика Шацкого передали под управление не кому-либо, а Тевье-молочнику. Пятьдесят еврейских семей образовали артель, коммуну, или, как хотите, так ее и называйте. Видите, как повезло нашему Тевье?

Даже больше, чем его тезке из книги Шолом-Алейхема. В начале повезло. А что будет потом, расскажу все...

Вот тогда трудилась на ферме дояркой моя бабушка Сара, а дед Залман работал в полеводстве. А мой отец Давид? До 17 лет со всеми был на колхозных работах.

В кузне заправлял Янкель Резников. Я застал его и, живя по соседству, с ним часто разговаривал.

– Вот там, через дорогу находилась колхозная дворня. Недалеко от нее была кузница. Постоять день возле горна, дышащего пламенем, было ой как нелегко!

Постаревшая Злата, лучшая доярка "Энергии", охотно мне рассказывает о работе на ферме... Но это уже будет намного позже – через десятилетия. А тогда, летом сорок первого года, над местечком черной птицей опустилась война. Плакали мамы, сестры, невесты, провожая на фронт своих сыновей, братьев, любимых, не догадываясь, что их участь будет в тысячу раз хуже...

Я вот сейчас думаю, если бы Тевье-молочник, по фамилии Вайнерман, председатель еврейского колхоза проявил строптивость и неподчинение? И настоял, чтобы перед его отправкой на фронт, прежде всего немедленно эвакуировали всех жителей местечка... Возможно, тогда моя бабушка Сара и ее дети были бы живы? Возможно, остались бы в живых и другие михалинцы? В том числе и твои родные, Тевье-молочник? Рахиль, Сара, Лия, Хаим Вайнерман, твоя жена – красавица.

Понимаю, что председателя колхоза сразу бы расстреляли по законам военного времени и за... панику. Куда же смотрел ты, великий Сталин? Обещал народу, что будем бить врага на его территории? А началась война – не слышно, не видно тебя в первые дни...

А руководители Белоруссии? Не герои: сразу тайно покинули Минск. Воинские командиры забрили мужчин Михалина, а женщин и детей оставили врагу? Без... защиты? Для них уже все предопределили? Говорите, такая была судьба. Почему судьба?

А может, предательство властей, их неспособность позаботиться о гражданском населении?..

Тем, кто ушел на фронт, выпала лотерея. Везунчиками были не все. Поэтому о них позже! Они и так получили главную награду: жизнь!

Тевье-молочник, попал под Сталинград – в самое пекло войны. Как здесь пригодилась его рачительность, селянская мудрость и заботливое еврейское сердце по отношению к бойцам! Настоящим отцом был для них старшина роты Вайнерман. Их берег, а себя – не смог. После одного из боев его не стало.

Погиб и младший брат Тевье – Цодик Вайнерман. На войне остался почти весь цвет еврейского мужского Михалина. Не было того дома, той семьи которую бы не обошла черная весть. А чаще было, что и не было ее кому сообщать.

От Михалина до Берлина

*К Званию Героя Советского Союза моего земляка – михалинца, полковника **Вениамина Миндлина** (на фото) представляли пять (!) раз.*

И ни разу он его не получил...

Это был первый и единственный случай за всю историю Великой Отечественной войны! Хорошо известно, что евреев-фронтовиков не спешили награждать, по возможности... обходили.

Но чтобы пять раз (!) отклонить Представление на награждение Героя войны, – это нонсенс!

Что сейчас об этом говорить? Но мы должны знать своих Героев даже, если их этим Званием обделили...

Поезд медленно пересекал заснеженные просторы Белоруссии, все ближе и ближе подтягиваясь к Москве. За окном вагона – январь 1983 года. Страна в ожидании. Что будет после смерти Брежнева? Об этом идут, не переставая, споры и между моими

попутчиками. Прислушиваясь невольно к ним, я все больше думаю о своей встрече, которую так долго ждал. Хотя она могла так и не состояться, если б не некая случайность...

Как-то в районном музее, что в городе Климовичи, я обнаружил новую экспозицию ко Дню Победы. На ней – фотографии молодого дерзкого полковника, а под ними – лаконичная подпись: уроженец Климовичей, полковник В.А.Миндлин, участник боев за взятие Рейхстага.

Увидеть это для меня было шоком! Да, как журналист городской газеты я писал про всех фронтовиков – русских, белорусов, евреев, не называя национальности последних, как это было принято. Но такого уровня, такого масштаба среди героев моих очерков и зарисовок еще не было. Конечно, я загорелся. Еще бы! Полковник, дошел до Берлина! Да еще и еврей! Редактор Иван Иванович Журко был в восторге от новостей.

– Говоришь, полковник? Брал Берлин? Отпускаю тебе всю третью страницу! Запускай! – великодушно напутствовал он меня.

Все было правдой. И полковник, и герой Рейхстага... Но, когда материал пошел в набор, выяснилось, что у моего героя не совсем обычные для слуха белорусов имя и отчество. Вениамин, да еще и Аронович...

– Чувствую, мне будет на орехи. Да ладно. Не оголять же мне газету таким классным материалом.

Будет бомба! Но мы ее замедлим. Не будем писать ни имя, ни отчество. Везде – В.А. Миндлин. И точка. Фамилия, конечно, не белорусская, но это уже легче, – размышлял мой редактор.

Утром в белорусском городе Климовичи был действительно маленький шок. Вместо обычных героев, широко известных, был новый. Да еще какой!

– Сядь, послушай! – вызвал меня покрасневший то ли от негодования, то ли от взбучки редактор.

– Что это такое?! Мы воевали всю войну. А здесь какие-то Ароны в героях, – возмущался бывший партизан.

– Вы с нами посоветовались? – наставляли из партийных органов.

А третьи – немногие евреи города, да и честные советские люди, увидев меня, радовались, просили рассказать подробнее о Вениамине Миндлине.

Между мной и Вениамином Ароновичем завязалась дружеская переписка. Хотя по возрасту нас разделяло более тридцати лет, нашлось много общего. Оба евреи, и этого не скрывали. Гордились своим племенем – горячим и беспокойным. Мы учились в одной и той же городской школе, правда, в разное время. Жили в одном и том же местечке Михалин. Вениамин – в двадцатые годы, когда он был наполнен еврейской жизнью. Я – в пятидесятые, когда от этой жизни осталась только одна тень. И тем не менее, мы бегали босоногими по одним и тем же проселкам, купались в одном и том же озере, ходили в одни и те же

леса за ягодами и грибами. Словом, мы чувствовали свои общие корни. И это нас роднило.

– Приезжай в Москву. Обо всем поговорим. Поверь, будет интересно, – как-то написал мне Вениамин Аронович.

– Командировку не выписываю. Дни отпуска берешь за свой счет. Куда едешь, никому не рассказываю, – подмигнул мне редактор, когда я поделился с ним своими планами.

И вот за окнами – разноцветные огни Москвы.

В ожидании остановки еще раз перечитываю письмо Вениамина Ароновича.

«Тронут тем, что Вы меня прославляете в областной газете. Но тут, кажется, «занадта». Очень много они отвели места для меня. Мне кажется, что больше внимания надо уделять погибшим. Интересно знать, как отреагировали земляки на публикацию в областной газете. Ведь такая публикация не может у некоторых не вызвать и отрицательных эмоций! Считаю, что выделение в музее отдельной экспозиции для Миндлина – тоже неоправданно. Я им об этом говорил в свое время. Не послушали... Как и обещал, высылаю Вам для ознакомления рецензии на Героев.

Из них я жив один. Учтите, что рецензия написана на меня чересчур возвышенно, писал ее генерал Кривошеин, чересчур возвышенную концовку я даже решил оторвать. Да, к праздникам неожиданно получил поздравление от Могилевского обкома партии и

облисполкома, чему несказанно удивился. Когда Вы прислали газету – все прояснилось».

Следующее письмо.

Недавно видел "Надписи на стенах" Долматовского. И увидел там очень-очень мало фамилий, написанных 2-го мая 1945 года – в день капитуляции Берлина. Когда мы там были позже, то каждый раз оказывалось, что поверх наших надписей более поздние наслоения – надписи тех людей, которым удавалось посетить Берлин после нас.

**На стене Рейхстага есть надпись
Вениамина Миндлина (справа).**

Как рассказал мне полковник ГДР, на Рейхстаге было около двух миллионов надписей. И каждый раз восстанавливали одни, закрашивая другие. Этот же немец мне рассказал, что реставраторы пытались расчленивать те плиты, которые успели вырезать, они насчитывали 15-19 слоев. Поэтому на разных фото можно видеть разные надписи на одних и тех же фрагментах стен. Сейчас Рейхстаг восстановлен без купола и находится в английской зоне за Бранденбургскими воротами. Такова история».

Хочу напомнить, что это было еще до воссоединения Берлина.

Встреча с Вениамином Миндлиным, была назначена у меня на одной из станций метро. Признаюсь, немного волновался. Все-таки он – боевой офицер, столичный житель, ответственный инженер всесоюзного телецентра. А я – журналист из белорусской периферии, далекий земляк...

Как будто из-под земли вырос молодой человек с орлиным взором. Красивая улыбка, теплые глаза, крепкое рукопожатие. И с первой минуты ощущение, будто долго знали друг друга.

Да, много я уже знал о полковнике Миндлине. Знал из его писем ко мне, из его публикаций в столичных журналах. И за всем этим не знал, какие нравственные переживания, какие душевные потрясения пришлось пережить ему, боевому командиру. Нет, он не боялся в боях, не боялся никого в жизни. Ведь он – из породы победителей! Но не всегда пытались расчленивать те плиты, которые успели

среди победителей хотели видеть его, командира с «пятым пунктом». Не всегда.

Он пригласил меня к себе домой.

В разговоре с Вениамином Ароновичем я не услышал жалобы на судьбу – она была благосклонна к нему. Хотя несколько раз был ранен, но остался в живых и дошел до Берлина! Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды...

Автор книги Ефим Златкин вместе с Вениамином Миндлиным во время встречи у него на квартире, 1983 г.

– Да у вас только не хватает звездочки... – не удержался я, рассматривая его мундир с боевыми орденами.

Не только одной, пять звездочек не хватает, – улыбнулся полковник. Хотя и сказал это довольно жестко. И добавил: Сейчас об этом и говорить не хочется. Дарю тебе мои архивные документы. Когда-нибудь прочти на досуге. Мне это уже ни к чему, – на прощание проговорил Вениамин Аронович, протягивая мне пожелтевшие листки.

Когда я уже подошел к дверям, он добавил:

– Придет время, и ты когда-нибудь расскажешь. Пять раз меня представляли к званию Героя Советского Союза. Один раз заменили "звездочку" орденом Ленина, во второй – на орден Отечественной войны, в третий раз – дали право присутствовать на подписании капитуляции Германии.

Никто, да и я, не стремился к званию Героя. Ведь воевали не за награды, воевали за своих родных, за свою землю. Конечно, было уже потом обидно, что обходили незаслуженно.

– А со званием? Ведь полковником, командиром полка тяжелых танков «Иосиф Сталин» вы стали уже в 27 лет, в середине войны. А после нее продолжали служить. И снова никакого продвижения? – спросил я, набравшись наглости.

– Бывает... – улыбнулся Вениамин Аронович и продолжил: Ты знаешь, иду я по Москве после военного

парада в военном мундире. И вдруг передо мной вытягивается и отдает честь генерал. Я ему:

– Что вы?! Я же вам должен первым честь отдавать!

– Товарищ командир, – обнимает меня рослый генерал. – Вы же для меня были и остались первым командиром! Я же ваш лейтенант, – говорит он и называет свою фамилию.

И я вспоминаю, как принимал его под свое командование. Узнаю в этом величавом генерале, прежнего безусого лейтенантика, своего взводного.

– Да, все бывает... – пытаюсь я как-то разрядить обстановку.

– Присядь перед дорогой. Я расскажу тебе еще что–то, коль так уж настроил меня на воспоминания, – подвинул мне кресло Вениамин Аронович.

– Ты думаешь, я особо печалился, что не присвоили генерала, героя?.. Нет. Было неприятно, да. Досадно, да. Но не больше. Жизнь захватила меня, продолжалась. А то, что было, с войной ушло на второй план.

– Давид Драгунский тоже ведь был командиром танкового соединения? Вы знали его? – интересуюсь у Миндлина.

– Конечно! Он одно время был, как и я, полковником, командиром танкового соединения. Дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант. Среди евреев – воинов Великой Отечественной – только он один такой.

– Возможно, не нужно ему было поддаваться нажиму Кремля, возглавлять Антисионистский Комитет?

– Легко сказать – не нужно. Я в этом не судья. Я его ценил и ценю прежде всего за качества боевого командира.

Я перешел на другую тему.

– То, что в стране застой, видно всем. Но ведь должно что-то измениться сейчас, после смерти Брежнева. И сегодняшние руководители страны все-таки присвоят вам заслуженное звание Героя? – заметил я.

– Это вам, далеко от Москвы, так хочется. А здесь Москва. Она не так быстро строится, и здесь не так быстро все меняется, – на прощание сказал мне Вениамин Аронович.

Через семь лет после этой встречи я улетал из Шереметьево в Израиль. Окинул прощальным взглядом заснеженную столицу с высоты полета, мысленно попрощался с Вениамином Ароновичем Миндлиным. Ибо только он один из близких мне людей оставался здесь.

Новая олимовская жизнь, борьба за существование, за кусок хлеба закрутила. Да так, что не было ни минуты ни присесть, ни обдумать. Но все эти годы я чувствовал свой долг перед Миндлиным. Долг журналиста рассказать об этом необычном человеке.

Я беру в руки пожелтевшие страницы, которые передал мне в Москве Вениамин Аронович. Буквально перепечатаваю их слово в слово.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

На присвоение звания Герой Советского Союза
Гвардии полковнику в отставке

МИНДЛИНУ ВЕНИАМИНУ АРОНОВИЧУ,
бывшему:

1943 год – исполняющего командира 10-ой
Механизированной бригады.

1944 год – командир 1 Гвардейской дважды
ордена Ленина, Краснознамённой, орденов Суворова,
Кутузова и Богдана Хмельницкого Танковой Бригады.

1945 год – командир 11 Отдельного Гвардейского
Бранденбургского-Берлинского Краснознаменного и
орденов Кутузова, Тяжелого Танкового Полка Прорыва.

Родился в 1919 году, в местечке Михалин, БССР.
В Красной Армии с 1938 года. Офицер – с 1939 года.
Член КПСС с августа 1942 года. В 1-ой Гвардейской
Танковой Армии с июля 1943 года. До этого был на
Крымском, Северо-Кавказском фронтах, Черноморской
группе Закавказского Фронта.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени,
двумя орденами Отечественной войны 1-ой степени,
орденом Красной звезды и другими

Командуя боевыми соединениями, входящими в 1
Гвардейскую Танковую армию, и действуя в составе
Воронежского, 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских
фронтов, товарищ Миндлин В. А. неоднократно
представлялся к присвоению высокого звания «Герой
Советского Союза», однако его не получил:

В конце августа и сентября 1943 года лично участвовал в тяжелейших боях, своим примером бесстрашия, мужества и воинского мастерства вдохновлял подчиненных к борьбе с врагом. За что был впервые представлен к званию «Герой Советского Союза».

Вторично – за бои на Сандомирском плацдарме, в третий раз – в мае 1945 года за умелое руководство бригадой в районе Цильцефирц-Шифельбан..., в четвертый раз – в связи с 20-летием Победы, в пятый раз – в День ее 25-летия...

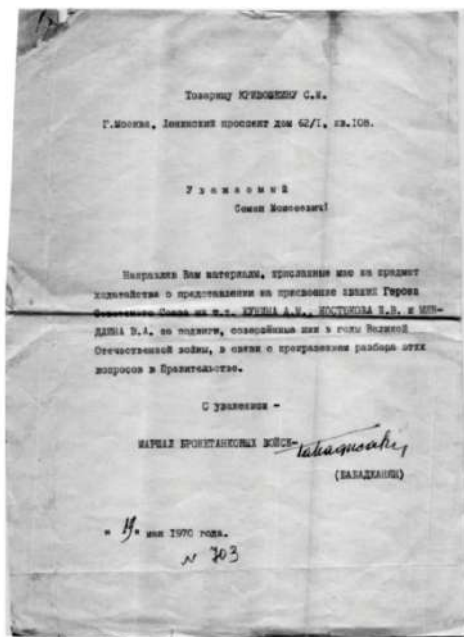
Маршал бронетанковых войск СССР Бабаджанян сообщает, что в "связи с прекращением разбора этих вопросов в Правительстве", он возвращает обратно материалы, которые ему прислали на предмет ходатайства о присвоении Вениамину Миндлину Звание Героя Советского Союза.

Заслуженному военачальнику прислали отписку, а он, боевой фронтовик, учитывая заслуги боевого комбрига, мог только написать: «С уважением».

Что он и сделал...

Это каким же цинизмом, фальшью, пещерным антисемитизмом была пропитана вся верхушка страны, чтобы отклонить все пять (!) представлений на одного и того же человека.

«Полковник Вениамин Миндлин воевал не за награды, за своих родных, за свою землю, – читаю я на его страничке, которую ему посвятили в Климовичской библиотечной сети.

В городском музее – фотографии и рассказ о Вениамине Ароновиче. В Климовичах и сейчас его помнят старожилы.

А мне кажется, что вот-вот выскочит из своего дома семнадцатилетний Веня, уезжая навсегда из Михалина.

К сожалению, его уже нет в живых, он умер в 2007 году. Но оставил о себе хорошую память. Не только на Родине, но и в тех местах, которые его бригада освобождала от фашистов. Мне нередко пишут читатели и сообщают новые подробности о боевом пути легендарного полковника.

Вспоминаю слова своего отца, старшего сержанта Давида Златкина:

– Евреи не могли сдаваться в плен, не могли переходить на сторону врага. Воевали все, но воины-евреи в случае плена были обречены...

– Сутками я вместе с другими выходил из окружения. После каждой деревни мы не досчитывались людей.

– За жидов, коммунистов умирать не будем, – слышал не раз от тех, кто оставался в примачах, снимал солдатскую форму. У евреев же не было выхода: или жизнь, или смерть. Идя на явную смерть, мы нередко оставались в живых.

Мой отец не командовал полком, как Вениамин Миндлин, не успел. В семнадцать лет стал солдатом. Потом, как курсант офицерского училища, был брошен с такими же юнцами, как он, на защиту Москвы. Вместо лейтенантских погон – сержантские нашивки. Ранение. Одно, второе, третье... Берлин уже брали другие!

Сотни тысяч таких, как мой отец, простых солдат, ковали победу. Но на вершине ее вместе с другими военачальниками были и еврейские полководцы. Среди них – Вениамин Миндлин – из местечка Михалин!

Как Вениамин Миндлин стал писателем

После окончания факультета журналистики Белорусского университета, я более 25 лет проработал в газетах Белоруссии и России. При встречах с интересными людьми нередко предлагал им написать что-то о себе. Но потом чаще всего приходилось переписывать эти материалы, и оставалась только фамилия автора.

Но с первых строк писем Вениамина Миндлина, который меня заинтересовал тем, что он полковник, командир батальона тяжелых танков «Иосиф Сталин», брал Берлин, я понял, что он обладает литературным талантом.

– Напишите свои впечатления о войне, боевых товарищах. Одно дело писать с ваших слов, а совсем иное, когда это пишет очевидец, который сам все видел. У вас обязательно все получится, – предлагаю Вениамину Ароновичу в своем ответном письме.

И вот получаю письмо из Москвы:

«Уважаемый Ефим Давыдович! Тронут Вашей оценкой, но сам отлично понимаю, что мне до нее далеко...Как говорил Шолом-Алейхем: «Вашими бы устами да мед пить! Эти же слова любили повторять

мои климовичские деды Янкиф-Веле (по отцу) и Залман-Иче (по матери). Чтобы лицом в грязь не ударить – буду стараться!

А Вы – главный «виновник», толкнувший меня на это дело. Теперь я сам увлекся. Занимаюсь в литературном объединении Центрального дома Советской Армии. Общение с товарищами помогает. Поставил себе цель: написать о войне, товарищах, о Человеке в бою. Хочу написать то, что Было, а не то, о чем много выдумали. Постараюсь – как истинный михалинец и климовчанин – все выполнить.

Мне кажется, что больше надо уделить внимание погибшим. Я Вам отправил историческое фото нашего 1-го выпуска средней школы в 1935-36 годах. К сожалению, в живых осталось только три человека. Всех съела война.

Это же тема, как и подвиг комсомольско-курсантского батальона, который почти целиком погиб (было 996 человек, прорвалось – 12). Но задачу выполнил!».

Через некоторое время – следующее письмо как начало будущих военных воспоминаний:

«Тяжел и труден был мой путь на фронтах Отечественной войны, который уготовила мне судьба. Где только не пришлось побывать и в самых, кажется, невероятных ситуациях, а вот живой! Хотя были моменты в моей жизни, когда остаться в живых было практически невозможно. Судьба!

Кроме того, я был внутренне твердо убежден: останусь в живых. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, но – факт! Только однажды в бою я был ранен тяжело, даже ползти нельзя, пистолет поднять не мог, а кругом – немцы. Вот – единственный момент беспомощности, когда понял: вот он конец! Даже в голове закружилось: так не хотелось умирать!

Спасла девушка, санинструктор. Мечтал воевать в родной Белоруссии, рвался сердцем в Михалин, где вырос. Но не пришлось. Воевал на Западном фронте, потом – Севастополь. Затем – десант в декабре 1941 года на Керченский полуостров. Крымский фронт и его трагическая и кровавая катастрофа в мае 1942 года.

Кубань и Новороссийск – это лето и осень 1942 года. Там полегли мои верные хлопцы, а я тяжело ранен. Там получил свой первый боевой орден – Ленина и вторую шпалу в петлицу. Начало 1943 года – наступление под тем же Новороссийском. «Малая земля», о которой теперь много пишут. А тогда – мы еще не знали, что Новороссийск станет Городом-Героем.

Вместе со мной с 1944 года воевал мой младший брат Сева. Он был командиром минометного взвода. Зимой 1945 года был тяжело ранен.

Снова ранение и госпиталь, после которого попадаю в Москву и получаю назначение в 1-ую Танковую армию на Курскую дугу, под Обаянью. Был я заместителем командира, затем командиром

механизированной Бригады, которая за те бои стала Гвардейской. С августа 1943 года – наступаем!

До конца 1943 года с боями освобождаем Харьковскую, Белгородскую, Полтавскую, Сумскую, Киевскую, Житомирскую, Винницкую области. Инициатива уже за нами, но немцы воевать умеют!

1944 год: Проскуровская, Тернопольская, Черновицкая, Ивано-Франковская и Станиславская области, вырвались за Днестр, в Прикарпатье.

В июле 1944 года – Львов, Перемышль, Сандомирский плацдарм. Это – 1-ый Украинский фронт. Я командовал Первой Гвардейской, дважды ордена Ленина, Краснознаменного, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого, Танковой бригадой!

Я считал себя «пожилым» и волею судьбы командовал тысячами людей, выполняя оперативные и важные боевые задачи, но, по существу был еще мальчонка... Хотя с 1943 года уже был гвардии подполковник (в 24 года). Было тяжело не только от боев, но и от того, что был намного – от десяти до двадцати лет моложе – любых коллег по должности и моих подчиненных. Поэтому, в боях часто лез в такие места, где командиру моего ранга быть не полагалось. Но старался воевать честно, не отрываться от людей и делил с ними все трудности фронтовой жизни. Иногда был излишне строг и свиреп. Для солидности отращивал усы, а они, как назло, были у меня редковатые. Но дело шло: я был жив, хотя еще не раз

царапан пулями и осколками, контужен, но из строя не выходил.

Нашим танкам Т-34 было туго: установленная на них 76-миллиметровая пушка оказалась значительно слабее немецких, как по дальности прямого выстрела, так и по пробивной способности. И нам приходилось вести бой на ближних дистанциях. И тем не менее, танк Т-34 был основой наших танковых войск в годы войны. Вот один из военных эпизодов...

Нам приказали прорваться в Прикарпатье, форсировать реку Днестр и выйти на государственную границу. В этой трудной и славной операции мне поручили командовать передовым отрядом. Все осложнялось не только обычными боевыми трудностями, связанными с ожесточенной обороной фашистских и венгерских войск группы армии «Южная Украина», но и весенней сплошной распутицей и бездорожьем. Могли двигаться только гусеничные машины. Вот в этих трудных условиях нам удалось пройти многочисленные оборонительные рубежи, контратаки противника и выйти к Днестру.

Форсировать его с боем было сложно! В районе города Залещики мы захватили и разбили более 6000 машин, разной боевой техники, пушек, минометов, немало танков. Жители города помнят это, не забывают нас и хорошо оберегают могилы наших павших товарищей. На одной из встреч в городе Залещики мне подарили макет моего боевого танка (он в 20 раз меньше танка модели Т-34).

Мой командирский танк был под номером – 120. Сотни боев – больших и малых, атаки, контратаки, тяжелые условия в глубине прорыва, форсирование рек, бои за плацдарм – на его счету! Много травм от снарядов противника было на броне командирского танка. Сколько раз латали мою «сто двадцатку» наши боевые ремонтники! А погибла она в ночь с 14 на 15 июля 1944 года.

Мы прорвали только передний край. Вся оборонительная полоса была, как пирог, нафарширована позициями аж до самого Западного Буга. И везде приходилось пробиваться с боями. С тяжелыми боями. Гибли сотни наших танкистов. Часов в 12 дня мой танк напоролся на танковую засаду: три «Пантеры» и вражеские пехотинцы, вычислив нас, окружили со всех сторон. Мы ответили огнем, но силы не были равными. Один снаряд противника попал в мотор, он загорелся. Второй снаряд пробил башню и разорвался в ней. Я потерял сознание, был ранен в лицо и контужен. Очнулся от боли: на мне горел комбинезон.

Весь экипаж, кроме меня, был убит. В дыму я увидел внизу еще живого механика-водителя. У него была разорвана вся спина и было видно, как пульсируют розовые пузыри обнаженных легких. Но, когда я схватил за его плечи и хотел вытащить, он переломился в спине и умер. Наводчик сидел на своем сиденье в полуметре впереди меня. Его голова была

оторвана, но руки крепко держали подъемно-поворотный механизм пушки.

На правом сиденье сидел убитый заряжающий. В башне было полно дыма, но вентилятор работал, и я видел, как свозь пробитые снарядом отверстия винтов, вытягивается дым от взрыва снарядов. Танк горел, вот-вот взорвутся боеприпасы и горючее. Открыв люк башни, я спрыгнул вниз и оказался в пшенице (она уже была высокой) среди немцев. Пришлось прыгнуть к ним в окоп и, пока я отстреливался от них и бегал там, в окопе, погасло пламя на комбинезоне (но ожоги и сейчас видны на боку). Тут же оказался и мой ординарец Ваня Зеленцов, он был вместе с автоматчиками: танко-десантниками. Мы вместе с ним, отстреливаясь, бросились назад, от танка, который уже сильно горел и мог взорваться в любую минуту. А это было страшнее, чем немцы. Только мы отбежали несколько метров и прыгнули в какую-то воронку, как взорвался наш танк.

В это время открыла огонь наша батарея, которая двигалась метров 500 за мной. Они видели всю эту картину, быстро развернулись и в упор подбили все 3 «Пантеры». Спасли они и меня, а вот ординарец погиб. Погиб и весь экипаж моего славного и боевого танка номер 120!

Придя в себя, по артиллерийской радиации продолжал управлять боем бригады, а через некоторое время ко мне подошел другой танк, на который я и пересел. Правда, два дня не мог сам ходить, так как

был ранен осколками в лицо и контужен. Был нарушен вестибулярный аппарат: я не мог сохранять равновесие. Водили под руки, потом отошло. Вот такая история моего танка с башенным номером 120.

Осенью 1943 года наша танковая промышленность изменила башню Т-34, на нее поставили более сильную 85-миллиметровую пушку. Более мощный танк Т-34 стал вступать в поединок на дальних дистанциях с «Тиграми». Вскоре наша промышленность выпустила новые танки прорыва «ИС» (Иосиф Сталин). Шеф этих танков был сам вождь... Одна из наших бригад получила тогда эти танки, а меня Москва утвердила ее командиром.

Затем бригаду переименовали во Вторую Отдельную Гвардейскую армейского подчинения, а нас в конце 1944 года перебросили на Первый Белорусский фронт. Далее: Варшава-Лодзь-Познань-река Одер. Это мы захватывали знаменитый Одерский плацдарм у Зееловских высот. Это было в январе 1945 года!

В марте 1945 года нас перебрасывают уже на Второй Белорусский фронт, Ударом на севере мы разрезаем Померанскую группировку немцев, штурмуем Балтийские порты (Кольберг, Гдыню, Данциг). Там передаем старые танки братьям-полякам и возвращаемся на Первый Белорусский фронт, получаем маршевые роты новых танков «ИС» из Челябинска. На этих боевых машинах, которых было немного, мы воевали до конца войны... И – даешь Берлин!

Прорывался до столицы Германии со своей Первой Танковой Армией. По приказу Жукова, при подходе непосредственно к Берлину, мой полк был передан в состав 8-ой Гвардейской армии генерала Чуйкова и в ее составе дошел до Победы.

И Кребс, и Вейдлинг проходили через мои руки. Последний бой полка – за РСХА (имперское управление безопасности) на Принц Альбрехт штрассе. Полк стал Берлинским, за Берлин получил «Боевое Красное Знамя», а я был приглашен на «Особое мероприятие», т. е. подписание Капитуляции Германии. Вот это был момент!!!».

Через некоторое время я получил по почте два номера журнала «Знамя» с документально-литературной повестью Миндлина «Последний бой – он трудный самый».

И автограф – «Самому главному моему виновнику» в написании повести, Ефиму Златкину.

«С благодарностью. Вениамин Миндлин».

Конечно, вместе с ним, его публикациям в таком солидном издании радовался и я. А сейчас для вас – один из очерков Героя Берлина!

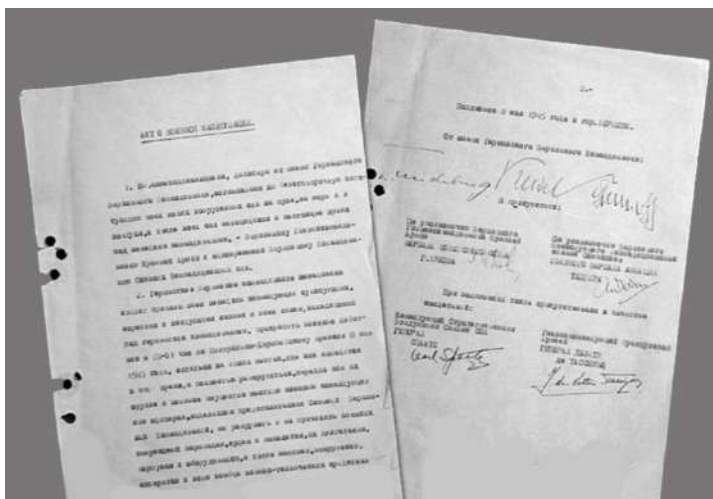

***Знамя Победы взметнулось над Рейхстагом перед
самой полночью 30 апреля 1945 года.***

Фото из Википедии (интернет).

Капитуляция

Был теплый и солнечный день 8-го мая 1945 года. Один из таких дней, которые наступили в Берлине сразу же после дождливого 2 мая – дня капитуляции фашистского логова. Буйно распустились многочисленные берлинские липы, и желто-зеленые листы закрыли оставшиеся после боев разрушения. О недавних боях напоминают скелеты многоэтажных домов, да крепко въевшийся в руины запах пороховых газов.

В числе командиров, чьи полки отличились при штурме Берлина и были награждены орденами боевого Красного Знамени, я стоял на бетонной дорожке Темпельгофского аэродрома. В моем пропуске, выданном штабом 1-го Белорусского фронта, было указано: «... прибыть для участия в специальном мероприятии. Форма одежды – с боевыми наградами...». Но уже ни для кого не было секретом, что означало т. н. "специальное мероприятие": все догадывались, что война приходит к концу!

Темпельгофский аэродром находился в пределах Берлина, на его юго-восточной окраине. Это был главный аэродром фашистского рейха. Здесь тоже видны следы недавних боев: свежесыпанные воронки, разрушенные ангары, сгоревшие самолеты.

На летном поле выстроен почетный караул. Солдаты все гвардейского роста, в касках и белых перчатках. Командует почетным караулом немолодой, среднего роста полковник, с мощным, раскатистым голосом. Тут же комендант Берлина генерал-полковник Николай Берзарин и первый заместитель маршала Жукова – Василий Соколовский. Предстоит встреча союзнических делегаций, прибывающих для принятия безоговорочной капитуляции Германии. Все, кто получил приглашение на «спец. мероприятие», были удостоены высокой чести присутствовать при завершении этого исторического акта. Об этом нам уже на аэродроме сообщил заместитель командующего

Первым Белорусским фронтом. Ранее мы могли об этом только догадываться. Тут же нам был объявлен и точный распорядок дня, где каждому из нас было точно определено и место, и задачи.

Теплынь, яркое солнце, радостные лица людей, мелодичный звон многочисленных орденов и медалей создают обстановку необыкновенного душевного подъема. Наступает момент, о котором миллионы людей мечтали четыре тяжелых года войны. А за плечами бои, бои, бои....

Один за другим приземляются самолеты с союзниками. Звучат команды, звякает оружие, гремят встречные марши. Цокают о бетон подкованные каблуки солдатских сапог.

И только один самолет не встречает никто. Он одиноко приземлился на соседней полосе, и по его трапу выходят люди в ненавистой форме. Это прибыла для капитуляции Рейха делегация фашистской Германии. Молча сходят они на бетон взлетной полосы и выстраиваются у самолета в колонну по три. Застыв по команде смирно, немцы наблюдают за торжественным и радостным церемониалом встречи победителей. Даже и охраны у них нет. Только у самолетов стоят и посмеиваются английские летчики.

Вместе с одним полковником мы подходим к этой бледной и молчаливой группке. Они стоят в колонне по три. Впереди, в сером кожаном пальто – генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, он – глава делегации немцев. Из-под козырька фуражки зло

смотрят светлые глаза. Верхняя губа с седыми, коротко подстриженными усиками, дрожит. В правой руке – жезл маршала, которым он приветствует нас, резко выбрасывая наклоненную руку с жезлом вверх. Я никогда не видел такого жезла и спрашиваю Кейтеля, что это такое? Он ответил: «Это маршальский жезл! Разве вы не знаете, господин офицер?»

Стою совсем рядом, вижу его лицо до всех подробностей, вижу, как мелко дрожат его щеки, и с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать ему что-нибудь резкое. Ведь по вине этого человека полегли миллионы людей!

Левее Кейтеля – худой, сморщенный и жалкий человечек, лет за шестьдесят, в синей адмиральской шинели. Это – представитель командования ВМС генерал-адмирал флота фон Фридебург. На шинели – пояс с пристегнутым позолоченным кортиком. Он испуганно смотрит на нас, веки его дергаются, глаза слезятся. Спрашиваю его (я немного «шпрехаю» по-немецки): почему у него оружие, и показываю на кортик. «Но нам разрешили...», – робко отвечает он. Приказываю снять кортик. Фридебург отстегивает кортик и трясущимися руками протягивает его мне (этот кортик и сейчас у меня). Мелькает шальная мысль, а не отобрать ли у Кейтеля его жезл? Но сделать этого не рискнул. И правильно сделал: потом искали, кто отобрал кортик у адмирала. Но, не нашли. Да и искали не очень тщательно!

За моряком стоял представитель командования ВВС генерал-полковник авиации Штумпф. Этот еще пытается бодриться. Штумпф – плотный, среднего роста, коренастый, в голубой шинели с цветными генеральскими отворотами.

– Прекрасная погода, не правда ли? – улыбается он нам.

– Отличная! – говорим мы и смеемся: вполне летная погода, генерал.

– О, да, господа русские офицеры! О, да! – Он переводит свой взгляд на небо, щеки его багровеют.

Постепенно наша группа обрастает другими командирами, все с любопытством смотрят на немцев и их свиту – за каждым из генералов в затылок выстроились их порученцы, тоже генералы и полковники. Встреча союзников заканчивается. Завершается торжественный марш почетного караула, проходит оркестр. Звучит команда: «По машинам!», и мы вместе с союзниками веселой толпой идем к выходу с аэродрома.

К немцам подходит наш капитан-переводчик, что-то им говорит и, заложив руки за спину, не спеша и не оглядываясь двигается к выходу. За ним строем идут немцы. Только адмирал все время спотыкается, сбивается с ноги, и Кейтель, не поворачивая головы, ему что-то говорит сердито. Фридебург нервно крутит своей головкой и неловко прыгает, стараясь попасть в ногу. Их порученцы, высоко подымая ноги, вышагивают за своими шефами, прижимая к бокам коричневые

папки с бумагами. Немцев сажают в машины, и Кейтель сразу же уткнул нос в чтение бумаг. По сторонам они стараются не смотреть. А на них смотрят все.

Наконец, длинная вереница легковых машин трогается с места. Едем в Карлхорст, это восточный пригород Берлина. Там размещен штаб Первого Белорусского фронта, где и будет подписан акт о капитуляции Германии. Колонна медленно проезжает по уже расчищенным улицам Берлина. По бокам улиц – руины сгоревших домов, остовы танков, бронетранспортёров. Толпы немцев – в основном женщины, дети, калеки провожают нас безмолвно...

Проезжаем как раз по тем улицам, по которым мой полк штурмом прорывался к центру Берлина еще менее двух недель тому назад. Интересно сейчас посмотреть на свою «работу»! Во многих местах узнаю знакомые по боям «объекты». Вот остатки баррикады, где погиб командир моего танка лейтенант Комолых. Вот дом, где ценой своих жизней наши танкисты и автоматчики вытащили из подвала горящего дома немецких детей. Сквер, где одним снарядом рядом со мной было убито 18 командиров. Арка под домом – место гибели полковника Темника. Перекресток, где я сгоряча проскочил к немцам и, отбиваясь гранатами, еле прорвался к своим. Газетная тумба, возле которой фауст-патроном ранило моего водителя старшего сержанта Мишу Лебеда. Пролом в стене, где напоролась мы на снайпера. В общем – много мест, где «чуть-чуть...» Сколько таких «чуть-чуть...» у меня было

за войну. Но, как известно, «чуть-чуть» – не считается, и вот я ЖИВ! Восемь дырок и рубцов оставила на мне война, а до конца войны дошел!

У Шеневейде по понтонному мосту переправляемся через реку Шпрее, в Кепеник и вот он уже – Карлхорст. Карлхорст тоже наш, его брал мой полк 23-24 апреля. Теперь весь пригород в облаке нежных, зеленых листьев. За сетчатыми заборами видны красивые особняки и виллы. Место дачное. Возле ворот бывшего Военно-инженерного училища оставляем машины, только немцев на машинах везут за ворота. Немного приводим в себя в порядок и идем в актовЫй зал. Там маршал Жуков и генерал Телегин вручают нам за Берлин боевые награды. Церемониал вручения и поздравления. Приятно пожать руку прославленным полководцам Великой Отечественной! Да еще где!

Затем следует объявление: обед, отдых и к 22.00 сбор в корпусе, где будет подписание капитуляции. Училище – приземистые серые, красиво отделанные старинные здания, темно-серого цвета с красными черепичными остроконечными кровлями. Стены увиты зеленым плющом. Красиво и приятно.

В столовой – празднично накрытые столы. Сверкает хрусталь. Много закусок и, конечно, – разных напитков. Обслуживают нарядные военторговские девчата-официантки. Времени у нас много, и мы, не спеша, усаживаемся за столы.

Всюду раздаются оживленные, веселые голоса, шутки, тосты. Кто-то затягивает «Землянку», и все дружно ее подхватывают. Англичане запевают «Кабачок», и тоже весь зал с присвистом подхватывает по-русски. Одна за другой звучат песни военных лет: «Синий платочек», «Священная война», «В прифронтовом лесу». Звучит лезгинка, русская, цыганочка, есть любители и потанцевать, хотя общество – сугубо мужское, а официанткам не до нас. Поют и танцуют все: мы, французы, американцы и даже чопорные англичане не могут удержаться.

Наступил вечер. Задолго до начала сбора мы собрались у здания училища. Как-то и не верилось, что войне приходит конец. Мы уже настолько выросли в войну, что с трудом представляли себя вне ее.

А в голове, словно на невидимой киноленте, проносятся кадры: Ярцево-Севастополь-Керчь-Тамань-Новороссийск-Курская дуга-Харьков-Полтава-Житомир-Тернополь-Станислав-Черновцы-Волынь-Перемышль-Сандомир-Варшава-Лодзь-Познань-Кюстрин-Гдыня-Данциг-Зеелов-Берлин!

На этом длинном и кровавом пути сколько раз мы мечтали об этом моменте, когда окончится война! И вот он наступил. Наконец нас приглашают в зал. У входа снова строгая проверка документов. Светлое просторное помещение, не очень высокое. От многорожковых, низко подвешенных люстр исходит яркий свет. Расставлены кинокамеры и «юпитеры». Столы расставлены буквой «Ш»: три длинных вдоль

зала и поперек – стол президиума. Невдалеке от него, чуть впереди и левее – небольшой и простой стол для немцев. Он стоит отдельно от всех столов и ничем не прикрыт. Только стоят чернильные приборы и лежат ручки.

Мы усаживаемся за столы, каждый на свое пронумерованное место, указанное в пропуске. Много фото и кино-корреспондентов, все они в военной форме. В зале стоит торжественная тишина. Даже фотокорреспонденты сидят тихо и у всех на груди подвешено по несколько фотоаппаратов.

Мощное «Ура» – это входят маршал Г.К. Жуков и с ним – главы делегаций союзников: Теддер. Спаатс, де-Тасиньи, представители Министерства иностранных дел тоже в серой форме, с серебряными погонами. Жуков улыбается, машет рукой: «Садитесь!». Но никто не садится. Еще долго стоим, аплодируем. Наконец все сели, стало тихо, и в тишине стали слышны удары метронома, передаваемые по включенным динамикам. Медленно, мерно и жутковато отсчитывает метроном последние минуты Второй мировой войны...

Удары метронома сменяются мелодичными перезвонами Спасской башни. 24.00. Громко «отбomкали» колокола. Встал Жуков. Он, молча и с расстановкой оглядел всех присутствующих и сказал: «Пусть немецкая делегация войдет!» Мне кажется, что в этот момент даже дышать все перестали. Только жужжали кинокамеры, да слышно бульканье воды,

которую наливает из графина генерал Делатр де-Тасиньи.

Молча раскрываются двери, и входят немцы. Снова Кейтель выбрасывает вперед руку с жезлом. Все молчат. Немцы останавливаются. Жуков просит их предъявить полномочия на подписание акта капитуляции. Некоторое время идет проверка этих документов, предъявленных Кейтелем. Затем немцев усаживают за отведенный для них столик.

Кейтель, бледный, как мел, читает текст акта о безоговорочной капитуляции. Его маршалский жезл и фуражка лежат рядом на столе. В правой глазнице блестит монокль. Адмирал Фридебург и генерал авиации Штумпф сидят рядом с ним и тоже читают свои экземпляры текста. А за их стульями вытянулись по стойке смирно их адъютанты. Они во все глаза смотрят на маршала Жукова. Жуков и союзники смотрят на Кейтеля. Лица их суровы, только француз слегка улыбается.

Совсем съежился Фридебург. Словно аршин проглотил Кейтель. Развалился на стуле Штумпф. Застыли адъютанты. Я смотрю на них и думаю: неужели по приказу этих ничтожеств погибли миллионы людей? Взоры всех были вовлечены в одну точку: к столику, где сидели поверженные в прах фашисты. Они не смотрели ни на кого. Молча прочитали свои экземпляры актов, молча достали свои авторучки, и молча, передавая друг другу, подписали все экземпляры акта о безоговорочной капитуляции фашистского Рейха, и

молча продолжали сидеть, устремив свои глаза на маршала Жукова.

Теперь акты переданы Жукову. Он не спеша одевает очки, не спеша прочитывает и подписывает все экземпляры акта. За ним подписывают главы союзных делегаций. Жуков встает и громким, резким голосом говорит: «Немецкая делегация может идти!». Немцы поднимаются, Кейтель снова проделывает свои манипуляции жезлом.

***Кейтель на церемонии подписания акта о
капитуляции проделывает
манипуляции с жезлом.***

На его лице появляется какая-то растерянная полуулыбка. Все они делают в сторону Жукова полупоклон, повертываются и, громко стуча сапогами, уходят из зала.

***Момент подписания акта о капитуляции
Германии 8 мая 1945 года.***

Жуков встает, обменивается рукопожатиями с главами союзных делегаций и, обращаясь ко всему залу, поздравляет с ПОБЕДОЙ! Весь его вид излучает радость и счастье победителя. На лице сияет широкая улыбка. Что тут сделалось с залом! От мощного ура зазвенели окна, закачались люстры над головой. Все обнимаются и целуются. У многих на глазах слезы. Все вскочили со своих мест. Фотокорреспонденты вскочили

на столы, стараясь сделать побольше снимков. В одно мгновение со столов расхватали все сувениры. Не помогала никакая субординация: даже со стола президиума все расхватали, вплоть до увесистых чернильных приборов.

Никакие призывы к порядку не оказывали никакого действия на людей. Зал ликовал и бушевал. Мы всегда привыкли видеть Жукова с суровым выражением лица, а тут и он не выдержал. На его лице сияет широкая и ласковая улыбка, глаза подозрительно блестят. Все окружили стол президиума, жмут руку Жукову и союзным генералам. От радости хочется обнять весь мир!

Вся жизнь проносится перед глазами. Детство и юность, родители, товарищи, родные и близкие, Климовичи, еврейский колхоз в Михалине. Я знал, что мои родные расстреляны за городом, знал о зверствах фашистов. И сейчас, словно от лица всех еврейских мучеников я торжествовал Победу над врагами. Хотелось кричать: «Ну, что выкусили, гады! Кишка тонка!»

Казалось, что все, что сейчас происходит – это не что иное, как красивый сон, который не раз за войну снился в редкие минуты отдыха. Но это была сама правда: суровая и радостная реальная действительность

В свой полк я уже попал под утро. Танки стояли на перегороженной шлагбаумами улице кайзера Вильгельма в фешенебельном аристократическом

районе Берлина – Целендорфе. Никто не спал. Все знали, где я нахожусь, и ждали моего возвращения. Никто еще не знал ничего определенного о конце войны. В воздухе носились разные слухи, иногда просто фантастические. Но все догадывались о Победе!

Не успел я проехать шлагбаум и въехать на свою Кайзер-Вильгельмштрассе, как все солдаты и командиры бросились к моей машине.

– Победа! – крикнул я, – Победа! Конец войны! – больше ничего произнести я был не в состоянии. Радость душила меня и спазмы перехватили горло. К голове, к глазам прихлынула горячая волна. Невозможно было сдержать слезы.

Что было дальше помню, как в сладком тумане. Помню, что вдруг моя машина «Виллис» вместе со мной, шофером и адъютантом, как самолет, оторвалась от земли, и нас понесли. Потом у танков нас бережно опустили на землю, меня вытащили из машины и под крики «ура» подбрасывали в воздух. Кругом гремело солдатское «Ура!», «Победа!»

Не помню сколько времени меня так качали. Но когда меня опустили наконец на мостовую, то земля еще минуты 2-3 качалась подо мной. Кто-то запел «Священную войну». Все подхватили. И в предутреннем рассвете мощно загремела эта песня начала Великой Отечественной. **Это была ПОБЕДА!**

Так мне судьба определила встретить конец войны.

Помнит Бася... Льва

*Легендарного разведчика, Героя Советского Союза **Льва Маневича** (фото заимствовано из Википедии)*

Если ехать от города Климовичи по автомобильной трассе в сторону Могилева, то, не доезжая до него, мы увидим на дорожном указателе: «Река Бася». Казалось бы, обыкновенная река. Неширокая, неглубокая, пологие берега, серебристая вода, как у

тысяч других, ничем не примечательных рек. И, тем не менее, она несет в себе нечто необычное. Согласитесь, немногие реки в бывшем Советском Союзе названы еврейскими именами. Бася – исключение. Хотя, чему удивляться?

В июне 1941 года из пяти тысяч населения в Чаусах евреев было 2000 человек. А в прежние годы

Река Бася в Чаусском районе (с официального сайта чаусской районной администрации, интернет)

и того больше. Возможно, поэтому и назвали эту реку самым распространенным тогда еврейским именем в местечке... А может, в давние времена здесь жила замечательная женщина, которая сделала что-то особенное и земляки увековечили память о ней. Или был совсем иной повод? Только, в любом случае, появилось это имя такое редкое для местных рек. Кто узнает теперь, как было? Время все надежно засекретило.

Кроме одного: бесспорен тот факт, что в Чаусах раньше жило много евреев и что здесь 20 августа 1989 года родился будущий легендарный разведчик Лев Маневич. Именно здесь, на берегах Баси, прошли его детские годы. Если бы река могла говорить, она бы обязательно рассказала о смуглом пареньке, лучшем пловце и заводиле всех детских игр. Но далеко уплыли те воды, что дарили Леве свою нежность.

В семидесятые годы я одно время работал в редакции местной газеты города Чаусы. Напротив нее, через небольшую площадь, располагалась маленькая улочка из нескольких домиков. На одном из них была мемориальная доска с надписью: «Улица названа именем Героя Советского Союза, полковника Маневича Льва Ефимовича, коммуниста, отважного разведчика, уроженца города

Маленькая улица в маленьком городе. И такой известный человек? Даже что-то не сходится. Еврей-ремесленники здесь жили в нужде, озабоченные многодетными семьями. Дальше синагоги их мир не простирался. И вдруг, разведчик такого уровня? Мне посчастливилось встретиться с некоторыми старожилами городка, которые еще помнили Льва или слышали о нем из первых уст.

– Дом семьи Маневич был одним из лучших в городке, стоял на высоком фундаменте, находился не на какой-то окраине, а в самом центре. Жили намного лучше соседей, – рассказывали мне.

Даже в мое время только единицы домов в Чаусах были построены на высоких фундаментах, большинство деревянных неказистых домиков сбегали по не асфальтированным улочкам вниз, к реке Бася.

На улице имени Льва Маневича в Чаусах. Дом, на котором установлена мемориальная доска легендарному герою-разведчику

По всему было видно, что никакого взлета Лев здесь не мог получить... В лучшем случае, его ожидала такая же жизнь, как и у его отца: безбедная и более удачливая на фоне других горожан. И не больше...

Но в начале двадцатого века забурлила Россия. В центре революционных событий было много еврейской молодежи, мечтавшей об избавлении от царизма и национального гнета. За участие в вооруженном восстании в Бобруйской крепости осудили на каторжные работы старшего брата Льва – Якова.

Его, профессионального революционера, освобождает такая же революционерка – родная сестра. Она помогает брату бежать из каторжного центра в Швейцарию. Как в кино, но как все было в жизни, нам уже не узнать.

А вскоре друзья отправляют к ним в Швейцарию и маленького Льва. Дальше уже все складывается, словно, по заранее написанному сценарию. В 13 лет Лев поступает в политехнический колледж в Цюрихе, в совершенстве овладевает немецким, французским и итальянским языками. Прекрасно знает русский и, естественно, идиш.

Когда в России свершилась Февральская революция, он с братом Яковом срочно приезжает в Петербург. Призывается в русскую армию, потом переходит в Красную... Комиссар бронепоезда, командир отряда особого назначения. В 23 года заканчивает учебу в Высшей школе штабной службы комсостава, а в 26 лет – выпускник Военной Академии.

Дальше вы сможете все прочесть о нем на страничках интернета: сегодня это стало возможным.

Я же хочу с вами вместе поразмышлять о судьбе и жизни нашего земляка Льва Маневича. С Чаусами и Белоруссией его связывает только факт рождения и проживания до девяти лет. Не получил бы он такого прекрасного образования и не встретился с мыслящими людьми из окружения своего брата, швейцарского доктора, остался бы на уровне местечкового еврея. И мы не имели бы еще одного известного Героя-еврея, и у него все сложилось по-другому. Но жизнь не принимает сослагательного наклонения: если бы...

В конце 19-го века передовые евреи мечтали о разном. Одни – о победе социализма в России, вторые о построении своей страны в Палестине. Конечно, очень жаль, что все их революционные идеалы оказались иллюзией и обманом. Об этом, к счастью, не стало известно блистательному советскому разведчику

Льву Маневичу, который до конца верил в торжество коммунистических идеалов. Но тогда было главное – победить врага. Находясь в Италии, как австрийский предприниматель Конрад Кертнер, Маневич постоянно передавал ценные разведывательные данные в Москву и каждый день ходил, как по хрупкому и тонкому льду. И в конце концов, «лед» обломился. В октябре 1932 года Льва арестовали в Италии.

Следствие заняло (!) четыре года: Особый трибунал приговорил его к 16 годам заключения. И пошли тюремные этапы, концлагеря: Маутхаузен,

Мельк, Эбензее... Не день, не месяц – годы прошли за тюремными стенами. Лев дожил до Победы, но не увидел ее.

И...успел прокричать на трех языках, что штольни заминированы. Этим спас тысячи заключенных, которых нацисты намеревались уничтожить. Тогда он не сообщил своего настоящего имени, назвав себя Этьеном, о котором хорошо знали в Разведывательном Центре. Похоронили его под именем полковника Якова Старостина. Позже здесь появится надпись: «Здесь покоится Герой Советского Союза Лев Маневич».

Он и сегодня лежит не под своим именем, данным родителями на восьмой день жизни, в день брит-милы. Отец и мать назвали его Израиль. В Советском Союзе всегда был неприятный душок со всем, что связано со словом «Израиль». И вдруг это имя у разведчика? Лев – еще куда ни шло: имя интернациональное, считали наверху. Проведя в застенках 13 лет (!), Маневич не раскрыл ни своего имени, ни страны, где родился. Берег до последнего. Да только страна не уберегла ни его родных, ни друзей: одних расстреляли во рву, который выкопали на бывшем стрельбище, других возле берез, недалеко от пастбища.

Об этом Этьену-Старостину-Маневичу не суждено узнать. Как и о том, что через двадцать лет, в 1965 году он пополнит ряды евреев – Героев Советского Союза.

Я раскрываю книгу Евгения Воробьева «Земля до востребования», которая повествует о героической жизни мужественного и несгибаемого разведчика, замечательного человека. О подвиге Маневича автор рассказал, как позволили ему обстоятельства, но ни

словом не упомянул, что Герой – еврей, ни в книге, ни в кино. Тем не менее, Евгений Захарович Воробьев совершил великий гражданский и писательский подвиг, сумев пробить стену советской цензуры, дойти до самых высших инстанций. Для того, чтобы имя Льва Маневича не было предано забвению.

В бывшем Советском Союзе, да и сейчас происходили и происходят странные вещи. До 80-х годов ни разу не упоминалось, что Лев Маневич, еврей по национальности. Создавался миф, что он белорус. Про Евгения Захаровича Воробьева на всех сайтах и сейчас везде пишут: «Русский советский писатель», точно также, как и о Михаиле Ефимовиче Кольцове –

«русский советский публицист», и о многих других писателях, военачальниках. Помню, как в начале 70-х годов известие о Льве произвело в бывшем Союзе впечатление разорвавшейся бомбы. Вызвало шок! Еврей – разведчик, Герой! Да еще такого уровня, как всем известный, широко рекламируемый в стране Рихард Зорге!

Но вот мнение

– Маневича я могу поставить выше Зорге. Думаю, Зорге было легче. Он немец: свой среди своих. Маневичу же пришлось стать своим среди чужих. В этом большая разница! Маневич – еврей. Даже странно, что, разработав целую «теорию» о чистоте германской расы и неполноценности других народов,

фашисты так и не узнали, кто на самом деле Лев Маневич, – так писал его товарищ по работе в каменоломне, который и передал последнюю весточку об Этьене.

Это письмо я видел в одной из школ города Чаусы Могилевской области, где создали музей имени Льва Маневича. Здесь же были письма его дочери Татьяны, фотографии, документы. Перед отъездом в Израиль я специально сюда приехал. Признаюсь, родных у меня там не было. Но хотел еще раз постоять у скромной мемориальной доски, посвященной Льву Маневичу, побродить по городу, который только тем и знаменит, что появился здесь на свет будущий разведчик. В честь него названы улицы в ряде городов Белоруссии, установлены мемориальные доски.

В нашем Ашдоде недавно появилась площадь имени классика белорусской литературы Янки Купалы, чья жизнь трагически оборвалась. Это событие для всей белорусской общины, к которой и я принадлежу. Только восхваляя других, даже из дружественной нам страны, почему мы забываем о своих? Возможно, вы мне ответите, что давно уже нет Советского Союза. Какого же Союза теперь Герой Маневич? Но мы-то должны знать! И помнить!

Лев Маневич – один, и второго такого разведчика-еврея не было. И совсем не важно, что он не дожил до образования нашего государства, не важно, что он служил совсем иной разведке. Он служил миру и воевал против нацизма – заклятого врага еврейского народа, приближая Победу над ним.

Вы знаете, о чем я мечтаю? О том времени, когда имя Льва Маневича станет широко известно израильтянам. О том времени, когда его именем будет названа одна из улиц или площадей нашей страны.

Рожденный на той же белорусской земле, что и Маневич, я совсем не хочу, чтобы мы, евреи, чтили его еще меньше, чем жители города Чаусы. В этом году я снова навестил Белоруссию, снова заехал в Чаусы по дороге в Могилев. Тихая незаметная улочка имени Льва Маневича в несколько домишек, да река по имени Бася, по-прежнему напоминают о великом сыне еврейского народа, пламенном борце с фашизмом на его Родине.

А на исторической Родине к нему, как и к Вениамину Миндлину, полное забвение.

Два еврейских полковника, два Героя, и одинаковое равнодушие к ним в Израиле. Как бы не хотелось, чтобы после ухода из жизни нашего первого послевоенного поколения, память о моих двух земляках из Белоруссии, исчезла полностью...

«Отца на генерала не меняю»

«Давно не было в местечке такого веселья. Под хупой вставали по очереди две сестры. Обе из семейства Шифриных, одна из которых стала Златкиной, а вторая – Синичкиной» (из книги «От Михалина до Иерусалима»).

**Полковник Давид
Синичкин**

Первая встреча

Снежная шапка укрыла оба берега Днепра. Могилевский драматический театр, сколько уже десятилетий – местная достопримечательность. Если спустаться мимо него, потом мимо бывшего Дома политпросвещения, потом повернуть налево, то в конце лабиринтов и мостиков – улица Льва Толстого. Здесь на самой высокой горе построил дом Александр Синичкин,

двоюродный брат моего отца Давида.

На своих руках, образно говоря, на «горбу», таскал вверх мешки с цементом, блоки, плиты. По узенькой тропинке на машине никак нельзя было не проехать, не подняться. И вырос красивый дом, где всегда было шумно от гостей. Приезжали сестры Галя и Мария из Орши, нередко останавливались здесь и мы, когда учились в могилевских вузах.

У дяди Саши было открытое лицо, его большой лоб пересекал шрам. В холодные дни натягивал поглубже теплую шапку: всегда начинала болеть и ныть местами голова.

Не подозревал командир корабля, что у матроса Александра Синичкина – сына местечкового кузнеца, такой стальной кулак. Иначе бы попридержал язык за зубами и не обозвал моряка обидными словами сквозь зубы: «Эй, жид! Что zenки раскрыл? Ты на корабле – не в синагоге!» Через минуту он уже был за бортом, а мой дядя арестован. Его решили наказать жестоко: посадили к уголовникам, а вознаграждение за услугу – пара пачек папирос. Уголовники тоже не догадывались, что моряк – сын кузнеца. Разлетались, как щепки по камере. Но голову разбили тяжело: с того времени она и болела временами. Только мой дядя Саша и дом построил, и сына с дочерью родил, и долгими вечерами рассказывал о Диме. Рассказывали мне, не скрывая своей гордости о нем, и его две сестры Галя и Мария, которые в Могилев приезжали из Орши. Рассказывала их мама Стэра, родная сестра моей бабушки Сары.

Чаще всего она молчала: годы, недуги, пережитое давали о себе знать. Но когда заходил разговор о Диме, тоже вступала в разговор.

Еще не видя Диму, я уже представлял себе, какой он смелый и красивый...

– На нашей свадьбе – одной из первых еврейских свадеб в белорусском Мстиславле, в окна нашего дома стали кидать камни. Самый первый бросился к выходу Дима. В форме старшего лейтенанта, на широком ремне – кобура с пистолетом:

– Ну, кто тут хочет нашей крови? Мало попили ее во время войны?

Отец мне рассказывал про этот эпизод, а я видел такими одинаковыми двух братьев – Александра и Дмитрия Синичкиных в похожей ситуации. Только у одного не было даже минуты, чтобы обдумать ситуацию. Другого остановили родные, да и ненавистники сразу же разбежались. Может, поэтому у них и такие разные судьбы.

Мой дядя Саша после отсидки, конечно, уже не мог претендовать на что-то особое в своей жизни. Работал сменным электриком, на место работы добирался на своем мотороллере. Но меня всегда удивлял тем, что его интересует в жизни все, и все он хотел знать и уметь. И меня учил, и баловал сюрпризами. Однажды подарил фотоаппарат. Да не простой, а немецкую зеркальную камеру, к которой я не знал, как притронуться. Во второй раз вручил мандолину. А в третий раз, загадочно улыбаясь, как

всегда, когда он преподносил какой-то сюрприз, попросил немного подождать. И вот в дом стремительно влетает высокий военный в полковничьей папаше. Тонкое властное лицо, красивая улыбка. На погонах – три большие звезды. И сразу же в доме от них стало светлее. Это был... Дима!

– Мамочка, – поцеловал поседевшую Стэру. Обнял брата Сашу, его жену Раю, сына Леню, дочь Жанну.

– А это кто? – вопросительно посмотрел на меня.

– Подумай, – улыбнулся Саша.

– Нечего думать! Среди своих чужих не бывает!

И через пару секунд выпалил: «Кто-то...из сыновей Давида».

Все были удивлены, как он мог узнать меня, если раньше никогда не видел?

– Я – военный человек! Все легко и просто. Ваших детей я знаю. Кто остался? Только Давид!

И, прижав меня к своей шинели, спросил: «Какой сын по счету? Как зовут»? Так мы встретились и познакомились в первый раз.

Я был еще очень молод. Меня ждала армия. Командир ракетной батареи майор Оганесов для меня был Бог, царь. А командиры части, вначале полковник Никифоров, а потом – Зайцев, такими величинами, что больше нельзя было и представить. И когда мне, солдату, первогодку ракетных войск было тяжело на учениях, я себя успокаивал: «Солдату Синичкину было тоже нелегко, пока он стал полковником». Полковником

я не стал, но первая звездочка на погонах младшего лейтенанта у меня появилась в конце службы.

Вторая встреча

Последний раз, около 30 лет тому назад, я сидел на кухоньке своего двоюродного дяди Давида Синичкина в Могилеве. Выпили, закусили, поговорили о жизни. А двоюродному брату моего отца было что рассказать. Жизнь прожил! Достоинно прожил! Прошел войну, в армии был полковником, дети, внуки. Еще раз выпили, закусили. Поговорили о внуке, который занимается спортом, активен в жизни.

– Ты вот, журналист. Да? Скажи, как бы ты поступил, если бы тебе предложили, скажем, генеральскую должность? По существу, ты ее уже и занимаешь. Но звание – полковник. И начальство думает, или повышать тебе звание, или снимать с должности. Как бы ты поступил?

– Генералами не рождаются, до них нужно еще дорасти.– Вот и я так думал. Но я дорос! И все же была заковырка: черным по белому во всех моих документах записано, что я Давид Лейбович.

– С такими паспортными данными мы не можем отправлять документы на присвоение тебе генеральского звания. Нужно поменять имя и отчество на более благозвучное, – заявил мне тогда мой начальник.

– Разрешите ответить, – спросил я, вытянувшись по стойке смирно, и рявкнул: «Отца на генерала не меняю». Не меняю. И все.

Мой дядя еще раз выпил, крикнул и долго еще сидел молча.

Восьмидесятые годы. Слева – мама автора книги Ирина Хенькина-Златкина, в центре автор книги Ефим Златкин и Давид Синичкин.

Вскоре мы уехали в Израиль. Мой отец поддерживал с ним связь до самой своей смерти.

Читаю письма Давида Синичкина: «Светлое будущее нам уже не обещают. Определяющим

фактором в моей жизни являются дети и внуки. Было бы им хорошо, а мы доживем. Иногда задумываюсь о том, чтобы уехать в Землю Обетованную. Дочь не едет, сын окопался в Риге. Сейчас вся моя жизнь во внуке Иване».

Прошло еще некоторое время. И от внука Ивана получаю сообщение: «Ушел из жизни наш дедушка Дима, (так называли его в семье), нет больше полковника Синичкина.

И мне в Израиле стало холодно. Ударила дрожь: я никак не мог согреться, хотя температура воздуха была почти 40 градусов. Я понимал, что не просто умер мой двоюродный дядя, умер последний солдат из нашей семьи, из нашего рода.

Третья встреча

Прошли еще годы

Я снова сижу на кухоньке, только уже невестки дяди Димы в квартире Валентины, милой русской женщины. В глазах ее – всемирная доброта, а своими натруженными руками она готовит стол и все рассказывает, рассказывает про свекра. Нет, скорее про отца. Сколько любви, сколько благодарности у нее осталось к нему. Чувствую, что эту благодарность она как-то хочет передать и мне. Хотя дальнему, но

кровному родственнику своего свекра, к которому относилась, как дочь.

Мы долго говорим. Я уже не могу с ней быть на «Вы». Я вижу в ней свое, родное, наше семейное. Ей совсем неважно, что я еврей, а мне, что она – русская. Мы одна семья, она – невестка моего дяди, полковника Синичкина.

– Я помню голос твоего папы, когда он нам звонил из Израиля. Я по просьбе бабушки всегда покупала батон. Субботний батон! Говорил, что он напоминает ему субботнюю халу, которую выпекала его мама Стэра. И все последние годы бабушка хотел увидеть настоящую еврейскую халу. Мечтал об этом...

Я везу с собой две халы на субботний вечер в Климовичи. Но зачем мне две? Зачем?

– А сейчас фокус! Ты закрываешь глаза и открываешь по моей команде: «Раз-два-три».

Валентина открывает глаза, а на белой скатерти лежит красавица хала. Субботняя хала, которую она тоже никогда не видела.

– Что это?

– Это – хала, какую мечтал увидеть твой тесть.

– Я не буду ее кушать. Я буду на нее смотреть и молиться, – шепчет губами моя русская родственница.

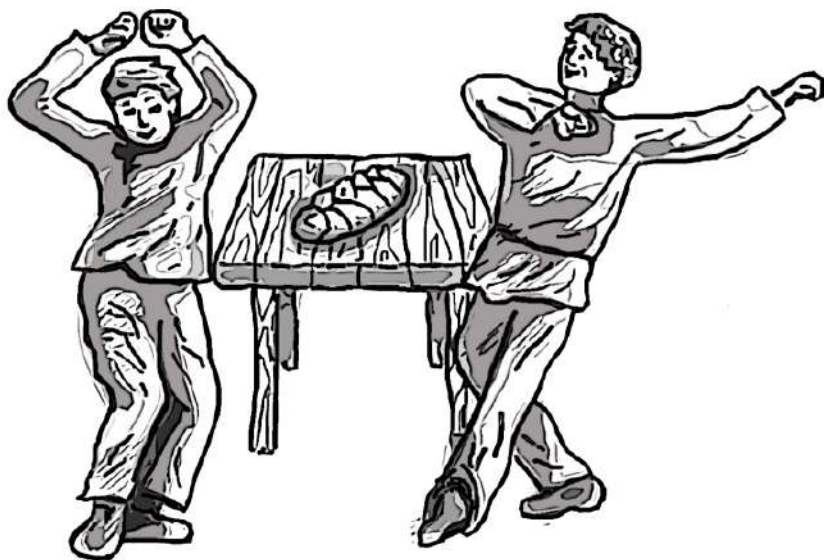
На часах уже за полночь. Мне осталось спать всего лишь несколько часов. В пять утра к дому подъедет таксист. Я засыпаю мгновенно, а во сне вижу отца Давида и его брата Диму-Давида. А на столе – танцует моя хала, танцует хала. Отец и Дима, обняв

друг друга за плечи, танцуют вокруг стола. Танцуют еврейский танец.

– Так вы живые, живые?

– Как хорошо, – хочу я взять их за руки, встать с ними в круг и не могу. Не могу.

– Ефим, Ефим, что случилось, что случилось? Ты так кричал, – стоит на пороге комнаты Валентина.

– Ты не знаешь, что случилось? Хала дошла по назначению, – шучу я.

Встреча в облаках

15-летний Леонид Исакович Окунь из Минского гетто – стал кавалером двух орденов Славы. (Фото заимствовано из книги "Память и время", Минск-2014. Справа – Леонид Окунь, слева – Ефим Гольдин).

Солнце рассыпало свои лучи, синева средиземноморского неба сливалась с морем где-то за горизонтом, создавая фантастическое зрелище. Наш самолет, взлетая все выше и выше, взял курс на Минск.

Снова я возвращаюсь на свою бывшую Родину. Ностальгией по березкам не страдаю. Таких же белоствольных красавиц встречал в европейских лесах.

Мировые столицы с их музеями, достопримечательностями и богатой историей по-прежнему меня привлекают. Но посетив их, почувствовал потребность прикоснуться к тем местам,

где родился и служил, работал и жил. Вот таким местом для меня является Белоруссия!

В радостном предчувствии предстоящих встреч я всматриваюсь в иллюминатор самолета. Пушисто-белые облака напоминают сказочные дворцы! Между ними, то опускаясь, то поднимаясь, летит наш самолет.

Во время предыдущей поездки посетил редакцию газеты и факультет журналистики Белорусского университета, где учился, где встретил немало интересных людей.

– Что же будет сейчас?

Я даже не подозревал, что самая памятная и захватывающая встреча произойдет именно сейчас, когда наш самолет таранит облака.

Милая пара пенсионеров – по соседству со мной. По тому, как женщина тепло смотрит на мужа, а он помогает ей получше сесть, как они разговаривают друг с другом, понятно, что эта любящая пара! Но одно дело, когда супругам по 20-30 лет. Это объяснимо: молодость! Но когда за плечами по 80 лет? И десятки лет совместной супружеской жизни? Сохранить такой юношеский пыл и такую привязанность – невиданная редкость!

– Осторожно, Леня. Я помогу тебе, – наклонившись, женщина стала снимать с мужа пиджак.

– Раненая рука, – словно оправдываясь, сообщает мой сосед.

– Где? – вырывается у меня, ибо по возрасту и по

своему внешнему виду он не похож на ветерана войны, каких уже осталось немного.

– На войне, – коротко сообщает мне Леонид, так он назвал себя.

Через несколько минут нас уже сближало многое. Леонид, как и я, родом из Белоруссии, коренной минчанин, а этот город – любовь моей юности. А сейчас мы оба – израильтяне. Из прошлой жизни и сегодняшней протянулась та невидимая нить, которая делала наше общение интересным.

– Сейчас я работаю над материалом о легендарном полковнике Вениамине Миндлине. Пять раз его представляли к званию Героя Советского Союза, и ни разу он его не получил, – рассказываю я своим новым знакомым, – это редкий случай!

Выслушав, Леонид улыбнулся:

– Я тоже в каком-то роде «редкий» случай. Самый молодой обладатель двух орденов Славы в бывшем Советском Союзе. Получил их в 15 лет. На третий орден просто не хватило времени – война закончилась.

Я не поверил! Орден Славы – это же высшая награда! И чтобы три ордена Славы получил ребенок, да еще еврейский?! Нет, что-то не сходится. Или наш самолет летит в обратном направлении, или все это сон, фантастика? Леонид показывает мне фотографию, чтобы рассеять мои сомнения. На ней – президент Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко, а рядом с

ним мой спутник. В красивом костюме, на лацкане которого блещут два ордена Славы.

– Фотографию сделали в белорусском посольстве в Израиле, куда меня пригласили, – и добавил, – а вот это именной подарок – золотые часы. На них выгравированная подпись: «От президента Беларуси Александра Григорьевича Лукашенко – Леониду Исааковичу Окуню».

Я встречался со многими фронтовиками. Даже день на войне – это подвиг! Но это были мужики! Или уже взрослые ребята. Но чтобы ребенок прошел с ними через пекло войны и выжил? И еще так отличился? Самолет продолжал лететь вперед, а мы будто передвинули время назад.

Толпы беженцев заполнили все дороги, ведущие на восток. Кто не успел до 24 июня вырваться из сжимающего огненного кольца, в нем уже и остался. Еще через четыре дня немецкие танки проехали по площадям и улицам белорусской столицы, а советских военнопленных прогнали по ним колоннами. Все было, как в мираже. На видных местах запестрели неграмотные объявления, но их смысл сводился к следующему: «Всем евреям пройти регистрацию. Кто не придет – расстрел!»

Откуда-то из своих щелей вылезли незаметные раньше серые людишки с юркими глазками. Наперегонки с такими же подонками эти нелюди побежали показывать немцам квартиры, в которых жили евреи. И вот уже они выселены или зверски убиты, а их

квартиры заняты теми же юркими людишками. Быстро раскручивается колесо жестокости: всех евреев обязывают в пятидневный срок переселиться в гетто.

Колючей проволокой обнесено еврейское кладбище, район Немиги, улицы Зеленая, Сухая, Юбилейная, Коллекторная и другие. По всему периметру стоят вышки, с двух сторон – ворота. На охране – рьяные полицейские из местных.

Наступление немцев было таким стремительным, что линии обороны Красной Армии разваливались, как карточные домики. И тысячи, вернее, десятки тысяч белорусских евреев оказались... в капкане. В августе 1941 года в гетто уже насчитывалось более 80 тысяч минских евреев.

Приезжая в Минск, я не раз приходил в район бывшего гетто. И хотя сегодня здесь уже многое изменилось, мне всегда становилось жутко. Ведь именно эти улочки – свидетельницы мерзких преступлений одних и мужества других. Все еще было впереди: но первыми дикий погром устроили полицейские, убивая всех на своем пути, насилуя молодых женщин и девушек.

Но гетто не было безропотной массой: оно стало бороться с первых дней.

Сентябрь 1941 года. Руководители подпольных групп гетто объединились в одну организацию. Установили связь с городским подпольем. Его руководитель – секретарь одного из городских райкомов

партии еврей Исай Казинец (в мае 1942 года он и другие участники городского подполья были казнены).

Мемориальный комплекс «Яма» в Минске посвящен всем евреям, погибшим в Минском гетто.

Растет число подпольных групп. Даже осенью 1943 года, когда гетто уже существовало последние дни, они еще действовали. Правда, в ограниченном количестве. Минское гетто боролось против врага с первого и до последнего дня. Здесь не было вооруженного восстания, как в Варшаве, но подполье насчитывало несколько сот человек. Живя в атмосфере постоянных погромов, смертей, разбоев, здесь

выпускали листовки, передавали партизанам оружие, теплые вещи, медикаменты. Но важнейшая задача: спасение людей! Тайными тропами выводили группу за группой в лес. Проводники – дети от 10 до 13 лет. И каждый день они рисковали своими жизнями. Где эти маленькие еврейские герои? В основном все канули в неизвестность. Но один сидит сейчас рядом со мной. Понимаю неповторимость этого момента – у меня даже пересохло в горле.

Леонид Окунь устал, вспоминая прошлое.

– Леня, хватит, остановись. Тебе нелегко! – Батя, так зовут жену Леонида, трогает его рубашку.

– Мне всю жизнь нелегко. Но сейчас расскажу немного, продолжу во время будущей встречи в Израиле. Возможно, земляк-журналист и в моей жизни увидит редкий случай.

Наша встреча в Израиле так и не состоялась, о чем я очень сожалею и корю себя, что не сфотографировал Леонида вместе с женой в самолете. Но до конца полета мне хотелось услышать от Леонида Окуня как можно больше.

С июля 1941 года началось уничтожение евреев. Убили 1100 человек. В день 7-го ноября 1941 года произошел первый массовый погром. Расстреляно 12.000 человек. Второй масштабный погром – 20 ноября этого же года. Третий – 2 марта 1942 года.

В конце июля – еще одно побоище, последнее в конце 1943 года. После этого ворота открыли. Повесили плакат: «Юденфрай» – территория без евреев.

Общеизвестные факты, которые сегодня представлены в интернетовских данных. Но одно дело прочесть о них, другое – услышать от очевидца тех трагических событий.

– Люди каждый день прощались друг с другом, не знали доживут ли до утра. Жизнь еврея в гетто была дешевле капли воды и кусочка черствого сухаря, – продолжает Леонид.

Не могу себе представить, как люди жили и выживали в гетто? Понимаю, что были подвалы и всяческие места, где узники прятались. Но сколько просидишь без воды и куска хлеба? Вижу ужасные картинки. Одна за другой.

... Проволока. Колючая проволока. Обдирая руки и голову, под нее проскальзывает мальчишка. В любую минуту может прогреметь выстрел. Мальчишка – а это Леонид – торопится, пока темно, пробраться в жилой район, найти покупателей на сапоги, чтобы выручить за них какие-то продукты. И вот он уже со счастливой улыбкой проскальзывает обратно. Доволен – теперь мама из муки испечет хлеб. Но когда дед открывает наволочку с мукой, лица родных становятся блее содержимого в этой наволочке. Вместо муки в ней оказалась побелка. Все плакали и рыдали.

Слушая Леонида, я говорю: «Это какими же подонками нужно было быть, чтобы так поступить».

– Подонки были. Поэтому многие еще думали убежать или оставаться. В гетто постоянные расстрелы или акции, но ведь всех же сразу не убивали. Одних

убивают, вторые живут. А что за стенами гетто? За поимку еврея обещали корову или пуд муки. И некоторые из местных выдавали евреев.

В большинстве партизанских отрядов встречали неприветливо. Некоторые из них были просто бандитскими формированиями. Да и было спущено свыше, что все евреи – немецкие шпионы. Когда образовались еврейский партизанский отряд Семена Зорина, в котором я воевал, и отряд польских евреев Бельского, а некоторые партизанские командиры начали принимать евреев и защищать их, стало несколько легче. Но до этого нужно было еще дожить.

В гетто рано старели и рано взрослели. Леониду не было двенадцати лет, когда он попал за колючую проволоку. Ребяческие игры в прятки закончились, начались игры в прятки со смертью. Один раз прятались во время погромов в старых подвалах, во второй раз – на кладбище, в третий раз – в помойных ямах. Наготове всегда были новые «схроны». После каждой акции территория гетто сужалась, будто шагреновая кожа.

...Обнаружив новый «лаз» в проволочном ограждении, Леонид ночью вышел из гетто. В условленном месте его ждала женщина, которая за обещанную награду должна была отвести мальчика к партизанам. Но не отвела – бросила одного в лесу на съедение волкам, или замерзнуть. К счастью, его обнаружили сами партизаны. Но в отряде не оставили: отправили обратно в гетто... партизанским связным. Он

быстро изучил дорожки, несколько раз уже выводил в лес маленькие группы и одиночек. А на этот раз он задержался, чтобы незаметно подойти к виселице, где покачивались тела всех восьми членов его семьи...

Когда стало известно, что Леня ушел в отряд, всех родных повесили для устрашения других.

– Я лично вывел в отряд более 50 человек, но были и другие связные. Мы друг друга не знали.

Каждый шел по своей цепочке. Партизанская жизнь была непроста. Мы были в окружении не только немецких гарнизонов, но и своих недоброжелательных «коллег». Предупреждая соседние партизанские отряды о начале блокады или предстоящих карательных операциях, центр почему-то «забывал» известить нас, оставлял наедине с врагом. Примеров очень много, времени не хватит рассказывать.

Показывая красноармейским десантникам дорогу в соседний партизанский отряд, Леонид упрашивает взять его с собой за линию фронта. Скоро доказал, что ориентируется на месте лучше бывалых воинов, стреляет так, что можно поучиться, и его зачислили в разведчики.

Первый орден Славы Третьей степени Леонид получил за взятие «языка», орден Славы Второй степени – за мужество в бою при атаке на немецкую высоту.

– Малец, в госпитале не залеживайся. Может, успеешь получить орден Славы Первой степени, – шутили выздоравливающие в его палате. Но после

тяжелого ранения врачи не спешили выписывать малолетнего бойца. Не успел, но не сожалел: остался в живых. Это – главная награда!

В разрушенный Минск было тяжело возвращаться. Из семьи – никого. С чего начинать? Решил со школы, за плечами всего пять классов. Потом ходил по морям юнгой. Никто даже не знал о его участии в войне. Открылись старые раны – списали на берег.

Закончив московский энергетический институт, долгие годы был главным энергетиком завода, позже работал в театре.

– Свои награды не выпячивал. Зачем? Честные люди меня и так знали. Во время войны находились те, кто содействовал побегам из гетто, помогал нашему партизанскому отряду. Но сколько людей было с черной душой?! А после войны? Постоянные намеки на «ташкентский фронт». Мол, евреи отсиживались в тылу. Один из военкомов меня обвинил даже в том, что у меня – не мои награды. Такие вот военкомы не принимали евреев в отряды, подставляли нас под пули.

Все было за мою жизнь, и все ушло. Осталась жена, – он тепло посмотрел на нее, – сын Анатолий и его семья. И еще тот остаток жизни, который нам дарует Всевышний. Вот поэтому мы, пока можем, навещаем наш любимый Минск.

– А не больно его посещать?

– Еще как! Так больно, что сердце зашкаливает. Иду по бывшим улицам гетто и вижу все с самого

начала. Иду по другим улицам и – вижу нашу молодость, вспоминаю встречи с Батьей. Приходим с ней на наши любимые места. И ходим, как десятки лет назад, по аллеям парка. Я даже целую ее возле той скамьи, где всегда ждал ее...

Прихожу в театр, где работал, встречаюсь со старыми друзьями. Нет ничего дороже встреч с юностью. Они продлевают жизнь. Да, Батья? – и она нежно припала к его плечу.

...Наш самолет уже вырывается на стоянку в минском аэропорту. При расставании на белорусской земле мы обнимаемся и договариваемся обязательно встретиться в Израиле. Обменялись телефонами, по возвращении домой я несколько раз звонил, разговаривал с Батьей и Леонидом, записывал новые и новые подробности. Но всегда почему-то всегда наша встреча срывалась. Так и не встретились. А сейчас – поздно: Леонид Исаакович умер в 2015 году.

Узнав об этом, долго я не мог привыкнуть к тому, что его нет. В моей памяти он – красивый мужчина с детской непосредственностью в глазах. Несмотря на свой возраст и пережитое, Леонид продолжал оставаться ребенком из гетто – с живой реакцией на события.

– Может, и в моей жизни увидите «редкий случай?» – словно вижу его загадочную улыбку. А Батья только покачивает головой: «Мол, какой ты у меня...».

...Я приезжаю в Минск. Ноги идут сами в сторону Юбилейной площади, в самый центр бывшего

еврейского гетто. Именно здесь повесили родных Леонида Окуня, именно здесь происходили все зверства. Чем ближе подхожу, тем тяжелее становятся ноги. Будто на них стальные ботинки...

Вот и здание бывшего юденрата (еврейского совета). Идти дальше не могу. Опускаюсь на скамейку. Становится тяжело дышать, не хватает воздуха. Мимо проносится стайка белоголовых ребятишек. Улыбнулись и убежали дальше. А я увидел тени. Много теней. Черных теней. Изможденные, иссохшие – старые и молодые, совсем еще дети, они медленно, с опаской передвигались по площади. Тысячами шли рядом. Не замечая меня, обдавая легким ветерком.

Я не слышал топот их ног – слышал только тихое шуршание. Открыл глаза: на землю падали желтые листья, которые шуршали под ногами веселой детворы.

В минском гетто было уничтожено не менее
150 000 евреев.

После освобождения Минска в районе кладбища обнаружили 13 изможденных евреев. Последних свидетелей минского гетто – одного из крупнейших в Европе.

Фронтальная история

Через 74 года нашло родных письмо фронтовика, бывшего жителя города Климовичи Якова Темкина.

«Меня зовут Елена, я волонтер Общероссийской организации "Поиск". Наша деятельность связана с увековечением памяти погибших защитников Отечества.

У меня к Вам один вопрос: мы ищем человека, зовут его Златкин Давид Залманович, он составил и отправил в музей Яд Вашем Лист свидетельских показаний на своего знакомого, погибшего в ВОВ – Темкина Якова Хаимовича.

Ефим, скажите, пожалуйста, вы имеете отношение к составителю этого листа – Златкину Д.З.?»

Вот такое письмо я получил на свой адрес в «Одноклассниках». И копия бланка.

С первого взгляда я узнал такой знакомый почерк своего отца. Он писал быстро, бегом-бегом.

– Батя, пиши четче, иначе не поймут, – говорили мы.

– Хорошо, что у вас время есть, – отвечал он и, поправив очки, снова писал, звонил, отправлял пакеты за пакетами в Иерусалим.

А до этого, живя в Беларуси, обходил дома климовичских евреев, собирая данные о погибших. В доме Брони Козловой он заполнил данные о ее погибшем брате Якове Темкине.

Родители офицера Якова Темкина – отец Хаим и мать Хая, в центре старший внук Яков Козлов, названный в честь погибшего дяди. Сегодня живет в Израиле, имеет сам внуков.

По приезду в Израиль все передал в музей Яд Вашем, переписав на специальные бланки свидетельские показания, не вернувшихся с войны своих земляков. Сотни писем со свидетельскими показаниями моего отца, Давида Златкина, находятся теперь в музее Яд-Вашем. А один из заполненных им

бланков, помог найти родных еврейского солдата, который отправил свое письмо 05.10.1941 года.

«Бои 2, 3 и 4 октября шли с ожесточением, только ночью мы могли урвать несколько времени, чтобы покормить людей. Враг, видя яростное сопротивление с нашей стороны, перебросил всю силу огня на соседнюю дивизию, где и прорвал фронт. Погиб генерал-майор Бобров. Объединились остатки всех трех полков ополченской дивизии. Часть погибла, часть рассеялась, и в наличии осталось не больше 800 человек», – из материалов о боевых действиях 9-ой дивизии народного ополчения.

«Русские успели подорвать мост через противотанковый ров, что западнее Ельни. На некоторых участках русские бегут толпами. Наши пулеметы опять пожинают щедрые плоды. Сегодня 5 октября было захвачено около 1500 пленных», – из донесений 292 пехотной дивизии Вермахта.

Знакомлюсь с архивными документами сайта 9 дивизии народного ополчения, в которой с самого начала воевал Яков Темкин. Скорее всего, в числе 1500 военнопленных, про которых сообщается пехотной дивизией вышестоящему начальству, был и Яков. Утром, в перерыве между боями, он и написал эту открытку – последнее послание любимой жене.

Вот несколько строк.

«Милая, дорогая Этточка! Очень рад, что могу тебе писать письма и главное получать твои. Милая! Пока я еще здоров, что тебя больше всего интересует и

сражаюсь с фашистами. Новостей у меня нет, все бойцы в порядке, за исключением одного, которого убили фашисты разрывной пулей. Ну и сволочи, эти проститутки гитлеровские. Стреляют исключительно разрывными и нарезными пулями, которые дают мучительные раны. Еще в истории таких зверских войн не было....

Буду жив и здоров, буду писать, убьют – товарищи напишут. Верный тебе друг в жизни твой вечный Яша».

В то время, когда вокруг был кромешный ад, когда земля горела, старший лейтенант Яков Темкин, найдя минутку, отправляет почтовую открытку по конкретному адресу: Кузьминское шоссе, дом 24-а, кв.3, Москва.

В письме не чувствуется паники, растерянности, а наоборот, твердость духа. Слабо обученные, вчерашние гражданские люди были брошены навстречу врагу.

9-я дивизия Народного ополчения, сформированная на территории Кировского района Москвы в июле 1941 года, в октябре 1941 года закончила свой путь. Она героически участвовала во многих боях – и сегодня следопыты сообщают все новости на созданный сайт 9-й дивизии Народного ополчения. Можно только удивляться, как они еще так долго держались, когда кадровая армия не выдерживала натиск фашистов.

Хваленая сталинская пропаганда, мол, как тогда пели «От тайги до Британских морей Красная армия всех сильнее», оказалась блефом. Под громады танков бросили почти безоружных ополченцев с одной винтовкой на трех-четыре бойцов, с бутылками «Молотова». Люди совершали чудеса, героизм высшей степени.

– Это было невысказано! Невысказано. Студенты, заводские рабочие, вузовские преподаватели, весь цвет Москвы ринулся в окопы. Кого не брали по здоровью, по возрасту, умоляли взять на фронт. Трусами остановили врага, а не мудрым решением Верховного Главнокомандующего, – рассказывал мне о боях на подступах к Москве мой отец, старший сержант Давид Златкин, где был тяжело ранен в первый раз.

Может, тогда, чудом оставшись в живых, он решил до конца своей жизни искать погибших, записывать их имена, чтобы о них осталась хоть какая память... Возможно, они и воевали где-то рядом – два климовчанина – Давид Златкин и Яков Темкин. Один, весь израненный, вернулся домой, судьба второго была не известна 74 года.

«В апреле 2015 года Оля Ромашева, автор сайта о 9-ой дивизии, получила письмо из Германии. Незнакомый человек сообщил, что обнаружил несколько писем воинов 9 ДНО (дивизии Народного ополчения), попавших в руки солдат пехотной дивизии вермахта. Через некоторое время этот человек из Германии передал с помощью Оле эти письма.

Очевидно, почта 2 (1302) стрелкового полка в начале октября попала к немцам и заинтересовала какого-то филокартиста. В его коллекции письма пролежали все эти годы и сохранились в отличном состоянии. Затем, как я понимаю, они были проданы на каком-то аукционе.

«Среди сохранившихся писем с фронта было и письмо погибшего Темкина Якова Хаимовича», – вот такое второе сообщение я получил из Москвы.

Обратившись в Иерусалимский музей Яд- Вашем, московские поисковики вскоре получили заветный бланк с именем Якова Темкина, который заполнил мой отец. К сожалению, его уже нет в живых 9 лет.

– Если Яков Темкин родился в Климовичах в 1916 году, откуда уехал в Москву, значит, кто-то из его родственников может быть сегодня в Израиле, – рассуждал я. Составил список всех земляков, решив звонить каждому из них по очереди. Но через пару дней мне позвонил Геннадий Резников, друг детства моих младших братьев.

– Я слышал передачу по радио РЭКА, где сообщили, что нашлось фронтовое письмо Якова Темкина, родного брата моей бабушки Зелды. В Израиле живут родные племянники Якова – Яков и Александр Козловы, – сообщает он мне.

... Яков в последний раз прошелся по родному городу. Казалось, нет лучшего места на земле. Парк, словно громадный зеленый купол, раскинулся в центре Климович. Красочные павильончики, по дорожкам прогуливаются горожане. На каждом шагу – знакомые.

– Янкеле, уезжаешь в Москву? – спрашивают одни.

– Янкеле, мазаль тов, – желают другие.

По переписи 1939 года в Климовичах насчитывалось 1693 еврея из 9551 всех живущих. В начале 20-го века здесь было 3 церкви. А сколько вы думаете было синагог? Тоже три!

Евреи торговали лесом, самые богатые из них жили в красных каменных домах. Один из них сохранился и до нашего времени.

Яков любил свой город, он был более богатым, чем соседние невзрачные городишки. Со своим кинотеатром! С дворцом князя Мещерского! С памятником архитектуры середины 19 века Свято-Михайловской церковью! Но... пришло время расстаться, Климовичи был уже тесен для быстрых, талантливых еврейских юношей.

Москва, как всегда, принимала самых лучших. Яков это знал и был готов пройти нелегкий путь рабфака. Путь студента.

– Не волнуйтесь! Я выдержу, я все смогу, – обнимал он свою мать.

А отец тепло поглядывал из-под густых бровей. Разводил руками.

– Сам видишь, вас у меня 13. Тяжело всех детей прокормить, тяжело поднимать. Но если что, возвращайся. Станешь, как и я сапожником. У нашей бедноты нет денег на новую обувь. С куском хлеба всегда будешь.

Уехал сын в столицу. А через некоторое время началась война. Яков сразу же ушел в ополчение. Его родителям удалось вовремя выехать из Климовичей. На этом связь с ним оборвалась.

В 57 лет Хая-Феня Темкина родила 13 ребенка, девочку назвали Броня-Блюма. Она – последний ребенок в семье, родная сестра Якова Темкина, стала матерью Якова Козлова, сегодняшнего жителя израильского Ашкелона.

– Меня назвали в честь погибшего или пропавшего без вести дяди Яши, – говорит он. – Мы жили в одном доме с дедом Хаимом-Ича и бабушкой Хаей-Феней. Я от них редко что слышал о Якове. Не говорили, как будто и не было. Может, боялись – вдруг попал в плен. Понимали, что евреи не сдаются и в плену не выживают. Уверен, что не раз вспоминали сына, но про себя, не вслух. Только когда я к ним заходил, особой любовью светились их глаза.

– Наш Яшенька, наш Яшенька, – так называли меня и обнимали.

Намного позже я узнал, что был назван в честь их сына – Якова Темкина. Никакой пенсии за погибшего сына его родители и не получали – не было доказательств его гибели. Жили скромно, тихо, переговариваясь между собой на идиш.

В 99 лет умер старый еврейский сапожник, отец 13 детей. Его жена, бывшая батрачка местного помещика Каминского, умерла раньше. Ушли из жизни,

так ничего и не узнав о судьбе сына. Непросто складывалась и судьбы других детей.

Самая старшая из сестер – Маша расстреляна в Климовичах и сброшена в колодец вместе с семьей. Сын Зелик до войны уехал в Москву, Малка – в Ленинград. Дочь Зелда умерла в Климовичах. Ее внуки – Геннадий Резников сегодня в Израиле, Александр – в Америке. Дети Тамары и Рахель тоже в Израиле.

– У меня много двоюродных братьев и сестер, все они – родные племянники Якова Темкина, – говорит Яков Козлов.

Он уже не молод, ему за 60 лет. Внуки от двух дочерей. Стал дедушкой и его младший брат Александр. У Якова Темкина не осталось детей. Судьба жены после войны тоже не известна. Поэтому письмо, отправленное ей, она не получит...

Зато письмо получили прямые родственники еврейского солдата: родные племянники, внуки, правнуки его братьев и сестер. Значит, тоже и его внуки. В начале осени 2015 года собрались все родные. Есть повод! Бат-мицва старшей внучки Якова.

После ее поздравления, Яков попросил минуту внимания. Его голос дрогнул.

– Прошу всех встать и помянуть минутой молчания старшего лейтенанта Якова Темкина, нашего дядю, дедушку, прадедушку.

Он повернулся ко мне, мол, расскажи обо всем.

И я начал рассказывать, о том, как 30 лет тому назад в дом Брони Козловой зашел мой отец Давид, как

заходил ко всем евреям. На листочек бумаги записал имя не вернувшегося с войны Якова Темкина. Как мой отец привез этот листочек в Иерусалим и передал его в музей. Что было дальше, вы уже знаете...

Давайте поднимем бокалы в память о двух еврейских воинах, сражавшихся с врагом под Москвой.

Над Израилем в эти минуты грохотала буря, сверкали молнии, их огненные стрелы взлетали над Средиземным морем. А мне казалось, что это салют! Салют герою Якову Темкину, вернувшемуся из забвения...

Вскоре я получил письмо: «Большое спасибо, Ефим Давидович, за такой интересный рассказ о погибшем бойце Темкине Якове Хаимовиче. Низкий поклон вашему отцу – Давиду Залмановичу за то, что он увековечил имя погибшего воина. Благодаря этому Листу свидетельских показаний из музея Яд-Вашем, нам, поисковикам, с вашей помощью удалось разыскать потомков погибшего героя и принести в их дом весточку с той страшной далекой войны!

Вечная память Темкину Якову Хаимовичу и вашему отцу, спасибо им за ПОБЕДУ!

*Жилинская Елена Иосифовна
Россия, Москва, 19/11/2015 22:21:05.*

Такой галантный и молодежавый Юрий Левитан!

Вы знаете, какое в Белоруссии самое чудесное время? Нет, не знаете?

Тогда я вам расскажу.

Когда весна еще не закончилась, а лето еще не пришло – наступает полное великолепие природы.

Сады, сбросили белый цвет, потеряли свою красоту, зато напоили воздух живительным ароматом. Зеленая листва развесила свежее покрывало на столетние липы и дубы, мелкий кустарник.

*На фото Юрий
Левитан на встрече с
жителями Климовичей*

Какая погода, такое и настроение! В будничную текущую жизнь ворвались майские праздники.

И самый главный из них – 25-летие Победы над фашистской Германией. Фронтовики, в ту пору 50-летние крепыши, звеня боевыми наградами, переполнили улицы города Климовичи. Всеобщее ликование природы и народа!

– К нам приезжает Юрий Левитан! – с последней новостью влетел в редакцию, наш редактор Иван Иванович Журко.

На всех эта информация произвела эффект разорвавшейся бомбы. Возникли вопросы, какой это Левитан? Тот, который во время войны был диктором Всесоюзного радио и был объявлен личным врагом Гитлера? Или сын Левитана?

– Пойди, пощелкай фотоаппаратом, – посоветовал редактор, всем видом показывая, что это хотя и задание, но не такое ответственное, как освещение съезда передовиков или партийно-комсомольской конференции.

Только-только начинающий молодой сотрудник газеты, я еще не проник глубоко в «кухню», так называемой ленинской журналистики. Ее завуалированность шла от верха до самого низа.

– Левитан приезжает? – вопрошал отец, который всегда интересовался моей работой. – Ты должен с ним встретиться. Обязательно должен!

– Мне разрешают сделать только несколько фотоснимков на месте встречи.

– Сынок, ты же не просто журналист, а еврейский журналист. Для будущего ты должен найти возможность поговорить с ним. Возможно, сейчас к этому нет интереса, интерес появится через десятилетия, когда придет время, – поучал меня отец, мой самый главный редактор и учитель.

Сейчас, сидя за своим письменным столом под лимонным деревом, я будто совершаю экскурсию во времени на 40 лет... назад. Из 2010 года в 1970-й. Из знойного сентябрьского Ашдода, что раскинулся на берегу Средиземного моря в Израиле, в весенний май, в белорусскую глубинку.

Всех деталей уже не припомнить. Помню только хорошо, что зал был переполнен. Все хотели увидеть живого настоящего Левитана. Многие даже не верили, что сейчас, через минуту-две, на сцену районного дома культуры выйдет Юрий Левитан, который приехал прямо из Москвы и которого знает весь мир! Все, конечно, были в напряжении, но особенно ликовали немногие местные евреи. Свет славы Левитана, его всемирная известность каким-то образом на мгновение коснулся и их. Своим величием Юрий Левитан будто поднимал и возвышал всех еврейских тружеников, которые в годы войны воевали, теряли родных и близких, а сейчас нелегким трудом зарабатывали на жизнь. Они даже временно почувствовали себя какими-то другими...

На сцене пламенеет плакат к 25-летию Победы. Торжественно звучит Гимн Советского Союза. На сцену

выходит – Юрий Левитан! Зал встречает его дружными аплодисментами. Они предназначаются ему – глашатаю Победы!

– Я его слушал в окопах, когда он передавал сводки Совинформбюро. Даже не могу поверить, что услышу его сейчас, – делится впечатлениями один из фронтовиков, сидящих со мной рядом.

– Говорит Москва! Говорит Москва! – как во время войны взлетает голос Левитана.

Все ловят каждое его слово, как ловили когда-то в окопах, в партизанских отрядах, в заводских цехах и на полевых станах. Как ловили его голос во всей великой стране и по всему миру.

Зал затих, а Юрий Левитан, тот самый Левитан – диктор военных лет – скромный, спокойный человек рассказывает о работе на Всесоюзном радио, о том, как попал туда, как нелегко ему было избавиться от своего владимирского «оканья».

Юрий с детства мечтал быть артистом, но в кинотехникум его не приняли. Если бы не случайное объявление о наборе в группу радиодикторов, он бы вернулся в родной Владимир. Юрия Левитана зачислили в группу стажеров радиокомитета. Вначале он разносил по кабинетам различные бумаги и готовил коллегам чай и бутерброды. В конце концов, ему доверили прочесть по радио статью из «Правды». И в эту ночь, когда стажер Левитан впервые получил доступ к микрофону, у приемника оказался... Сталин. На следующий день молодой диктор уже читал текст

доклада всеильного вождя на XVII-м съезде партии. На следующий день 19-летний паренек стал главным диктором Советского Союза.

Именно Левитан прочитал сообщение о начале войны. Именно Левитан все сообщал о ситуации на фронтах. Маршал Рокоссовский как-то сказал, что голос Левитана равносителен целой дивизии, а Гитлер считал его врагом Рейха номер 1. Кто был враг номер 2?

– Главкомандующий Сталин.

Именно Левитан читал текст о безоговорочной капитуляции Германии. И вот этот необычный человек, человек-легенда, приехал к нам.

В связи с 25-летием Победы он разработал программу, с которой приехал на Могилевщину. Тогда не было принято оплачивать выступления высокими гонорарами, просто уже немолодой Юрий Левитан хотел встретиться со своими слушателями поближе. И, конечно же, в Белоруссии, где прошла такая кровопролитная война, где жестоко уничтожали евреев, где так ждали его слова...

Казалось, не будет конца этому вечеру встречи с Юрием Левитаном. Он рассказывал, рассказывал и рассказывал. О работе на радио, своих коллегах, о войне. И очень-очень мало о себе.

Майский вечер дышал свежестью, когда мы вышли из Дома культуры. Золотой солнечный диск заходил за горизонт. Я спешил сфотографировать Юрия Борисовича, но времени для разговора уже не было.

Выбрав минутку, попросил разрешения навестить его в гостинице.

– Хорошо, завтра утром буду вас ждать, – улыбнулся Юрий Левитан.

Со мной он был официален. Слишком хорошо, видимо, был приучен – что можно, когда и где говорить. А я, молодой журналист, его собрат по крови, искал какого-то особого расположения, личного контакта.

Наутро, в белой рубашке, в галстукке, отдохнувший Юрий Борисович встретил меня в своем гостиничном номере. Я еще раз сфотографировал его, попросил что-то написать для наших читателей. Взяв лист бумаги, Юрий Левитан написал свои пожелания. Мне хотелось продолжить наш разговор, услышать что-то выходящее за рамки общей встречи, услышать что-то для себя, для будущего, но в дверь постучали. Увидев меня, человек в сером костюме удивился.

– Ты как сюда попал?

Узнав, что я из газеты, сделал вид, что меня здесь не было.

– Попробовал бы ты так ко мне в Москве пробраться, – пошутил на прощание Левитан, протягивая мне большую теплую руку.

...Захожу на сайт интернета, чтобы освежить информацию о жизни и работе Юрия Левитана.

У него было всенародное обожание. Но личная жизнь не сложилась. В 1938 году он женился на красавице – студентке института иностранных языков.

Женился после первой встречи. Но через 11 лет его жена полюбила другого человека. Редкий случай, но факт – все последующие годы Юрий Борисович поддерживал дружеские отношения со своей женой и ее вторым мужем. Они даже Новый год встречали вместе.

– Это моя двоюродная сестра, – представлял в компании Левитан свою бывшую супругу. Больше он не женился. Дальше продолжал жить вместе с дочерью и... тещей.

Но с 1970-х годов Левитан почти не выходил в прямой эфир. Начальство считало, что голос Юрия Левитана ассоциируется у населения с какими-то чрезвычайными событиями. И Левитан – первый среди дикторов Народный артист СССР – стал озвучивать кинохронику. С удовольствием он встречался с ветеранами, для которых его голос был так же свят, как и сама память о минувших боях.

В августе 1983 года Юрия Борисовича пригласили принять участие в торжествах по случаю освобождения Орла и Белгорода. Тот август был необычайно жарким, столбик термометра зашкаливал за 40 градусов. На поле под Прохоровкой, где происходила знаменитая Курская битва, Юрию Борисовичу стало плохо. Врачи деревенской больницы, куда доставили Левитана, ничего сделать уже не могли.

Как старый солдат, он остался на поле боя. Остался навсегда.

Беру в руки еще раз фотографии, сделанные в далеком 1970-м году. Галантный и такой молодежавый Юрий Левитан...

Глава III

Житейские истории

**Моисей родил (13 детей) Файбуса,
Айзика, Залмана..., Залман родил Давида,
Давид родил Ефима, Ефим родил Давида...**

«Авраам родил Ицхака,
Ицхак родил Иакова,
Иаков родил...»
Недельная глава Т.
«Тысячи лет наш народ,
Цепь поколений ведет.
Радуйтесь, нам дано,
Быть в этом цепочке... звеном!».

*Из поэтического
сборника Льва Златкина*

Не в Иерусалиме, а на чужбине

Время в пустыне идет медленно. Оно даже не идет, а скорее, ползет. Утром солнце появляется со стороны Иорданских гор. Понежится какое-то время в подушке пушистых облаков и только потом начинает осторожно выглядывать из небесного окошка. Багровая полоска постепенно расширяется, становится ярко-красной. Еще немного, и из-за кромки утреннего неба выкатывается яркий шар и, увеличиваясь в размерах, из своего чрева выпускает золотое ядро. От него тоненький солнечный лучик опускается вниз на спящее Мертвое море. Он по-хозяйски скользит все дальше и дальше, оставляя позади золотой след. И бежит уже по Иудейской пустыне, отвоевывая ее у темноты, мгновенно вскакивает на огромный скалистый утес.

Я стою на этом скалистом утесе, который возвышается над всей Иудейской пустыней. Стою на вершине древней еврейской крепости Масада. Впереди, как и сотни тысяч лет тому назад, простирается желтая Иудейская пустыня. За ней – голубая кромка Мертвого моря, которое раньше называлось Асфальтовым.

Я стою на этом скалистом утесе, который возвышается над всей Иудейской пустыней. Стою на вершине древней еврейской крепости Масада. Впереди, как и сотни тысяч лет тому назад, простирается желтая

Иудейская пустыня. За ней – голубая кромка Мертвого моря, которое раньше называлось Асфальтовым.

Крепость Масада.

Кажется, ничего не изменилось за прошедшие 1946 лет, когда римские легионы осаждали Масаду. Тот же горячий воздух, то же безжалостное солнце. Такие же каменные укрытия (их восстановили), напоминающие пещеры. В самом центре – тяжелые каменные ядра. С ними ничего не произошло.

Беру в руки одно из них, второе... Представляю, как под градом стрел защитники крепости бросали эти ядра на головы наступающих римлян, как летели эти ядра вниз по крутым склонам.

***Масада, Масада, Масада,
Желтые камни и море вдали,
Ты стала последней преградой.
На самом краю еврейской земли!***

***Я тебе пою гимн, Масада.
Тебя не покорил древний Рим.
Ты ему не сдалась, никого не
отдала!
Ровня тебе, только твой брат,
Иерусалим...***

***Масада пала, Масада пала...
Разрушен Храм Первый и Второй.
Из пепла страна поднялась и
встала!
Через века евреи
возвращаются... домой!***

Если бы седые от времени стены Иерусалима и камни Масады могли говорить, они бы о многом рассказали. Вот в этом каменном хранилище евреи собирали и хранили дождевую воду. А вот по этой узенькой тропинке спускались в лагерь римлян и внезапно нападали на них. Из-за ограды высокой стены еврейские воины рассматривали укрепления

римлян, готовясь к новым сражениям.

После пяти месяцев осады пал Иерусалим. Десять дней над Вторым Иерусалимским Храмом клубился густой черный дым. Пала разгромленная Иудея. Но не вся... Костью в горле у римлян стоит непокоренная Масада. Изо дня в день, из месяца в месяц, держится уже три года и после взятия Иерусалима. Римский император Тит в ярости.

***Вот такими машинами пробивали римляне
стены крепости Масада.***

Десять тысяч обученных легионеров не могут покорить тысячу иудеев, у которых, как ни странно, есть и пропитание, и вода, и боевое оружие, и главное – желание выстоять до конца. Когда пала и разгромлена вся Иудея, когда уже нет никакого шанса на спасение.

– Проклятые иудеи, – негодует император.

Если бы он только знал, что из 960 осажденных – воинов всего лишь 200, остальные – дети и женщины. В недоумении римские военачальники: их же засмеют, если они не возьмут крепость. На кону честь Рима!

Римляне находят решение: насыпать громадный земляной вал на высоту крепости и с этого вала ворваться в Масаду! Пять тысяч воинов, десять тысяч рабов медленно метр за метром продвигаются вверх. Наконец, земляной вал поднимается на уровень главного входа в крепость. Мощные осадные метательные машины начинают извергать камни, огненные шары. Вся крепость в огне, силы не равны. Защитники видят, что для римлян остался последний рывок, и они вот-вот ворвутся в крепость. Римляне будут беспощадны, евреи это знают и ничего уже не могут сделать. Не остановить десятый, самый лучший легион...

Горы трупов оставил он после себя в Иерусалиме, в Иудее. Многих жестоко убивали только за то, что они были евреи, ведь дети, женщины не держали в руках оружия. Все хорошо понимают, в крепости будет жестокая кровавая разборка. Но, когда с восходом солнца, озверевшие римляне ворвались в лагерь, они оторопели... Иудеи были мертвы: воины, женщины, дети.

История рассказывает, что десять самых лучших воинов, которым выпал этот тяжкий жребий, умертвили

своих родных и друзей. Невозможно представить, как отец вонзает кинжал в тело своего ребенка, в тело своей жены и ждет, как этим же кинжалом будет убит сам. Но это было. Последний из десяти оставшийся в живых убивает всех и сам бросается на кинжал. Это тоже было... Ни одной живой души, ни одной.

Прочтите книгу историка и воина Иосифа Флавия «Иудейская война», и вы убедитесь, какими мужественными и несгибаемыми воинами были наши предки!

Оставшиеся в живых вырывались из горящей земли, унося с собой клятву вернуться в Иерусалим. Эта клятва передавалась из поколения в поколение, из столетия в столетие.

Я помню, как мой дед Залман в своей маленькой спальне в Белоруссии все шептал непонятные для меня слова: «Бэ шана аба бэ Иерушалайм» – «В будущем году в Иерусалиме». Точно также шептали его отец, дед и прадед... Точно также шептали миллионы ушедших за прошедшие столетия.

С того дня, как в 70-м году новой эры после разрушения Второго Храма, евреи ушли в изгнание... Среди них был какой-то и наш далекий родственник. Не важно, как его звали. Не важно, где он был – в Иерусалиме или в Иудее? Воевал или был только ребенком? Об этом нам знать не дано.

Важно, что ему посчастливилось остаться в живых и покинуть горящую страну (иначе никого из нас

тоже бы не было). А дальше его, как и других, таких же обездоленных странников, ожидали дальние дороги, чужие страны и... погромы, разорение, насилие, убийства. На всем долгом пути. Каждое новое поколение проходило через новые испытания и новые беды.

В поисках лучшей доли мои соплеменники, среди которых был кто-то из нашего рода, все время были в дороге, двигались все дальше и дальше. Они добрались до Европы, остановились надолго в Германии. Отсюда язык идиш, такой похожий на немецкий язык.

В 10-ом веке из-за кровавых наветов и жестокости местного населения в Германии, Испании и во Франции евреи начали постепенно продвигаться на Восток. В 18-м веке около 80 процентов евреев уже проживало в Польше. С разделом Польши в 1795 году к России отошли литовские, белорусские и часть украинских территорий. А с ними и миллионы людей, много жестикулирующих руками, говорящих непонятно на каком языке, со странными именами и обычаями, с длинными косичками-пейсами у мужчин.

Став российскими гражданами, они продвигались все дальше и дальше в глубь страны. Всем им в России была уготована черта оседлости: маленькие села и Богом забытые городишки. И новые унижения, новые погромы, новые кровавые наветы... На столетия все было predetermined... Всем будущим поколениям суждено было родиться не в Иерусалиме, а уже на чужбине.

Вот так предки моих нынешних соплеменников стали болгарскими, украинскими, немецкими, австрийскими, польскими евреями.

А наш общий прадед Моисей Златкин – российским. (В середине 18-го века белорусские земли и конкретно местечко Прянички, где он жил, входили в Российскую империю)

Его дед или прадед каким-то образом в конце 18-го века «зацепились» в лесном краю на границе русских и белорусских земель.

Почему фамилия – Златкин? Во многих еврейских семьях фамилии давали по имени матери.

– Ты чей?

– Златы!

– Хаи!

– Симы!

– Ханы!

Вот и пошли фамилии: Златкин, Хайкин, Симкин, Ханкин.

В восьмидесятых годах 19-го века Моисей Златкин имел семью из тринадцати детей. И жил постоянно в местечке Прянички. Вот эти тринадцать детей и дали новые ветви Златкиных, которые мы сейчас ищем и... находим!

После уничтожения миллионов евреев во время Катастрофы, на месте еврейских местечек осталась только выжженная земля. Родственные связи разрушены, отброшены. Оставшиеся в живых

растворились среди местного населения, стараясь не «высовываться».

Все еврейское – имена, язык, обычаи – считалось зазорным. Власти приветствовали, как и в прежние времена, перемену имен, фамилий, национальности. В смешанных браках дети чаще всего брали национальность не еврейского родителя. Всяческое сопротивление каралось обществом и властями. Казалось, все... Еще немножко и то, что не сделали император Тит, Гитлер, Сталин, отдавший приказ для отправки всех евреев в Сибирь, сделает сама жизнь. Казалось бы, плачьте евреи, собирайтесь в последний путь.

А евреи, вернувшиеся с войны, из тыла смеются, радуются встречам, женятся, создают семьи, рожают детей. Мы, первые послевоенные ростки, совсем ничего не знали, что было до нас. Наши родители, скупые на разговоры, стремились накормить, напоить и совсем не заполнять юные головы ужасами пережитого. Мы жили в окружающем мире, входили в него через соседей, друзей семьи, родных.

***Потребовалось долгое время, чтобы
все осознать...***

Мы были, как деревца без корней

Я в свои пять лет, например, уже знал все закоулки белорусского села Красавичи, где мы жили. Знал, где лучше ловится рыба. Знал, как забраться в школьный сад и нарвать себе яблок. Знал, в каком доме меня угостят немудреной крестьянской пищей. Знал, если село с сумками движется в сторону кладбища,

люди будут выкладывать на могильные холмики съестное. Этот день в Белоруссии называется Раданица, когда все приходят к ушедшим из жизни. И уже знал, кто меня покормит в голодное послевоенное время, а кто остро сверкнет глазами в мою сторону. Босиком я обегал село со всех сторон. Знал все и всех.

И все недоумевал: "Это весь мой мир?"

Не понимая, но все чаще стал выбегать на большак, который уходил белыми березами куда-то далеко.

– Что же там дальше? – думал я, вглядываясь за горизонт.

Живя с отцом, матерью и четырьмя братьями – трое из которых появились в Красавичах, а роддомом была крестьянская изба, где мы квартировали – я страдал из-за того, что мы одни на всем белом свете. У меня в отличие от моих сверстников не было ни крестной матери, ни крестного отца, ни других родственников, к которым можно было зайти, прижаться к их шершавым рукам, почувствовать, что тебе здесь рады. Мы были, как деревья без корней...

Село Красавичи, куда наша мама привезла семью, соответствовало своему названию. Красота неопишуемая при всеобщей бедности крестьянских хозяйств. Забитость дикая, мужики перед каждым приезжим из города снимали картузы, при этом еще и опускали головы. И в то же время – безмерная доброта.

Солдатка Миколиха, у которой мы снимали квартиру, первые огурцы с грядки приносила нам,

«детям наставницы», как она говорила. Ее старшие сыновья Михаил и Николай, дочь Надя спешили к нам со свежими куриными яйцами, обделяя себя. Кстати, братская дружба сохранилась между нами на всю жизнь.

Когда Николай Прудников хирург кустовой больницы узнал, что нашему отцу нужна срочная операция, он, уже простояв смену возле операционного стола, снова надел белый халат. Правда, сам операцию делать не стал.

– Он же для меня, как старший брат. Я определил дозу наркоза, все время был рядом. И когда Давид открыл глаза, первым он увидел... меня. Я обещал ему, что все время буду рядом, – позже вспоминал Николай.

Когда я, сотрудник городской газеты, приезжал в Красавичи, меня наперебой звали к себе старые знакомые. В белорусских хатах меня встречали, как самого дорогого гостя, и обижались, если я к кому-то не успевал зайти.

На одной высотке деревни находились сельмаг и сельсовет, на второй – школа в бывшем помещичьем здании. Вот здесь и работала учительницей наша мама. Сюда мы попали потому, что нам нигде не было места... Отец, бывший фронтовик и выпускник партшколы, вынужден был срочно уехать из города, чтобы его не посадили за желание уехать в Израиль. Сказал как-то об этом в узкой компании – и тут же донесли. Добрые люди посоветовали быстрее уносить

ноги. Вернувшись через пару лет, он был уже никому не нужен. Без партии, без связей и с фронтовыми ранами.

В Климовичах, возле которых жил в Михалине наш дед, никакой работы ему не давали.

– Скажи спасибо, что еще свободным ходишь, – дали знать в органах.

В Мстиславле, откуда родом наша мама, на работу в школу ее не брали, выискивая разные причины. Родные сестры и брат только что вернулись в город после войны и помогали, чем могли. Только старые вещи да пара буханок хлеба не могли ничего существенно изменить. И про родной город Мстиславль до конца своей жизни мама ничего хорошего не могла вспомнить. Он ей запомнился только тем, что в старом, довоенной постройки здании, сплошь утопающем в зелени, родился ее первый сын, то есть я.

После Миколихи мы перешли жить в маленький домик на выгоне с правой стороны, рядом с которым стояла добротная усадьба Глушаковых. В селе эта семья считалась крепкой, как бы сказали сегодня – элитной! С крепкого забора свешивались яблоки, сливы, в то время, как у других земля просто пустовала. Нашей няньке, сельской девчонке, которую мать взяла в помощь, нужно было как-то к ним зайти. Уложив младшего брата и взяв меня на руки, она направилась к соседям. Что меня тогда поразило? Деревянные полы в их доме, ибо у многих в селе они тогда были земляными. И хозяйева меня начали угощать фруктами.

– Не будешь есть, поставлю двойку, – все смеялась кудрявая Нина, дочь Прокопа, учительница, как и мама.

Я, набрав за пазуху яблок, вскарабкался к няньке Тамаре на руки и начал ей шептать: «Пойдем быстрее домой, а то еще передумают и отберут». И шептал так, что все услышали, и еще больше развеселил всех. В награду за это нам дали еще целую сумку слив, груш и яблок. Помню, когда мы зашли в наш маленький домик, я поднял рубашку и... посыпались на пол зеленые сочные антоновки. Нина Прокопьевна мне так и не поставила двойку. Наоборот, я у нее был лучшим учеником. Отличником.

Когда через несколько лет грузовая попутка, идущая в город, забуксовала по весенней распутице возле дома Глушаковых, я кубарем скатился с кузова. На скамеечке, вытянув свой протез, сидела Нина, улыбаясь мне. В селе у меня было много друзей: и соседи, и ребяташки, но моя учительница для меня была самым близким человеком. Потеряв на войне ногу и став инвалидом, она глубоко чувствовала боль других, видела, когда им тяжело. Через посыльных приглашала нашу семью в баню, а наша мама тащила за собой всю семью.

Обнимая меня при расставании, Нина сказала: «Учись хорошо! Иди дальше в жизнь».

Довоенная полуторка со вздохами преодолевала весенние лужи и выбоины, а я думал: «Как идти дальше

в жизнь, куда идти?» Как и раньше, я хотел узнать, что же там, за этим березовым Красавичским большаком?

И вот мы едем по этому большаку. За полями чернеют маленькие домики селян. Неужели и дальше будет продолжаться такая же серая, унылая картина? А я представлял себе совсем иное.

Село Высокое с тракторной станцией возле столовой, которой несколько месяцев заведовал наш отец, осталось позади. На следующем взгорке Тимоново, более крупное село, а когда спустишься с него и поднимешься наверх – Климовичи, маленький городок с разноцветными деревянными домиками. На окраине Климовичей – поселок Михалин, где и жил наш дед Залман. Он тяжело заболел. И для того, чтобы быть рядом с ним, мы переехали сюда. Тяжело дыша, дед все говорил: «Пожить бы с вами, хотя бы год-два». Бог дал ему больше – 12 лет! Мне бы догадаться, спросить у деда про его жизнь, про его семью. Ведь жили в одном доме. Но я больше стрелял глазами по маленьким яблочкам, которые твердыми зелеными ядрами гнездились на старом дереве, на единственном дереве, стоящем напротив такой же старой, наполовину вросшей в землю, нашей хаты. В один грозовой вечер она сгорит, и со временем наш отец поставит новый дом совсем рядом. Но это в будущем...

Тогда я искал, где можно найти что-то съестное: в саду, в огороде, в сарайчике... Высматривал, где куры прячут свои гнезда. И, когда обнаруживал их, сообщал

маме. На этот раз она попросила меня тайну хранить при себе.

– Бабушка Соня едет, хоть яичницу ей сделаем на завтрак, больше ведь ничего нет, – горестно разводит худые руки моя мама.

Наша городская бабушка – из самого Мстиславля, не могла никак понять, как мы выживаем в этом Михалине.

– А старик помогает? – недолюбливая его, бросила взгляд в сторону Залмана, который ходил зимой и летом в одних и тех же ватных штанах. Мать, сглотнув горечь, поднесла передник к глазам.

– Да, – и больше не могла выговорить ни слова.

Почти каждый день Залман выдавал ей рубль на хлеб, отрывая от своей мизерной колхозной пенсии. Он хорошо понимал, что сын и невестка, переехавшие из села в город, не могут сразу найти работу.

Мы, дети, сидели на дичках, на укропе, которому не давали даже созреть, на мелкой картошке, которую выкапывала мать. И, конечно, самым главным деликатесом была яичница. Когда яиц уже не было, сковороду заливали яйцом, которое было покладом... Потом брали скорлупу, заполняли ее чем-то внутри для твердости и подкладывали в гнездо.

Но сегодня особый случай: к нам приехала бабушка! И мать, со взглядом заговорщика, зовет к себе самого младшего Ленечку или, как мы его называли, «смуглянку».

– Сыночек, подлезь под коридор и возьми там яички, – просит она.

Малыш и рад стараться, шмыгнул загорелым носом и, царапая живот о землю, пополз к гнезду. Яичница получилась на славу – в несколько яиц. Наша городская бабушка, видимо, думая, что у нас в Михалине – все свое и в достатке, – аппетитно уплетала содержимое на сковороде.

Через старую занавеску за ней подглядывал малыш Леня и почему-то... тихо всхлипывал. Когда наутро мама снова попросила его залезть под коридор и передать ей яйца, он, обиженно скривив губы, сказал:

– Пусть баба сама лезет под коллидол...

Бабушка Соня, потеряв мужа и старшего сына, жила в бедности, экономя каждую копейку из военной пенсии кормильца, но нам она казалась из другого мира. Вот так мы жили в первое лето после приезда из села Красавичи.

Я уходил в армию на три года.

– Галик (меня в семье звали Алик), возьми три рубля, – и мой дед Залман вытащил из кармана зеленую замусоленную бумажку. Я заглянул на миг в его глаза, прижался к его бороде, как в детстве. Уловил в глазах грусть и что-то щемящее, родное, что раньше редко замечал.

Мы спешили. Автобусы из Михалина в город не ходили, а на вокзал – тем более. Темной ночью я с отцом пошел пешком через сады на вокзал. На привокзальной площади меня уже ждал сотрудник

райвоенкомата, а отец ехал в областной госпиталь инвалидов Отечественной войны. В поезде нас разделили, хотя я стремился побыть еще какое-то время с отцом.

– Стройся, – заорали на нашу гражданскую команду сопровождающие сержанты.

Я уловил только взгляд отца, мы бросились друг к другу на короткое мгновение и... расстались на долгие три года. Вот с моим дедом мне уже не суждено было встретиться. Его три рубля я хранил долго... Когда мы тряслись в кузове машины по дороге на позиции ракетной батареи, коченея от холода, я перебирал пальцами твердый пакетик, где лежала дедова трехрублевка. Когда меня отправляли через день в наряд на кухню и именно на самый трудный участок – в посудомойку, я в короткий перерыв дотрагивался до этого пакетика, ощущая связь с домом. И мне словно становилось легче... Когда меня в двадцать лет отправили на вокзал разгружать вагоны с углем, я совсем забыл про трехрублевку. Все в угольной пыли, блестя только белыми зубами, четверка солдат, из которых только я один был первогодок, отдыхали после разгруженного вагона и мечтали о том, как бы выпить. Денег не было ни у кого. Через полчаса приедет за нами машина – и все, свобода закончится.

– Где же взять деньги, где? – соображали солдаты.

И вдруг я вспомнил про дедовский трояк. Вначале не хотел говорить, было как-то жалко.

– А мне сегодня двадцать лет, – торжественно провозгласил я.

Ноль эмоций. Когда я опять тихо повторил, на меня все посмотрели, как на сумасшедшего. Один даже покрутил пальцем у виска. И тогда я выдал:

– А у меня есть три рубля!

Все вскочили, как ошпаренные.

– Ты чего, салага, все это время молчал? Быстро гони деньги.

Вино было кислым и теплым, мне чуть-чуть накапали на дно стакана.

– Ты же, говорил, не пьешь. Тогда мы выпьем за твои двадцать лет, – торжественно объявил долговязый ефрейтор Степанов с Западной Украины.

Мне больше было и не нужно. Истратив дедовский трояк, я запомнил этот день на всю жизнь. Так я вошел в свое третье десятилетие.

Когда оставалось несколько месяцев до окончания службы, 10 апреля 1969 года я получил короткую телеграмму из дома: «Умер дед».

– Это не прямой родственник. Домой не отпустим – равнодушно отрезал начальник штаба.

Отец не мог поставить памятник долго. Приходил с нами к земельному холмику, топтался возле него стоптанными кирзовыми сапогами, вытирая пот с заросшего щетиной, худого лица. Платил ссуду за построенный дом, посылал деньги сыну, уехавшему в далекий Куйбышев учиться в авиационный институт. Чем несказанно гордился! Да еще нужны были деньги

на жизнь – подрастали младшие братья. Зарплата матери – учительницы начальных классов – была невысокой. Вот и чесал голову отец.

Придя из армии, я стал работать в городской газете. Первый телевизор, первый шкаф я покупал вместе с матерью на общие деньги. Однажды меня вызвал к себе наш редактор. Я думал, новое редакционное задание. Ошибся! Утопая глубоко в кресле, директор одного из местных хозяйств рассказывал про поездку в Египет.

– Прояви его фотопленки и сделай фотографии, – то ли приказал, то ли попросил мой редактор. Работа была большая! Египет, Каир, Асуанская плотина, сфинксы, все это так рядом с Израилем, – думал я, рассматривая фотографии. Получая их в огромном пакете, Андрей Тимофеевич, прижав руку к сердцу, сказал:

- Проси, что хочешь.
- Да, не привык я просить.

Отнекивался, отказывался, а потом вспомнил, как каждую ночь отец идет к разрушенным складским колхозным помещениям и тащит на себе полусгнившие бревна...

- Вообще, если можно, машину дров.

Мой директор не ожидал такой мизерной просьбы. В тот же день к нашему дому подъехала громадная машина с балками, досками, которые уже годами, где-то лежали. На второй день отец заказал памятник и ограду на могилу нашего деда. С того времени мы стали на зиму заказывать машину дров, которые распиливали,

а за лето я или мои братья, разрубив топором, складывали в штабеля. К дедовой могиле и к братской еврейской могиле, мы ходили постоянно до самого отъезда в Израиль. В последний раз, когда я был в Климовичах, после долгих поисков могилы деда, меня вдруг укололи отцовские глаза. Причина была: за прошедшие годы памятник развалился. Когда я уезжал отсюда, памятник по моей просьбе отремонтировали и он был, уже, как новый.

– Откуда он здесь может быть? – подумал я, – ведь отец похоронен в Израиле?

Только сейчас я заметил, что мой отец и дед, как братья-близнецы – на одно лицо.

***Пять братьев Златкиных (слева направо – Лев, Сергей, Ефим, Яков, Григорий).
Это последний фотоснимок, на котором мы все.***

Смерть старого Залмана

Сергей Златкин

Мой брат, окончил Могилевский технологический институт. Жена – Сусанна.

В Израиле с 1990 года, имеет сыновей Бориса и Сашу, троих внуков.

Залман (на фото) умирал долго и тяжело. Первое приближение смерти почувствовал еще прошлогодней весной. Но мы успели отвезти его на телеге в райцентр. Положили в больницу, сделали операцию. Спасли.

Затем отвезли в другую больницу – в сельскую, в

Великий Мох. Отвез тот же примак Пеклин из Михалина за бутылку вина. Два рубля с медяками за нее заплатили из стариковской пенсии. Из Великого Моха, когда дела пошли на поправку, отправили домой в Михалин. Вот сейчас лежит в новой хате. Мало он пожил здесь...

Еще пахнет стружкой, полы и потолки не покрашены. Желтый мох торчит между бревен, нет денег, чтоб закончить строительство. Прямо с улицы заходишь в дом, коридорчик какой бы пристроить?

– Сын не в силах, а я помочь не могу, – думает Залман.

Мало прожил в новом доме, а жизнь прошла. Тяжелая, нерадостная, неустроенная жизнь.

Старый Залман синим зашмальцованным платочком долго вытирает слезы, уши, поросшие колючей черной щетиной. Все было в его жизни. Были радостные дни. Были черные дни. Все было. В новой хате тихо.

– Сын и невестка на работе, внуки в школе. Нет, один самый старший в армии.

Такая уже жизнь была проклятая, никчемная. Стало душно, глаза сами закрываются, его бросает то в жар, то в холод. Душно, ох, душно, словно куда-то проваливается. Но еще жив старый Залман. Уснул с трудом, долго не просыпался. Во сне, видимо, лучше, спокойнее. Он видит свое местечко Прянички, реку Остер, леса, луга. Недалеко от берега стоит дом его отца Моисея. Он сапожничает, мать занимается домашним хозяйством.

Работы хватало, селяне – народ небогатый, лаптями не пренебрегали, плели их из лозы. Но в холода обувь нужна настоящая, а на новые сапоги или ботинки деньги не всегда есть. И не у каждого. Вот и впускают холод в избу Моисея мужики и бабы из

местечка Прянички, соседних деревень, отворяя примерзшую к косяку дверь.

Моисей – на табуретке в фартуке – занят привычным делом. А что еще может делать еврей в черте оседлости? Сапожничать или продавать. Уж лучше сапожничать! Дратва есть, шило есть, большие клубки ниток.

– Подожди, сейчас залатаю, – говорит мужичку из соседнего села, – не пойдешь же босиком по снегу.

По привычке поглаживает седую бороду, бросает взгляд на шаловливых детей. И снова один гвоздик забивает в подошву, второй держит в рту. Снова забивает в подошву, а второй – наготове во рту.

Старый Залман, будто наяву, видит своего отца и мать, всех своих двенадцать братьев и сестер. Видит, как прощаясь со всеми, они выходят из дома. Видит, как всей семьей провожают одного за другим за околицу. Старший брат Файбус уехал из Пряничков, за ним потянулись сестры. И все, и все...

Письма приходили редко, а потом и вовсе прекратились. Залман уже не помнил имена всех своих братьев и сестер, помнил только, что их было тринадцать, а он – один из самых младших. Залман хорошо помнил Айзика. Другой брат Файфа переехал в соседний Мстиславль, и Залман навещал его несколько раз. Брат Хаим жил рядом в Климовичах. Он помнил сестру Цылю, которая жила в Москве, две другие сестры Феня и Анюта – в Перми.

Дед Залман помнил только имена – они давно уехали и давно жили в другой, в какой-то параллельной жизни. Столько десятилетий прошло – и ни весточки, ни словца...

Глаза закрываются. Залман снова переносится в прошлое.

Служба в царской армии, Первая мировая... Вторая мировая война... Старый Залман даже застонал от воспоминаний. А может, это сон? Может, все эти годы он спал?

Вот сейчас откроет глаза и увидит свою жену Сару, дочерей Злату, Хану, сына Муню. Он с ними простился в первые дни войны, когда уходил на фронт. Вздохнул и почувствовал, что задыхается. Черная сажа, черная густая залепила и нос, и рот.

– Где я видел ее, где? – стал он вспоминать, – может, когда вернулся после войны, когда на месте хаты нашел только пожарище и черные обгоревшие бревна.

Такая же пелена из черной сажи закрывала свет, глаза отказывались видеть, когда он впервые пришел на место расстрела своей семьи. В живых остался один сын – старший Давид. С ним и доживает век... Засыпает дед Залман... Не чувствует никакой боли, просто засыпает. Ему захотелось сказать, что-то важное, но рот не открывается. Понимает, что смерть близко.

– Но я же не попрощался с сыном и внуками. Не дождался старшего внука Галика из армии, – думает вдруг Залман.

Снится ему, что он не на узкой железной кровати, а на широкой деревянной. Лежит в новом добротном костюме, еще и галстук нацепил. Отродясь не носил галстука, да и пиджак с новой белой рубашкой – тоже. Рядом грустный Давид и невестка Ира качает головой, внуки шмыгают носами.

Вот и прошли годы. И наступил последний день.

Крестьянин, колхозник, никогда не знавший города больше, чем областной Могилев, какую жизнь он видел? Всю жизнь – как ломовая лошадь, тянущая свой воз до последнего вздоха. Так и Залман. Он тянул свой воз – свою жизнь, как мог и сколько мог.

В апреле 1969 года, в год смерти нашего деда

Внук Григорий
у могилы деда
Залмана Златкина.

Залмана Златкина, одного из сыновей Моисея, рано зацвели сады в Белоруссии. И цвели они, как никогда долго. Еще долго - долго яблонька не снимала с себя белое покрывало, чем-то похожее на саван...

От автора книги:

А в это время в Москве, Перми, Николаеве подрастали новые ветви из рода Златкиных, о которых мы в Белоруссии ничего не знали. Все мы были разобщены, разбросаны, как щепки в поле. Подрастали без мысли и надежды на то, что после всех трагедий и лишений может уцелеть еще кто-то, кроме нас. Точно также думали дети и внуки Айзика, Фейбуса...

Нужны были многие десятилетия и божественный случай, чтобы между правнуками Моисея установилась родственная связь.

К сожалению, пока не со всеми. Надеемся, что откликнется кто-то из семьи Владимира Крафта: его дети, внуки, живущие в Израиле. Владимир – сын Моисея Крафта, мать которого – Феня Златкина, одна из дочерей Моисея. Не теряем надежду найти внуков, правнуков и других сестер и братьев нашего деда. Ведь смогли же соединиться три родственные линии!

Про поиск одной из них – в следующем материале.

Так мы искали друг друга

Моя книга меня не отпускала. Наоборот, звала, будто хотела что-то сообщить, передать от кого-то послание. Сажусь перед компьютером, вхожу в поисковик и набираю «Златкин Давид» – фамилию и имя главного героя. И вдруг открывается страница книги, главный герой которой... Златкин Даниель. Та же фамилия и даже имя начинается с буквы Д.

Какое отношение ко мне имеет рассказ этого жесткого старшего лейтенанта?

Но каждая строка, словно пронзает мое сердце. Почему я чувствую эту строку, это слово? Я понимаю, что мысленно замерзал со своим отцом в снежных полях под Москвой, когда он истекал кровью, или когда он находился между жизнью и смертью в операционной. Но почему, почему меня не отпускает образ этого старшего лейтенанта со сросшимися бровями и властным подбородком? Где, когда я видел кого-то похожего на него? Кто автор? Галина Климова.

Почему она писала, словно была рядом, сама все видела, сама прошла все дороги рядом со своим отцом? Знакомый стиль. Будто пропускает боль через

свое сердце. Точно также и я писал, чувствуя то же. Ну и что? Бывает, бывает...

Родные всегда чувствуют на расстоянии друг друга, даже через время. Занимаюсь разными делами, работаю, пишу, фотографирую. Но что-то мне не дает покоя? Как такое может быть, чтобы два разных автора – один в Москве, а другой в Израиле – чувствовали одно и то же, готовя свои книги в жанре «семейных альбомов»?

Вот отрывок из фронтового дневника Даниеля Златкина, который включен как подлинный документ в книгу Галины Климовой «Юрская глина»:

«И вдруг удар в правую руку. Не понимаю, что за удар, но теряю сознание. Очнулся от холода. Ночь. Крупные звезды. Очень холодно. Было 15 октября 1941-го года. Я очень замерз, потому что был без ботинок. Кто-то снял с меня ботинки, и я в одних портянках. Пробиты два пальца и кровоточат...Перед боем нам дали два сухаря и две воблы, а мы два дня в этом самом бою. Разве это бой? Это бойня...Я все-таки поднялся и пошел искать. Кого? Только трупы».

А вот мой рассказ про отца Давида Златкина из книги «От Михалина до Иерусалима»:

«Почувствовал, как тело прошила в нескольких местах боль. Темнота... Неподвижность... Попробовал пошевелиться – не получается, нога примерзла ко льду. Захотелось попить, нащупал в ложбинке немного жидкости, намочил пальцы, поднес ко рту. Вода была какая-то неприятная, отталкивающая.

– Да это же кровь. Моя кровь, – понял Давид.

Он все больше и больше покрывался снежной пылью, также коченел, как его сотни и сотни боевых товарищей.

– Сынок! Давид! Сынок! – показалось, услышал голос мамы, такой родной голос! Он звал его, он поднимал его, кричал...».

Вы заметили, как похожи эти отрывки. Словно, сочинение на одну тему.

Читая и перечитывая книгу Галины Климовой, я убеждаюсь: характер ее отца Даниеля похож на характер моего отца Давида: оба такие же бесшабашные и такие же... непредсказуемые.

« – Вы этот ящик с фонариками не сдавайте на склад, оставьте нам.

– Товарищ командир роты, не имею права.

– Я вам приказываю!

– А я не выполню!

– Я вас сейчас расстреляю!

– Расстреливайте!», – читаю в книге «Юрская глина».

«А што гэты чужы тут робиць? – неожиданно послышался резкий голос.

– Кто чужы? – не поняли в магазине.

– Ды гэты жыдюга. За нашай мукой прыйшов, – продолжал сельский бандюга. В овчинном полушубке, в сапогах-бахилах он возвышался над головами всех...

– Да я его сейчас угроблю, – бушевал бандит.

Давид побагровел, сжал кулаки. Кровь ударила в виски, ему казалось, что снова, как тогда на фронте, он

вновь должен без страха и сомнений подняться в атаку. У него, такого хрупкого и невысокого, было только одно мгновение, чтобы опередить громилу.

– Я даю себе команду: «Сержанты, вперед!» – раз, сжимаю его руки, два, бью сильным ударом в пах – и три. Добавляю удар еще раз, когда он уже на полу.

Десятки и десятки раз воспроизводил картину боя местного значения перед нами, своими детьми, наш отец.

Под вой мужика Давид подошел к весам, взял самую большую гирю, обратился ко всем: «Кто еще хочет уробить меня...?», – пишу я в своей книге.

Два разных человека, но как похожи своими поступками и реакцией? Как они бесстрашно идут напролом до конца! Они – как будто братья. Стоп, стоп...

И я снова возвращаюсь к книге Климовой, будто хочу увидеть какой-то тайный знак. Где же он? Где?

«Где дядя Мориц, певший в Ла Скала?
Где кантор – тезка царя Соломона,
И прадед Мойша 111 лет
Из местечка Прянички»...

Пропускаю три строки, четвертая: «Из местечка Прянички» – меня останавливает и цепко держит.

«Мой дед Залман жил в местечке Прянички, мой отец Давид родился именно в местечке Прянички, и там жила только одна семья Златкиных. И отец моего деда

*Галина Климова-
Златкина
рассказывает про
одного из сыновей
Моисея – Файбуса
Златкина,
своего деда*

– Мойше, которого называли еще и Моисеем, и Муней, и другими еврейскими именами... Еще нет никаких доказательств, но я уже понимаю, чувствую, что Даниель и Давид двоюродные братья, а мы с Галиной – троюродные! Но почему у нас такое родство душ? Бывает, что даже выросшие в одной семье братья и сестры далеки друг от друга, а мы – словно близнецы.

Мы с тобой дышим даже одинаково.
Мы с тобой видим одни и те же сны.
Нам обоим так дороги наши матери,
Но почему не дают покоя нам отцы?

Эти строки у меня родились несколько позже. А тогда, сделав для себя это открытие, я все думаю, как найти Галину Климову? Помог Фейсбук. Читаю: «Заведующая отделом поэзии журнала "Дружба народов", окончила Московский литературный институт, автор ряда книг, поэтесса». Замечаю некоторую схожесть с моей биографией. Я закончил факультет журналистики Белорусского университета, куда

поступил с первого раза. Проверял себя перед поступлением в литературный, родился в один и тот же год, что и Галина, написал книгу, в работе еще три. Галина – Секретарь Союза писателей Москвы, член Международного Союза журналистов, автор нескольких книг поэзии и прозы. Я – член Союза писателей Израиля. Может, не стоит напрашиваться в родственники? А может, она только и живет тем, что ищет свои корни? И снова – к книге «Юрская глина».

Вот эпизод, как Галина искала в Харбине могилу своего двоюродного деда Соломона Златкина, примчавшись сюда вместе с поэтом Риммой Козаковой.

«Это вы, Соломон, разбудили мою тоску по родовому древу...».

Тоска по родовому древу, как и у меня? Снова что-то общее. Нахожу в «Фейсбуке» Галину и пишу:

«Случайно вышел на Ваш материал, где Вы пишете о Даниэле Златкине. Вначале остановился на фамилии, я тоже Златкин. Хотя Златкиных не так много, как Гуревичей и Ивановых, возможно, мы просто однофамильцы. Но я прочел, что ваш дед родился в местечке Прянички. Мой дед и отец тоже родились в этих же самых Пряничках».

Это послание я отправляю к совсем незнакомому человеку, к которому вдруг возникает чувство родственности. Это чувство я не искал, не придумывал, не внушал себе ничего. Оно само пришло и глубоко засело во мне.

«Добрый день, Ефим! Есть возможность увидеться и познакомиться. С 3 по 7 мая мы будем в

Тель-Авиве», – вскоре получил я ответ. И сразу же еще одно: «Мы свободны 6-го мая. Ждем Вас!» У нас обоих горячее желание встретиться, столько похожих людей и событий в нашей жизни.

«Ефим, Ваша премия стала подарком ко дню рождения (моя книга «От Михалина до Иерусалима» на конкурсе Международной Гильдии писателей была отмечена бронзовой медалью), и у меня тоже так было, когда получила премию Союза писателей Москвы. Так что, совпадения продолжают. Я сказала своей двоюродной сестре, что мы с Вами собираемся встретиться... интересно».

Мы мчимся по шоссе, солнце светит в окна, и у меня рождаются строки. Я их пишу на клочке бумаги:

*Мы с тобой живем в наших книгах,
Мы с тобой ищем наш общий род,
А встречаемся в стране,
где желтеют апельсины.
И пишут не как все, а – наоборот.*

Машина приближается к Тель-Авиву, за рулем – мой зять Марк. Со мной рядом моя дочь Женя. Им тоже интересна наша эта встреча. А я, согнувшись над бумажкой, строчу дальше:

*Почему все, что было, не дает мне покоя?
Почему это тревожит так сильно и тебя?
А может, мы из одного семейного роя?
Только наши деды разлетелись в разные края.*

В холле отеля много людей. Но я сразу узнаю Галину... Она птицей срывается с места и летит ко мне навстречу. Я – к ней. Но почему, почему? Еще ведь точно ничего не известно...

Но я узнаю такой знакомый овал лица, такой характерный златкинский разрез глаз. А главное – наши сердца бьются в унисон. У меня такого раньше никогда не было. Есть сестры и даже более близкие – двоюродные, но по материнской линии. А по отцовской, по бесшабашной Златкинской линии – нет. И не было. Смотрю на нее, смотрю, и снова строки:

*Мы не родились с тобой в селе Прянички,
Я совсем рядом, а ты в другом краю,
Тебя совсем я не помню маленькой,
Я столько лет ждал и искал... свою сестру.*

Сестра ли она мне? Сестра ли? А Галина знакомит меня со своим мужем Сергеем Надеевым, поэтом и главным редактором журнала «Дружба народов». Знакомит с сыном Ярославом и его женой Наташей. Они оба юристы. Милые лица! Мы гуляем по роскошной тель-авивской набережной. Галина держит меня за руку, идет рядом. С первой минуты мы уже на «ты»... Какой-то особенный вечер, даже закат фантастически красив!

Мы сидим за столом, ужинаем, разговариваем без умолку, а я хватаю Галину за руку и... вытаскиваю из-за стола. Никто ничего не понимает, столичный

народ не может понять мою израильскую выходку. Но я-то знаю, еще минута-две и уйдет, уйдет этот закат. Я успеваю щелкнуть пару раз затвором... И вот он – фотоснимок! Галина счастливо улыбается, словно получила самый дорогой для нее приз. А потом поднимает тост: «За нашего общего прадеда Моисея».

*Галина
Климова-Златкина*

Она уже ни капельки не сомневается. Во мне находит что-то похожее с ее отцом.

Мы сидим рядом. Я замечаю, что мы даже одинаково подпираем руками свои подбородки. Что мы одинаково сумасбродны. Точно, как наши отцы! И наша неумемная златкинская энергия, и даже на фотографиях я замечаю, как с Галиной похож. Как похожа на нее моя дочь Женя. Но общий-то наш предок «Моисей», а мой дед – Мунькович...

Вначале даже и не догадываясь, что это может быть один и тот же человек, только с разными именами: Моисей, Моше, Муня... Как бывает среди евреев, Ефимович и Хаимович – разные отчества, но имя – Ефим и Хаим – одно и то же. Эту разгадку я нашел через день.

Из Москвы к нам прилетел Леонид Когай, внук Златы, двоюродной сестры моего отца Давида.

Родственная связь между нами прослеживается давно, и вопросов нет. Рассказывая Леониду про вчерашнюю встречу, я сообщил ему:

– Дед моей бабушки – тоже Моисей, – говорит Леонид, показывая мне в компьютере схему семейного дерева, которое он построил.

В самом ее верху – Моисей. От него идет линия к Айзику, от Айзика – к Злате, от Златы – к Белле, от Беллы – к Леониду, который сидит рядом со мной. Стоп, стоп, стоп.... Я ведь хорошо знаю, что мой дед Залман родной брат Айзика. А если Моисей отец Айзика, значит, и... Залмана, моего деда. А отец Файбуса, деда Галины, тоже Моисей, за которого она поднимала тост... И то, что Айзик и Фейбус родные братья – известно давно. Если Залман родной брат Айзика, то он такой же брат и Файбуса?!

И если у нас общий прадед Моисей, и наши деды – мой Залман и ее Файбус – родные братья, потерявшие друг друга более ста с лишним лет тому назад, то мы – троюродные брат и сестра.

Сомнений больше не было.

Евреев здесь нет, осталась только речка...

– Поедем в Прянички? – спрашивает Галина. Найдя могилу своего двоюродного деда Соломона в далеком Харбине и посвятив книгу истории семьи, она снова загорелась. На ответ у меня было максимум пара секунд. Я должен был мгновенно принять решение. Ехать ли на литературный фестиваль «Русский стиль», где в числе трех писателей мне должны были вручить медаль за книгу «От Михалина до Иерусалима», как победителю конкурса МГП «Книга-2016», получить там свежие издания с моими материалами, встретиться с русскоязычными литераторами из многих стран, окунуться в яркий праздник литературы и искусства, получить тот громадный импульс, который так нужен писателю, особенно на первых порах.

Или все это отодвинуть в сторону и уехать на самый восток Беларуси, в деревушку Прянички, затерявшуюся среди лесов, полей и рек? Но это село Прянички Галина Климова искала всю жизнь, не зная, в какой части света оно находится, знала только, что оттуда ее отцовский род... И вот на горизонте появился я, сообщивший, где точно находятся наши заповедные Прянички. Глядя в выжидающие, такие златкинские глаза моей только что обретенной сестры, я выдохнул:

– В Прянички? Едем!

Фестивали «Русский стиль» еще будут, как и встречи с коллегами, а второй такой поездки не просто с сестрой, а с известным московским литератором, поэтессой, с ее мужем – Сергеем Надеевым и всей ее

семьей больше никогда не состоится. Никогда! Это единственный шанс вместе почувствовать родные корни и прожить хотя бы один день совместной жизнью – как в семье.

Я понимал, чтобы помчаться из Москвы в белорусскую тьму тараканью, к черту на кулички, нужно быть ненормальными, точнее – сумасшедшими людьми. Опять вспомнилась «Юрская глина», когда Галя нашла в Харбине на еврейском кладбище могилу своего двоюродного деда Соломона, вырвавшись всего на несколько часов из Пекина. Я ее понимал. Но, чтобы такими же одержимыми были и ее родные, чтобы они так же жили ее жизнью, чтобы так сопереживали? Это невероятно! Родство душ Галины и Сергея, Ярослава и Наташи меня просто поразило! Потому, что члены моей семьи, которых я, естественно, люблю, не понимали меня, даже слегка подтрунивали: мол, что ты там найдешь, что осталось за прошедшие 100-150 лет? Какие следы? Какие корни?

И вот я в Климовичах, до деревни Прянички рукой подать.

– Ваши уже приехали, спрашивали о вас, – с улыбкой говорит мне администратор гостиницы.

Как же быстро пролетело время! Даже и не заметил. Я понимал, что Галя со своей командой – народ организованный и дисциплинированный, но, чтобы приехать на машине почти за 700 километров из Москвы в Климовичи минута в минуту, не мог даже представить...Так же, как поверить в то, что,

расставшись на залитой ярким солнцем тель-авивской набережной, мы встретимся на тихой зеленой улице, возле бывшего дворца князя Мещерского в родных Климовичах...Невероятно!

И наступил день, ради которого я мчался из-за моря, а мои родные – из самой Москвы. Утро, маленький городок, где прошло мое детство и откуда я уехал в Израиль, спит. В деревянном кружеве бывший дворец князя Мещерского, рядом раскинулся прекрасный старинный парк...

Расскажи, расскажи о себе, дворец! Как на фаэтонах подкатывали к тебе местные дворяне и прочие знатные особы. А ты, тенистый парк, вспомни, как по твоим аллеям прогуливались гимназистки, а в павильоны, похожие на парижские, заходили богатые горожане, а с ними – дамы в шляпках.

Напротив парка – каменное здание сегодняшней редакции, с балкона которого революционный матрос Жбанков объявил, что в городе вся власть переходит Советам. Это было в 1918-м. А в ноябре 1941-го года погнали по городу обреченных евреев на казнь. Были те, кто сочувствовал, а были и те, кто потом давился в очереди, чтобы заполучить снятую с них одежду. Евреев защитить было некому: более сотни молодых жителей еврейского местечка Михалин, как и города Климовичи, еще летом ушли на фронт...

Знакомые повороты дорог мелькают один за другим. Мы мчимся по Варшавскому шоссе, как называли его в детстве. Остается позади село

Полошково, приближаемся к Киселевой Буде. Сколько же сотен или тысяч километров я наездил здесь на редакционном «газике», не представляя, что в 2016-м году в этих местах буду искать родовые корни?

Дорога петляет мимо лесов, мимо зеленых полей. До чего же здесь красива природа! А название села? Прянички! Что-то ласковое, приятное, милое в этом названии. Где же наши корни? Где?

Прошли не годы и не десятилетия. Почти двести лет. Наши две машины останавливаются возле старой хаты.

«Старые Прянички, Новые Прянички –
Пряников нет.

Речка да кладбище, постное пастбище,
Бархатцев цвет.

Где здесь хозяйство Моше-сапожника,
Кожа, колодки, клей?

То-то в балетках и даже в баретках
Легче и веселей.

Окна повыбиты, крыша проломлена,
Есть кто живой, отвечай?

Мы, на словах, двести лет возвращаемся,
К прадеду едем на чай.

В доме как в коме: ни взгляда, ни отклика,
Выдохлась тишина.
Здесь на юру родового беспамятства
Обувь уже не нужна.

Новые Прянички, Старые Прянички –
Нет никаких:
Мятных, медовых и шоколадных,
И комсомольских, и городских.

Вот такие стихи пришлет мне позже Галина
Климова.

А тогда, присев на трухлявую, старую-престарую скамейку, вернувшись на родину своего прадеда Моисея, она почувствовала кровную связь с ним. И защемило сердце, точно также, как на могиле Соломона в далеком Харбине. Здесь совсем иное, даже ближе: Моисей-Файбус-Даниель и она, Галина.

Какая же это радость и какая боль,
Вернуться к своим корням вновь.

– Возникают у меня новые две строки.

Притих Ярослав, праправнук Моисея, он первый из поколения наших детей приехал сюда... Понимает мужа, склонив голову на его плечо, Наташа. Не понимала бы, не разделила с ним все тяготы нелегкой и долгой дороги, меняя его за рулем автомобиля. Сергей Надеев – поэтическая душа, русский человек, может, впервые притих к корням бывшего еврейского местечка. И ощутил, как мир – един, как все люди связаны между собой. Даже через время и расстояние.

Мой друг детства Леонид Рыжиков, сегодня уже столичный человек, тоже молчит. Как это все передать словами, душой, сердцем?

Жили-были здесь когда-то Моисей, его жена и их тринадцать детей. И ушли. Куда? Как найти их следы, на каких дорогах? Вот о чем мы думали, пока бродили по тропинке, по полю, рядом с кладбищем, мимо старых хат и берез. Бродили, бродили, бродили. Вдалеке голубеет река Остер. Я вновь вспоминаю свои строки, написанные ранее:

*«Прошедший век не изменил местечко,
Оно называется теперь селом,
Евреев там нет, осталась только речка,
Она, как и раньше, пробегает за углом.*

*И воздух тот же, и белорусский говор,
И поля, что раскинулись вокруг,
Мы сюда приедем, приедем скоро,
И пойдем все вместе на зеленый луг.*

*Сверкали здесь босыми ногами ребятишки.
Среди них был точно и Моисей, наш прадед!
Мы напишем обязательно про него*

в наших книжках.

Только, где найти на все вопросы нам ответ?

*Мы расскажем про его сыновей и их дороги,
И про всех, кто остался от нашей родни,
Но как сказать ему, как сказать, что убили многих,
Ни детей, ни внуков его не сберегли...*

Мы уезжаем.

Прянички остались в белорусской дали.

А в Израиле поплыли облака над морем,

Галина Даниелевна, ты здесь стала просто Галей,

С тобой мы вернулись к нашему роду,» –

Евреев здесь нет, осталась только речка.

Хочу сказать эти слова милой Галине, моей нашедшейся сестре. Мысли и чувства переполняют меня. Трудно все осознать, понять, принять.

Мы впитываем лесной воздух и речную гладь, наслаждаемся почти первозданной красотой Пряничков, которые уходят все дальше за горизонт. Глаза на мокром месте. Понимаем, что заканчивается что-то особенное, необычное, что еще нужно осознать, пережить, пропустить через душу.

«Климовичи, Прянички меня не отпускают, вспоминаю, думаю, как они там жили... как судьба

привела меня туда, как мы с тобой нашли друг друга. Одно слово – судьба. Видимо, Господь Бог так решил и – все получилось!» – такие строки я получил от Галины через некоторое время.

В Израиль я улетал на следующий день. Золотой лес стоял стеной, а пожелтевшие, скошенные поля напоминали о приближающейся осени. Через два с половиной часа засиял огнями Тель-Авив.

Тель-Авив, Израиль.

Книга II

Местечковские рассказы

Вступление

Историю не повернуть, и жизнь не остановить. Бежит она полноводной рекой, уносит с собой последнюю память о бывших еврейских местечках. Изменяет их до неузнаваемости. Вы спросите: кому нужна эта память? Мне! Может быть, вам, вашим детям и внукам. Эх-х, зря качаете головами. Вы сегодня живете в Израиле или в Америке, в Германии или в России? Вполне успешны? Жизнь наполнена работой, встречами, поездками? Тогда почему иногда вспоминается прошлое? И разве важно, что? Бывшее местечко, старая синагога или молодость? В первые годы репатриации я ничего не вспоминал, у меня все куда-то ушло...

– Я в другой стране, зачем мне прошлое? – говорил сам себе.

Но с годами прошлое стало воспоминаться все чаще. Трижды приезжал за прошедшие четверть века в Михалин, Бродил по пыльным улицам и, словно наяву, видел живших здесь когда-то евреев. Видел их лица, жесты, мимику, улыбки. Слышал их смех...Оживали в памяти юмор и грусть, лукавство и шутки бывших соседей.

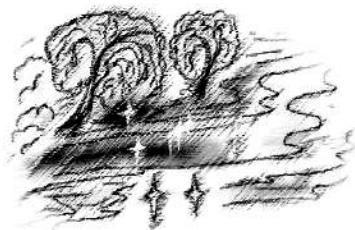
Мои михалинцы, чем-то напоминающие героев Шолом-Алейхема, будто окружали меня. Я ходил от одного дома к другому, от улицы к улице, наполняя свой блокнот записями. Невероятно! Через годы я все

вспомнил. Правда, сегодняшнее местечко было бледной копией прежних, довоенных местечек. Ни синагоги, ни еврейской школы, а самое главное, без вечно спешащих и вечно спорящих, непоседливых и неутомимых его жителей.

Еврейское местечко в конце 1950-х годов представляло собой всего десяток еврейских семей. Это все, что осталось... Чудом уцелевшие осколки массово уничтоженного еврейского народа, евреи налаживали свою жизнь. А она была нелегка!

Вы спросите, что помогало? Я вам отвечу. юмор и надежда на лучшее. Хотите, расскажу о последних евреях Михалина? Я ведь оттуда, из самой глубинки...Приготовились?

Тогда начнем. Тем более, что герои моих рассказов не вымышленные люди. Кое-кто узнал бы в них и себя, но, к сожалению, уже нет с нами... никого. Надеюсь, дети или родные узнают. Правда, я добавил некоторые художественные детали, которые могли бы быть, но не были. Или были, но на них не обращали внимание.

Михалин – золотое дно

– О-о, да ты не знаешь, что такое Михалин?

– Залманэ, ты знаешь?

Зяма Любан, рыжеволосый, огромный, не расстающийся никогда с пугой (как-никак хранитель всех заводских коней), обращается к моему деду Залману. Залман что-то хмыкает в ответ, не зная, что сказать. Зяма присаживается поудобнее на скамейке, обнимает меня своими громадными руками – он только что ими ласкал коней – и, наклонившись, говорит:

– Михалин – это золотое дно, запомни это, аидише кинд (еврейский мальчик).

Я только что приехал из села Красавичи. Впервые приехал в гости к деду, и все для меня здесь непривычно и ново. Посреди комнаты на электрическом проводе, обвитом клейкой лентой, на которой намертво застыли мухи, висит маленькая лампочка. Но свет от нее льется по всему дому.

В Красавичах коптит керосиновая лампа. Да разве только у нас? У каждого селянина. Лампа стоит или на столе, или ее на подставке прикрепляют к стене. Лампу берегут, как зеницу ока. Мать газеткой ее протирает и, наконец, торжественно ставит на стол. Чаще всего, с разбитым стеклом, вверх которого обклеивают бумагой. Ведь стеклом не запасешься, то упадет, то треснет – слабое, хрупкое оно! Рядом с лампой еще можно что-то разглядеть, а дальше к порогу – потемки....

В Михалине – совсем другое дело. Хоть лампа вместе с проводом и обгажена мухами, но светит шикарно! Смотрю на нее и думаю: нужно завтра с самого утра поискать золотое дно, о котором проговорился Зяма. Может, дед подскажет, где оно? Думаю, вот будет радость для всех в Красавичах: маминых подруг по школе Демьяновны и Безносенки, для Степы, учителя физкультуры, для соседа Сеньки Прудникова, для всех-всех красавлян. Привезу что-то с золотого дна домой. Заявлюсь в сельмаг и скажу сердитому завмагу: «Хватит говорить, что нет муки. Привези ее много-много и раздай.

По наволочке каждому, чтобы всем хватило».

Что еще?

Есть у нас в деревне Миколиха. Самая бедная, солдатка, трое детей. Заходишь в дом. Но вначале – сарай со скотиной. Переступаешь порог, а пол в хате такой холодный-холодный – земляной. Нет денег у солдатки на деревянный пол.

Что еще, если найду золотое дно? Обязательно помогу ей сделать деревянный пол, чтобы мои младшие братья могли играть внизу, а не только сидеть на печке. Нужно еще дорогу проложить от города до Красавичей. Сейчас – одна грязь. Грязь непролазная. Сядет Миколиха, у которой мы квартируем, на лавку и накручивает на ноги онучи (что-то в роде портянок). Обувка – лапти. Старые лапти – на ноги, а новенькие, еще пахнущие свежестью, – через плечо. А что будет потом?

Колобком, колобком покатаются все из села Красавичи в город по новой дороге.

– Деду, деду, – наклоняюсь к его бороде, – просыпайся. Где в Михалине золотое дно? Идем, идем быстрее.

Дед будто этого и ждал. Фуфайку на плечи, два ведра в руки, одно – мне.

– Пойдем, пойдем, Галик, – так он меня всегда зовет (от Алика, как называют в семье).
Утро. Над Михалином еще не рассеялся туман. По обе стороны – сад. Антоновки, налитые, зеленые, свисают до земли. Под неодобрительный взгляд деда срываю два яблока. Одно жую по дороге, второе – на запас. И чего он, думаю, смотрит косо? Сколько здесь этих антоновок? Целый сад! А у нас в Красавичах – ни яблочка. Квартира не наша. Что-то, конечно, посадили, когда еще вырастет? У соседей все загорожено, а вверху торчат острые колья.

– Дед, дед, сам живешь возле золотого дна, а недоволен, что два яблока сорвал, – думаю про себя. – Ну, ничего, мне бы только узнать, где оно, золотое дно? Поделюсь с ним, конечно. Поделюсь!

Первый сказал про золотое дно Зяма. И ему нужно что-то дать.

Рядом спускаются по дороге женщины и мужчины. Все – с ведрами. И все – спешат!

– Ну-у, и они узнали про золотое дно? И они его все ищут? – злюсь на них.

Вот и закончился колхозный сад. Густая трава колыхается на ветру. Полевая дорога поворачивает

налево, где за озером соседняя улица. Прямо – несколько рядов столбов. На них – широкие желоба, по которым течет вязкая желто-золотистая жидкость, попадая дальше в кормушки откормочной фермы. Переливаясь через края в канаву, она заполняет ее.

– Галик, ты спрашивал, где в Михалине золотое дно? Вот оно!

– Оно? Эта жидкость, над которой поднимается теплый пар? Совсем не похоже на золотое дно. Совсем не похоже.

Дед наполнил ведра.

– О-о, какая бражка! Сам бы выпил, да коровка не простит. Мы коровку накормим-напоим, сколько молока будет! – говорит дед Залман.

Я тащу свое ведро с бражкой. Рядом топают знакомый мне Зяма.

– Ну как, золотое дно? – смеется он. – Залманэ, не опоздай, сегодня будем распахивать землю за садом, – кричит кто-то через дорогу.

– Это Эли. Не дай ему поесть, дай постоять за плугом, – говорит Залман. Его лицо становится добрым, точно, как у моего отца. Вот только, если отмыть деда от бражки – и руки, и бороду, – будет еще больше похож.

Мы поднимаемся по дороге вверх. Над Михалином уже взошло солнце. Колечки дыма над домами, все тоньше и тоньше.

– Моя Ханеле справилась, – довольно замечает Залман, видя, как над крышей его дома дымок почти не вьется. Я думаю, что снова мы будем в Красавичах без муки.

Из чего мама будет печь хлеб? И новой дороги не будет. Те же лампы останутся в наших домах.

Прошли годы, я снова в Михалине. Мне кажется, что окна бывшего нашего красного домика, чем то похожи на глаза ... нашей мамы. На такие мягкие еврейские глаза - грустные и все понимающие. Почему грустные окна бывшего нашего дома? Почему грустные окна других бывших еврейских домов? Вы что не понимаете? Тогда я вам отвечу! Мы ведь в них жили поколениями, срослись с ними, стали одним целым. Дома стали даже чем-то похожими на своих хозяев. И вот... мы уехали отсюда навсегда! А если я открою калитку? Увижу отца, мать, братьев? Услышу вечный вопрос: «Ехать нам надо?»

– Надо, надо! – начнет отец бить в ладоши.

Мне это кажется? Или нет? Мои уже все уехали отсюда давно, а я вернулся в местечко через 25 лет. Возле домов – разошедшиеся скамейки, на которых сидели старые евреи. На голове каждого из них – картуз. Живя в Белоруссии, они не носили кипы, но с непокрытой головой не ходили. На исходе пятницы мой дед Залман выходил на скамейку возле дома. Для него начинался шабат. Не было ни синагоги, ни праздничной белой скатерти, ни торжественного ужина, но он всегда был в белой рубашке. Ну, что из того, что она стиранная-перестиранный? Все равно, годами он в ней встречал субботний вечер. С нетерпением посматривал на небо, когда же на нем загорится субботняя звезда? Как только она появлялась, приглашал нас на белый батон

вместо халы. Где она была в наших краях и в то время?

Еврей-балагуры, шутники, ушли один за другим. Сад, что каждую весну радовал белым цветением, исчез. Вместо него – новые жильцы. Я хочу подойти к ним и рассказать о тех, кто здесь жил и как хотел найти золотое дно? Только теперь я понимаю, что настоящим золотым кладом были старые еврейские жители Михалина, которые чудом остались после войны.

К селу Красавичи давно сделали дорогу и провели электричество. Моя детская мечта о помощи, так и осталась мечтой. А я – сегодня старше своего деда Залмана, везде ищу его следы. Каждый раз, когда я приезжаю в местечко, над ним вижу... дым колечком. И каждый раз мне улыбается субботняя звезда.

***Только не пойму, почему она такая грустная,
как и окна наших бывших домов.***

Или мне так кажется?

Рыжик со взрослым именем Феликс

Скажите, какие бывают евреи? Богатые и бедные. Правильно, но это полный ответ. Как и все люди – старые и молодые, добрые и не очень и т. д. и т. п.

С этими утверждениями можно согласиться отчасти. Но я бы евреев разделил на брюнетов и на... всех остальных.

– Папа – гыжий, мама – гыжий, гыжий и я сам, всю семью я узнаю по гыжим волосам, – скачет на одной ноге с высунутым языком михалинская девчушка. Идка, у которой волосы, как солнце – золотые-золотые, а сама она усеяна – и лицо, и руки – сотнями маленьких золотинок, только зло посмотрела на подружку.

Малышка крутанулась и умчалась домой, боясь получить подзатыльник. Очень уже сердитой была сегодня ее старшая подружка. Раньше только хохотала над этой песней, даже подпевала, когда они, вскарабкавшись на незаконченный сруб, болтали босыми ногами. Нет, Идка сегодня была явно не в духе. Выскочила на улицу, кому-то сердито погрозила пальцем и даже прикрикнула. На что уже сама была оторви-голова и забияка, но раньше такого себе не позволяла. Никогда.

А сейчас забежала в дом, тут же выскочила оттуда на крылечко и громко заплакала. На весь Михалин. Атаманша Идка плакала, не стеснялась никого, размазывая слезы, руками по лицу. Она не знала, что делать, но знала, что ничего не делать тоже нельзя. Сама она могла только плакать.

В комнате лежал ее младший брат, избитый, с синяками по всему лицу. Его рыжие волосы свалялись в какой-то грязный колтун. Он стал будто еще меньше, но глаза расширены, в них – ужас происшедшего. Мать Сима причитала, заламывала руки. Отец Зяма только смотрел из-под бровей и постукивал об пол каблуками сапог. Старший сын Фима нагнулся к младшему:

– Кто тебя так?

– Ленька.

– За что?

– А я знаю?! Вначале обзывался, как всегда. Ребята захохотали, а он стал бить.

– И никто не заступился?

– Он же старше всех.

Фима знал Леню. Он жил в маленьком домике с матерью. Злобился на всех, хотя был одним из старших в Михалине, уже начал работать.

Зяма покачал головой, вспоминая, как бежал из Милославичей во время войны, как надеялся, что теперь-то в еврейском Михалине его детям будет спокойно. Только евреев в Михалине осталось всего несколько семей, и те мозолили глаза некоторым.

Фима вскинул голову и вышел из дома. Высокий, крепкий, рыжий-рыжий, сейчас он был почти черным-черным. Он знал, что делать, знал, куда идти. На большак, на березовый большак. Там, где корчился от боли его младший брат под ударами местного бандита, уверовавшего в то, что он здесь сильнее всех.

Вечер наступил рано, березовые сережки щекотали щеки и лоб, когда он прислонился к дереву. Фима хотел только одного: спросить, в чем провинился младший брат и за что его так избили? Но руки уже чесались отомстить.

– Стой. Поговорить надо, – задержал Фима великовозрастного детину.

– А-а, ж-ы-ы-д, и ты хочешь по морде? – сразу же озверел он.

– Переговоров не будет и пощады тоже, – жестко ответил Фима, сбивая его с ног.

Не знал Ленька, ой, не знал, что этот Фима с огненной гривой качал мускулы в конюшне, и именно лошади приучили его к мгновенной реакции и быстрой, когда он, ухватившись за холку, мчался на конях по зеленым лугам Михалина. Просчитался обидчик, ой, как просчитался. Напротив него стоял не робкий паренек, а боец.

Поздним вечером, когда Михалин спал после трудового дня, Фима сошелся один на один с бандюгой.

– Не обижай маленьких! Не обижай, а евреев тем более, – вкладывал эти слова в свои сильные кулаки.

– Что с тобой? – заволновался Феликс, наутро увидев ссадины на лице брата.

– Да ничего, все нормально. Ленька будет тебя обходить теперь за 100 километров.

Вскоре Ленька уехал из Михалина навсегда – избиения малолетки не простили ему ни соседи, ни друзья. Да и ходить под зорким взглядом Фимы, ему было малоприятно. А маленький рыжик с взрослым именем Феликс стал красивым статным парнем. Еще много лет он приезжает в Михалин: вначале курсантом военного училища, а позже лейтенантом, майором, подполковником. А потом навсегда оставляет родной Михалин, который ему часто снится долгими немецкими вечерами.

– Ты даже не представляешь, как бы я хотел получить твою книгу о Михалине, – пишет он мне, вспоминая, конечно, свой дом, окруженный сливовым садом, родных, и менее всего тот дикий случай.

Ты уже извини, Феликс, что я напоминаю тебе об этом. Но теперь ты знаешь, как поступил тогда твой старший брат.

Позвони ему в Штутгарт, ведь ему уже за семьдесят пять.

Масей и Цыля

– Цыленька, Цыленька, ты посмотри, кто к нам пришел!

Маленький, худенький с острым подбородком, поросшим сединой, поднимается мне навстречу Масей. Хочет шагнуть вперед, но на пути стоит раскаленная железная печка с трубой. Чтобы не обжечься, он машет рукой, мол, проходи здесь. Но здесь, т.е. справа, стоит железная кровать. Слева – небольшой кухонный столик. Хозяина это не смущает. Он не стесняется своего убогого жилья. Другого жилья никогда не имел и не видел. В годы войны слабый и больной Масей трудился в тылу на тяжелейших работах, где потерял последнее здоровье.

Стеснительная женщина по имени Цыля, бывшая машинистка из военного госпиталя, при первой встрече, увидев его измученную улыбку, долго не раздумывала. Оба случайно выжили во время Катастрофы. Оба одиноки, а вместе – опора друг другу. Создали семью. Правда, в городе жил родной брат Гриша, а у нее – какая-то племянница. Но это же не своя семья?!

С этого момента каждый из них был не одинок. Стали жить вместе. Не просто жить – дышать вместе! Чувствовать вместе все, что и кто их окружает. А

окружали их в местечке несколько еврейских семей и понаехавшие после войны в Михалин белорусы.

Наскребли какие-то гроши, купили небольшой сарайчик. Разобрали, и на его месте поставили хатку. Она была самая маленькая не только в местечке, но и в окрестных селах. С низкой крышей, залатанной рубероидом, с подслеповатыми окошками и крошечным коридорчиком. Но Масей и Цыля были довольны своим жильем. Еще как довольны! Все свое, что хочу, то и делаю. Когда хочу, тогда и встаю...

– Алинька, проходи, проходи Алинька, – приглашает меня Цыля, появляясь откуда-то из темноты. Она ко всем обращается так ласково. Глаза добрые, свои. Как у моей мамы.

– Ой-вей, ой-вей, – качает головой Масей, – хорошо живет еврей, хорошо живет еврей!

Цыля не понимает, что он имеет в виду. Для нее – все хорошо! Домик маленький, но свой. А был бы больше – и ставить нечего. И топлива нужно было бы больше, и воды, чтобы чаще мыть в доме.

– Цыленька, у нас есть марципаны для нашего гостя? – смеется Масей, а глаза, если посмотреть вглубь, влажные.

– Что он смеется и плачет? – думаю я.

Хочу вспомнить, где и когда я видел такие глаза. У мамы. Да! Она, как заведенная. С утра до вечера. А вечером, когда валится с ног, смотрит на нас такими же глазами. Где еще я видел такие глаза? Где? У кого? У цыганки... Да, у цыганки.

В село Красавичи, где мы жили в пятидесятые годы, как-то забрела цыганка. В цветастых шالях, она шла от дома к дому и громким гортанным голосом предлагала погадать.

– Давай ее погоним отсюда, давай, – предложил задиристый Федя, и его на лице запылала веснушки.

Погнали! По пыльной дороге. Впереди – Федя с собакой. Я, тогда дошкольник, бежал вслед за всеми, не понимая, куда и для чего. Когда догнал тех, кто был впереди, увидел, как цыганка, прислонилась к забору, выставила вперед руку и что-то говорит. Сбросила с себя шаль, тяжело дышит.

– Она совсем не страшная, не похожа на ведьму, как говорили соседи, – рассуждаю я про себя. – И волосы черные-черные, как у мамы! Ни у кого в селе я не видел таких черных волос. И вообще она больше, чем другие, похожа на маму, – думаю я и делаю шаг к цыганке, чтобы как-то ее защитить.

– А ты что с ними делаешь? Не ходи с ними. Не ходи, – вдруг она мне грозит пальцем. И прямо сверлит своими глазами. Глазами, полными слез.

– Цыганку пожалел, цыганку пожалел, – смеются надо мной пацаны.

Где еще я видел такие глаза, как у Масея? Где?.. Да-да, помню. Когда в селе Красавичи празднуют Пасху, и вся детвора высыпает на выгон в новых сатиновых рубашках, которые парусами вздымаются от ветра, именно тогда приезжает Лейба. Он живет в большом местечке. Весной, когда подсыхают дороги,

всегда приезжает к нам. Вот и сейчас на своей повозке, которая дребезжит, как пустая бочка, он въезжает в Красавичи. Мы бежим за ним с криками: «Тряпки, кости, ведра, медь, начинает Лейба петь!» И так во второй раз. И в третий. И без конца...

Лейба берет все: тряпки, тазы, всякую рухлядь. Дает желтые медяки и обязательно свистки. Принимая от меня какой-то пакет, он вдруг встрепенулся, будто его ударили. Видимо, увидев меня, черноволосого еврейского мальчугана в сельской глуши среди белоголовых сверстников, он поразился больше всего.

– Вот тебе свисток, вот еще свисток, вот еще, – одарил он меня, поглаживая по голове.

Да-да... В его глазах такие же слезы, как у цыганки, как у Масея. Такие же! Не знаю, почему мне это все вспомнилось. Не знаю. Видимо, похожие судьбы у этих – людей. Нелегкие судьбы...

За окном завывала метель. Колючий снег бил по стеклу. А мы едим марципаны. Вы не знаете, что это такое? Тогда я вам расскажу, какие марципаны подает Цыля. Подает на небольшой тарелочке. На крошечном столике – несколько картофелин в мундире, щепотка соли и пара кусочков хлеба. Всем видом хозяйка показывает – чем богаты, тем и рады.

Мы недавно переехали в Михалин из села Красавичи. Мать потеряла работу в школе, а с отцом, инвалидом войны, на новом месте вообще никто не хочет разговаривать. Даже молодые, здоровые не могут найти работу в райцентре.

Я беру половину картофелины, а хлеб? Хлеб не могу. В начале шестидесятых годов в Белоруссии были большие перебои с хлебом. Люди часами стояли в очередях. Падали в очередях, чтобы дождаться буханки хлеба. Черного, клейкого, непеченного хлеба. Вот в такой очереди и я вчера стоял вместе с Цылей. Стоял три часа. После этого я мог протянуть руку за хлебом? Зачем он нам? Мы снимаем кожуру с картошки. Цыля испекла ее в печи, на углях. Ой-ой, какая она румяная! А если еще солью приправить? Скажите, есть что-то вкуснее на свете? Нет, нигде нет!

– Кра-со-та, – качает головой Масей. На его седой бороде подпрыгивают картофельные крошки, словно танцуют.

– Ой-ой-ой, – заливается от смеха Цыля.

Я раньше не замечал, какая она красивая. Белое лицо, черные брови, длинные черные волосы. Так напоминает маму.

Масей, закончив трапезу, тихо напевает «Ой-вей, ой-вей, хорошо живет еврей». Делает перерыв на песню, когда очередной маленький гвоздик берет за шляпку губами. Простите, я же вам не сказал, что Масей – наш местечковый сапожник. Я принес ему свои кирзовые сапоги, которые мне служили не первую зиму. Батя купил их на вырост, чтобы я сам поносил несколько лет, а потом еще и младшим братьям передал. А сапоги взяли, да и развалились – подметка отскочила.

Масей достает изо рта гвоздик и затягивает свою песню «Ой-вей, ой-вей...». Забьет один, второй, третий гвоздик... Примерит подметку. Цыля сидит возле теплой печки, но замечаю, будто ждет чего-то. Смотрит настороженно то в окно, то переводит взгляд на дверь.

Не понимаю. Думаю, кто-то еще должен принести обувь в ремонт? Хоть бы мои сапоги успел подбить...

И в этот момент по стеклу посыпался град. Цыля побледнела. Масей покраснел:

– Опять не дадут сегодня спать. Кто-то бросает снежки в окна. Постоянно бросает.

– Масей как-то вышел в темноте на улицу и получил в лицо несколько ударов, – говорит плачущим голосом Цыля.

Я выскакиваю на улицу – вдали чернеют убегающие фигурки. Никого не узнаю. Но ведь не приходят сюда бросать снежки из соседних сел или из города? Только те, кто живет рядом, издеваются над парой немолодых евреев. Кто-то из тех, кто ходит вместе со мной в школу. Кто-то возвращается вместе домой. Но кто?

Проходят годы. Мы взрослеем. Уезжаем учиться. Масей и Цыля приходят нас провожать.

Мы приезжаем на каникулы. Масей и Цыля приходят нас встречать. Уходим один за другим в армию – они сидят за нашим столом. Возвращаемся домой – они радуются вместе с нашими родителями.

Своих детей у них не было, но они знали наших жен и детей.

***Цыля и наша мама.
Цыля (слева) всегда была среди нас.***

Когда мы уезжали, долгими осенними и зимними днями Цыля сидела вместе с нашей мамой на скамейке в саду. Радовалась вместе с мамой, когда в заснеженную калитку стучал почтальон и приносил письма. Вместе читали, вместе веселились, а потом наперебой пересказывали новости отцу.

Мы были частью жизни Масаея и Цыли, а они – нашей.

И вот опять лето. Снова полон гостей родительский дом. И Цыля здесь! Среди нас. Среди детей и внуков! На столе – большая тарелка вишен,

смородины, яблок. Все едим. И Цыля с нами, как член семьи.

– Все, я домой, – поднимается она с места.

Мать, недолго думая, дает ей сливы, смородину. А Батя – человек, широкая душа, как его называет мать, ставит в сумку еще и банки варенья. Домой Цыля возвращается не одна! С нами!

В молодости высокая, стройная, она согнулась, как вопросительный знак. Выбрасывает вперед свою палку, а потом сама семенит за ней. Увидит встречного, радостно улыбается, подняв голову с развевающимися седыми волосами.

– Добрый день Настенька, – открывает свой щербатый рот.

– Добрый день Сашенька, – продолжает дальше.

Не ждет их ответа, да они и не отвечают. Кто она для них? Бедная, старая еврейка... Одна из последних местечковых евреек, которые как-то задержались на земле.

– Не отвечают и не надо, пусть только окна не разбивают, – шепчет Цыля.

– Продолжают?

– Ага, – кивает Цыля.

Зимой летят снежки, летом – камни. Узнала, что бросает соседский Антон. Думала, подрастет, женится, и все закончится. Но нет, теперь продолжает бросать его младший брат со своей ватагой. Брат подрастает, а сын Антона уже крутится возле окон.

Слушаю ее и думаю: «Годами, десятилетиями издеваются над бедной семьей. Местные евреи хотели вмешаться, но Цыля просит, не надо, мол, хуже будет. Нужно по закону». Обращается в милицию, а там только посмеиваются.

– У тебя есть доказательства или фотографии, что именно эти люди разбили тебе окно?

– Нет.

– Уходи или заплатишь штраф за клевету.

Идем с Цылей по местечку, которое ей стало родным. Палочка впереди, за ней шаг. Снова палочка впереди, снова шаг! На лице – улыбка. В глазах тихая радость! Пусть хоть на миг видят все, что она не одна. тоже вижу Цылю. Только другой. Не сегодняшнюю. А ту, которую увидел в первый раз....

Открылась дверь, и в дом вошли мужчина в поношенной солдатской одежде и женщина в каком-то старомодном платье.

– Давидка, пришли познакомиться с твоей семьей, – произносит женщина.

– А я вас сразу и не узнал – говорит отец.

Чувствуется, что они надели самое лучшее – ведь в гости пришли. Худые, с горящими глазами, с быстрыми движениями, чем-то напоминающие наших родителей.

Когда мы жили в Красавичах, к нам часто заходили соседи. Но они были другие: светловолосые, степенные, с большими руками, в кожихах.

– Мама, кто это, кто? – налетели мы на нее, когда Цыля и Масей ушли домой.

– Это, – мать замялась на минутку.

– Это, дети мои, евреи, – быстро нашелся отец, – такие же, как мы.

Я уже знал, кто такие евреи. Мне в Красавичах не давали проходу, спрашивая, кто я? Еврей или жид?

– Я, еврей, – несколько подумав, отвечаю сельской ребятне.

– О-го-го, о-го-го, – катаются по земле от смеха мои, будто бы друзья, с которыми я играю в лапту, – сдохнешь скорей, сдохнешь скорей!

Я, конечно, не хотел сдохнуть. И быстро добавляю, что я жид, жид! Еще больше они катаются по земле, давясь от смеха, из-за того, что я сам себя обзываю.

– Будешь долго жить, долго жить, – выдают они мне расшифровку этого слова.

И я смеюсь с ними. Значит, правильно угадал! Правильно! Не ошибся. Сколько мне тогда было? Лет пять-шесть, не больше!

Словом, в этих двух неказистых людях мы увидели первых евреев в своей жизни. Конечно, кроме нас самих.

Незаметно подходим к домику Цыли. Он стал еще меньше. Высокий кустарник окружает его со всех сторон. Осталась только маленькая тропинка. Но в доме ничего не изменилось. Та же железная печка. Тот же маленький столик. А Масей? Он поет свою песню

«Ой-вей-ой-вей», улыбаясь беззубым ртом. Правда, обувь в ремонт мало кто приносит. Но он сидит и ждет. Все наготове – дратва, гвоздики, подметки.

Проходят еще годы. Еще годы... Цыля – в черном платье. В черном платке. И сама черная. Согнутая – страшно смотреть – заламывает руки.

– Нет Масея. Нет, нет, нет. Все закончилось, все, все...

К кому ей прийти в горе? В чей дом? Она и раньше редко заходила в дома белорусов. В еврейских домах ее тоже особо никто не принимал. А сейчас вообще никто не хочет смотреть на старую развалину.

Молчит мать. Молчит отец. Что скажешь? Дождь сильно стучит по крыше, по окнам. Будто злится на несправедливость.

– Ну почему Бог, даже, если ты и Бог, забрал Масея? По-че-му? Он ведь никогда и мухи не обидел. Жил тихо-тихо, ел мало-мало. Только дышал – никому не мешал

Окно разбивали – закрывал раму подушкой. Палкой колотили в дверь – ждал, пока устанут. Другой бы встал, пересчитал ребра обидчикам. Но это же соседская ребятня! Как посмотреть завтра в глаза их родителям? Дети балуются, некуда девать энергию. Одно им было веселье от скуки: кто быстрее попадет в окно.

– Масей был такой, какой есть, но он имел право на жизнь. Имел.

– А сейчас его нет, как не было, – рассуждает Цыля.

Цыля приходит к нам каждый день. Тоскливо ей одной дома, куда ни посмотрит – везде будто бы Масей. Частенько уходит в город. Через сугробы. Когда была возможность, просила подвезти. Но чаще пешком. В снег. В дождь. Цыля спешит, просит помочь родню. Нет, не деньгами – содействием, участием. Спешит поставить памятник Масею. Все сбережения, тратит на этот памятник. И какая-то просветленная, гордая, сообщает об этом при очередной встрече.

– Я поставила памятник Масею! Это была моя самая главная задача. А сейчас мне уже все равно, все равно.

В следующий раз мы увиделись с Цылей в Доме престарелых. Она сидела на кроватке. Маленькая, согнутая, привыкшая ко всему. Ожидающая только смерти. Единственная еврейка на весь Дом престарелых.

– Что мне теперь? Какая разница, как меня называют? Все мы здесь на пороге, – приговаривает она, такая сухонькая и седая. Волосы, словно пух.

– Вот фрукты из местечка, вот варенье мама передала, – сообщаем ей. И ее лицо оживает.

– Как Иринка? Как Давид? В местечке много яблок и слив? Лето! А мой домик? Мой домик еще стоит, стоит? – без остановки спрашивает Цыля.

– Иногда меня навещают родные. Но это же не рядом, – будто оправдывая их, говорит Цыля.

Ее похоронили на местном кладбище. Нет, не на еврейском кладбище. И не по еврейскому обычаю. Памятника на ее могиле нет. Ничего нет. Нет памятников даже на могилах других умерших. От них родные отказались еще при жизни. Что же говорить о Цыле, у которой были только дальние родственники.

На городском кладбище я не нашел могилы Масаея. Столько лет прошло?! Как будто их и не было. Ни Цыли, ни Масаея.

– Пусть мой рассказ станет им памятником, – думаю про себя.

– Да, Алинька, да, – словно слышу шепот Цыли.

Слышу, как Масей тихо затягивает песню:

«Ой-вей, ой-вей, как же может жить еврей, как же может жить еврей?»

Совсем другие слова.

Совсем другие. Может, он и раньше так пел, а я не слышал. Не слышал. Не слы-ша-л-л...

Звезды над Михалином

Наша местечковая ребятня, воспитанная улицей, была далекой от аристократических манер, не заботилась об этикете и нормах поведения.

– Идка, плюнь на грудь! Без моря жить не могу, – подбегает к рыжеволосой девчушке, которая не может стоять на месте от своей энергии, Левка из соседнего дома. Только что он выскочил из круга, мячом выбили.

Как бы ответила воспитанная горожанка на такую просьбу? Ушла бы домой в смущении. А что сделала Идка из местечка? Правильно! Она сделала то, что он просил, – плюнула. И так красиво, что надо еще уметь!

Хочет Левка, вытирая грудь. Хочет вся местечковая братия. Хотел бы обозвать ее, крикнуть в ответ что-то резкое, но где там. Крутнулась раз-два на пыльной дороге и умчалась куда-то. А вечером заявила, будто ничего и не было. Дома рядышком, через дорогу.

– А-а у вас гости? – видит незнакомого человека.

– Да проходи, Идка, проходи, – приглашает Малах.

Рыжая бестия, заскочив в дом, незаметно моргает, рожицы корчит Левке, мол, побежали на улицу, в городки некому играть. Дети убегают, а Малах смотрит-не посмотрится на своего брата.

Гость постукивает костяшками пальцев по столу и молчит. Не знает, что сказать. Водит глазами по дому. Простенькие занавески на окнах. Из мебели – стол, несколько табуреток, старенький шкаф, кровати да печка.

– Да-а, – говорит гость.

Хочет что-то добавить, но сильно сжимается сердце. Знал, что брат живет нелегко, но, чтобы так... Будто прочитав его мысли, Малах придвинулся к брату, приехавшему издалека.

– Да мы нормально живем. Без хлеба не сидим. Бульба и молоко – вволю. Скотины полно. Я не

последний человек в местечке! Заведующий фермой. Это и определенная власть, и положение. Дети растут, поднимаем их с женой.

Они вышли на улицу. В двух шагах, хоть глаза выколи, ничего не видно. Вдалеке светятся огни.

– Это моя ферма. Я на ней много лет заведующим, – говорит Малах, поправляя волосы.

Сам крепкий, твердо стоит на ногах, руки, как маленькие лопаточки. Если сожмет – не отпустит. Всю жизнь прожил в местечках. До войны – в местечке Милославичи, после войны – в Михалине. Не считался ни со временем, ни со здоровьем. А что видел в жизни? Только работа, работа, работа. Правда, кто не встретит на улице, почтительно здороваётся: «Лейбович, доброе утро». И так целый день. Если вдруг что случится на ферме, начальство – к нему, все к нему.

Малах еще раз взглянул на далекие огни фермы, одобрительно крякнул и предложил: «Пойдем к столу, там еще не все выпили».

Выпили, еще раз выпили, хорошо закусили. На столе все свое, крестьянское! Павел понимал, что Малах доволен своей жизнью. Так здесь живут все. И даже намного хуже. Есть те, кто хлеб видит не каждый день. А у брата возле дома нетронутые бурты. Не то, что у соседей, у которых ни бульбинки. Словом, крепкий хозяин.

В доме тихо стучали часы. На улице залаяли собаки. В окно вливался свежий поток воздуха. Идиллия...

– Завтра я тебя познакомлю с нашими лесами. Грибы, ягоды...Ты же любил их собирать в детстве? – спрашивает Малах, чувствуя, что брата что-то гложет.

Примеряет мундир, который привез ему Павел. Любит военную форму. Натянет на себя гимнастерку, брюки, поверх неширокий командирский ремень. Сразу видно, что «не принеси-унеси», а важный человек. На столе только бумажки от гостинцев – все расхватала детвора!

– А дальше что? – думает Павел, – по конфетке, шоколадке.

Здравствуй и до свидания. Был дядька и уехал. Все. Нет, нужно что-то предложить! Жизнь Малаха изменить нельзя. Но жизнь детей? Детей можно, особенно мальчишек. Сам шибко не грамотен. Но столько уже лет служу в армии старшиной. Нелегко, конечно! Но сытый, накрытый и не в местечке.

Утром племянники опять налетели на него. Загорелые, с облупленными носами, веснушки так и пляшут от радости на их лицах. Хлопцы, видно, не маменькины сыночки. Жилистые, закаленные, своими босыми ногами измерили вокруг все местечковые стежки-дорожки. Павел прижимает к себе мальчуганов, хоть до этого ни разу не видел, но почувствовал в их глазах, во всем теле, что-то свое, родное, кровное. Такие же, как он и Малах, с выразительными чертами лица, длиннорукие. Ходят вперевалку. Светловолосые, сразу и не скажешь, что еврейского рода-племени.

– А что если, а что если? – вдруг нашелся у него ответ на тот вопрос, мол, чем я могу им облегчить жизнь, как вырвать из местечка? Это раньше, до войны и после нее, местечко для евреев было надежным якорем в море бурлящей жизни. Теперь время больших городов. Еврейские местечки – для отживающих свою жизнь стариков. Для тех, кому трудно отсюда сняться.

– Вот что, мои гвардейцы, – обнял своих племянников, – не пойти ли вам в военное училище? Нелегко будет, даже трудно. Но вам-то после местечка? После такой закалки будет намного легче, чем городским. Будете на государственном обеспечении – кормежка, одежда.

Младший Лева жалостливо посмотрел на маму и шмыгнул носом.

– Ну, ну, еще генералом будешь! Почему бы и нет? Конечно, будешь! Только вначале школу закончи. И хорошо!

Лева подошел к маме, обнял ее. Меньше его, только сестра Аня. Из дома – да в военное училище? Люба неодобрительно посмотрела на гостя.

– Армия на всю жизнь. Ты это уже загнул!

А Малах принарядился в поношенную, но еще в очень хорошую военную форму, подаренную братом. Прошелся по дому в добротных армейских сапогах. Топнул ногой раз, два. Поправил широкий ремень. Подморгнул, как заговорщик, брату:

– Почему бы и не пойти в военное училище? Ведь после него – они должны быть только полковники-генералы. И не меньше!

Сыновья засмеялись, зашмыгали носами и, блестя голыми пятками, побежали на улицу.

– В колхозные амбары завезли свежее сено. Какие норы там можно сделать и прятаться друг от друга, – шушукаются по дороге.

Время шло. Дети подрастали. По дороге в школу Лев обязательно заходил за своим одноклассником и другом детства Яковом. Он посильнее его в математике, физике, и идет на медаль. Но Яша меньше всего думает о медали.

– Левка, осталось 20 минут. Успеем, только бегом через колхозные сады.

Школьные сумки за плечи, ноги в руки – и понеслись: кто быстрее?

Лев станет генералом, как и мечтал об этом его отец. По приезде в Израиль скажет своему другу Якову:

– Если бы не твои пробежки, я бы не выдержал ежедневных кроссов в училище и пришлось бы его бросить.

Но тогда, во времена местечкового детства, братья Женя и Лева даже и не думали о военной карьере. Первым уехал из дома старший Женя. Малах подвез его на лошади к железнодорожному вокзалу. Зеленели пышные кроны деревьев. Все было знакомым и родным. Сын решил стать заводским рабочим, пойти

учиться в техническое училище. Радовалась мама. Ой, как радовалась! Не будет постоянно в армии.

Но через два года Женя вдруг заявляет:

– Я решил пойти в военное училище.

Лейтенантские звездочки горели на погонах старшего сына, когда курсантом этого же военного училища стал ... младший сын. Женя – это же огонь! Рот нараспашку: или сам улыбается, или кого-то смешит. А Лева, он же стеснительный, как девочка. Не скажет ничего лишнего, краснеет. Но упрямый, как бык! Если уж что решил, так намертво!

– Брат смог, и я смогу, – говорит себе Лева.

– Все, хватит корпеть над учебниками. В соседнем клубе танцы, – тянут его друзья.

Не ходок он раньше был на танцульки, да и сейчас чувствует, что это не для него.

– Хочешь быть генеральшей? – толкает впервые пришедшую на танцы девушку, ее подруга, – пригласика во-от того курсантика. Такой одинокий, грустный.

– Генералами становятся парни сорви-голова, а не такие робкие!

Но вдруг пошла и пригласила этого робкого курсантика на белый танец.

– Дура, я дура, – то ли в шутку, то ли всерьез, напишет ей в письме позже подруга, – я же сама могла быть генеральшей! Но это будет через десятилетия... А тогда старый Малах не спал ночами, все переживал за сыновей.

– Женьке подвезло, в Минск попал! Это же рядом. Столица, есть куда выйти. Чего же Льва так далеко занесло? В Забайкалье после военного училища. Младший брат – лейтенант, старший-капитан. Младший – старший-лейтенант, старший брат – майор. Шутит старший:

– Служи, служи, салага, – а сам радуется, что не сломался, все выше и выше поднимает планку.

Гонит Малах коня на железнодорожную станцию, чтобы встретить Леву. В отпуск едет. Только на два дня.

– А из Михалина куда? Опять назад?

– Отец, из Михалина еду в Москву. Поступил учиться в военную академию.

Малах так и сел, широкой ладонью вытер слезы на морщинистом лице.

– В Москву, в Академию? Ты? – никак не верит.

Хотел бы поделиться радостью с матерью Льва – с Любой, но ее уже нет. Вышел на улицу.

Вдали огоньки той же фермы. Ничего здесь не изменилось. Только асфальт положили, а все остальное, как и раньше. Будто погрозил пальцем в темноте:

– Ну, Павел ну, Павел! Это же ты, это же ты все «нагородил»!

Сняв офицерский мундир, сын кажется таким же Левушкой, как и раньше. Только плечи стали шире, а волосы – жестче. Но взгляд тот же, мягкий, сыновний.

Над местечком зажглись звезды, когда его покидал Лев. Остановился, посмотрел на небо над

своей хатой. Мелкие звездочки ярко сияли, будто баловались. А одна, в сторонке, большая, будто следила за ними всеми.

– Словно, генерал какой-то, – улыбнулся сам себе.

И в эту минуту, именно в эту минуту в местечке, возле родного дома, принял решение: если все будет хорошо с учебой, продолжу ее в Академии Генерального штаба. Новое назначение, новое звание. Малах верит и не верит, получив почту. Перекладывает с места на место, смотрит близорукими глазами на фотографии: на одной – в полковничьей папаше старший сын Женя, на другой – младший Лев.

**Братья. Слева Евгений – будущий полковник,
Леонид – генерал-майор. 1970 г.**

– Чертенюк, догнал-таки Женюку. Догнал! Два сына, два полковника. Кто бы мог подумать? Кто бы мог подумать?..

Жизнь завертела, закрутила. Зашумели новые ветры над страной. Все изменилось, открылись границы.

Первым приехал в Израиль Женя. В гости или на разведку – не говорил. Вразвалочку, как и раньше, зашел в наш дом.

– Уволился, сейчас занимаюсь бизнесом, – а глаза без прежней задоринки.

Чувствую: что-то томит его. Уехал, попрощавшись с сестрами, с нами, с Израилем. Попрощался навечно – уйдя раньше времени из жизни.

А Лева, Лева все-таки закончил Академию Генерального штаба, стал генерал-майором. Занимал очень крупные командные должности. Выйдя в отставку, продолжает руководить громадным бизнесом.

– Я же не только генерал, – но еще и специалист в области связи. Вот мой опыт и пригодился, – сообщает нам.

Я слушаю его вместе со своим братом Яковом. Средиземноморский ветер пробегает по волнам Средиземного моря, рядом звучит речь на иврите.

Лев, статный, с военной выправкой, благородной сединой, рассказывает и рассказывает про свой долгий путь. А я будто вижу тот вечер, когда в дом Малаха пришел с вещевым мешком его брат Павел, простой старшина. Напоминаю про это.

– Это был сам Бог, в образе отцовского брата, – смеется Лев.

В это можно верить, а можно и нет... Но то, что звезды вначале зажглись над местечком, а потом уже на их полковничьих и генеральских погонах – это точно!

Вы спросите, а где же та Идка, с которой начался наш рассказ? Конечно же, в Израиле, в городе Натании. Благородная бабушка. Этакая седая матрона.

***Только разве узнаешь в ней ту прежнюю
попрыгунью с золотым отливом волос?***

Ветка сирени

Малах подставил лицо свежему ветру.

– Неужели, неужели жизнь налаживается?

Война прошла железным колесом по его судьбе, по его жизни. Все милославичские родственники уничтожены. Но он уцелел. Уцелела его жена Люба. Сберегла во время войны старшую дочь Еву. Малах в Милославичи не вернулся. Не мог. Да и не к кому...Приехал в Михалин. Сердце звало сюда. Как-никак, но что-то сохранилось от еврейского колхоза. Ближе к городу, да и евреи тут заселяются. А ему куда? В город? Нет! Только в село, где зеленеют поля. Поля, по которым ходят стада. Это – его жизни!

Поставил дом. Возле дороги. Напротив – дворни, куда приходят на наряд колхозники. И евреи, и белорусы. Он не приходит, сам дает наряд. Как-никак во главе местной фермы. Председатель колхоза так и сказал ему:

– Надеюсь, Малах, на тебя. Ты еврейский колхозник. Еще до войны. Все знаешь, все можешь. Да и других мужиков нет. Одни бабы.

Домой Малах всегда возвращается поздним вечером. Едва успевает обнять малышку Евочку. Улыбается, а глаза, как у мамы. Такие же смеющиеся глаза! А сегодня родилась вторая дочь. Вот поэтому он так волнуется. Не может надышаться свежим воздухом. Радость переполняет его. Понимает, что нужно сделать что-то особенное, чтобы запомнилось на годы. Но не будешь же стрелять в воздух, как на Кавказе. Да и стрелять не из чего.

– Может, я посажу дерево? Дерево в честь дочери! Пусть растет вместе с ней. Но какое дерево? Оно должно быть особое. Такое, чтобы расцветало каждый год. Чтобы никто не прошел мимо, – размышлял он вслух сам с собой.

Так возле пыльной дороги, возле обычного дома, в котором позже появилось еще два брата и еще одна самая младшая сестра, было посажено дерево. Вернее, маленький кустик сирени. Сирень с каждым годом становилась все выше и выше. Появлялись новые отростки и ветки. И вот уже не кустик, а куст во всей красоте поднимается возле забора. За ним обычный

двор с коридором. За домом картофельное поле. И все. Не было времени у Малаха сажать сад. А может, и не хотел. Всю землю выделили под картошку. Она кормит и семью, и скотину. А фрукты, яблоки? Баловство одно. Да и вокруг – колхозные сады. Детишки там целыми днями пропадают. А сирень? Сирень – это особый случай! В честь дочери. Чтобы росла такой же красивой, как эта сирень! Чтобы расцветала каждую весну – и всю жизнь, как эта сирень!

На него, на него похожа вторая дочка! Такая же круглолицая и хозяйственная. Да и сыновья Женя и Лева, младшая дочка Анечка – последыш, как говорят в народе, все словно на одно лицо. Даже те, кто и не видел их раньше, сразу скажут, что это дети Малаха и Любы. Ходят по земле не маленькими шажками, а уверенно, как хозяева!

Михалинцы они, настоящие михалинцы.

– Евочка – совсем другое. Сама нежность. Будто не из наших краев, а из какой-то восточной страны. Мамины глаза, а характер мой! – улыбается своим мыслям Малах.

Так и случилось. Только подросла старшенькая, как упорхнула, словно птица в дальние края. А Рая? Вторая дочь осталась. Куда ей от Михалина? Куда ей от куста сирени? Сядет на скамеечке возле сирени и все свои девичьи секреты ей поверяет. С кем еще поделиться? С мамой? Скажет, иди ты лучше поработай по хозяйству. Корову нужно подоить, за другой живностью присмотреть. Отцу?

– Девка, не дури, мала еще невеститься, – еще прикрикнет он на нее.

Поэтому обнимает куст сирени, прячет свое лицо в ее белых кистях. И сама, как цвет! Ярко-красный цвет! Расцвела вчерашняя михалинская девчушка. Налилась красотой. Высокая грудь, губы – полные, алые. Взгляд чарующий. А дальше? Дальше закружилось, как в бальном танце.

Пришла Рая со своим суженым к кусту сирени. Словно хотела познакомить их. Оба молоды, красивы. Что скажешь? Она не обычная для еврейки: светлое лицо, светлые волосы. Он – для белоруса: черные волосы, черные брови. А дальше? Все, как у многих. По-разному.

В последний раз Рая пришла к кусту сирени, чтобы проститься с ним навсегда. Повзрослела она, считай, полжизни прошло. Стала уже взрослой ее единственная дочь Светлана.

А куст сирени разросся, раскинулся. Стал деревом. Большим, могучим. Словно к отцу, которого уже нет, прижалась к нему Рая. Гладит рукой, сдерживая слезы.

– Все. Все. Прощай, Михалин. Прощай, моя сирень!

В Израиле все ушло куда-то далеко. И родной город Климовичи, и Михалин, и куст сирени. Здесь никто не спрашивал, кто и откуда. Для всех пенсионеров – путь один! Государственное пособие на жизнь и пособие на съемную квартиру. Не пошикуешь, но

нормально проживешь. Одной, конечно, не просто и нелегко. А муж? Муж остался, как и некоторые другие... Ко всему еврейскому он относился не очень мягко. Сам не знал почему. Будто кто-то его принуждал все время к протесту. Кровь бурлила. Горячая кровь... Не понимал ни себя, ни родителей, ни жену, пока не узнал. Не узнал от матери, что она... еврейка. И все в городе сразу стало ненужным. Лишним. Даже чужим.

– Моя семья – жена, дочь и внук в Израиле. А я здесь? Один. Для чего? Для кого? – обхватив голову, думал он, сидя на скамейке. Возле куста сирени. Сюда пришел, чтобы поговорить с ним, посоветоваться. Ветки сирени покачивались от ветра, словно соглашаясь с его мыслями. Словно, видя его в первый раз таким. Другим. Новым. Своим.

В аэропорту имени Бен-Гуриона шел к выходу немолодой мужчина. Вместо иссиня-черных волос –

седина. Вместо легкой юношеской походки – поступь человека, прожившего жизнь. В руках, кроме маленького чемоданчика, ветка сирени...

Прошло еще несколько лет. Я снова в Михалине. Куст сирени уже засох, и его выкорчевали. Он высох от старости. Или не выдержал разлуки. Не выдержал...

Где Николай? Николай каждое утро спешит на Средиземное море. Плавает, отдыхает или рассказывает мне о своей жизни. Что было раньше и что сейчас. Кем был раньше и кем сейчас.

– Все здесь мое. Моя семья. Моя страна. Мои праздники. Я такой, как все. Хотя, хотя к этому шел долго. Почти всю жизнь.

***А у Раи? У Раи и сейчас на столе стоит
засохшая ветка сирени.***

Как память о Михалине.

О всей ее прежней жизни...

Дичка-дичка, ТЫ ПОМНИШЬ МЕНЯ

Солнце позолотило верхушки сада, утренние лучи пробежали по ветвям, усыпанными крупными зелеными антоновками.

Но нам не сюда. В лучшем случае мы сможем сорвать пару яблок с крайнего дерева.

Во-первых, это сад не наш, колхозный, а во-вторых, не для этого поднялись вместе с розовой зарей.

Росистая трава серебрится местами, мягко стелется под ноги. Наш путь дальше – за колхозные сады, за кусты – первые, вторые, третьи... Здесь всегда любит играть детвора, угощаясь яблоками, грушами. И, о чудо! Семечки, падая в траву, прорастают. Одно из тысячи, из тысячи – одно. Сад же рядом, рукой подать!

В-о-н, возле дороги – огромная груша. Колючками закрылась от всего белого света. Только, что нам эти колючки? Давно они уже обломаны, и хорошо известны все сучки, по которым можно взобраться на самый верх и

похрустеть спелыми грушами. Напротив – ярко-красные яблоки. Не очень крупные, зато сладкие-сладкие. Но они не доживают до полной спелости. Раньше времени местечковая детвора, словно саранча, набрасывается на них, оставляя только на верхах самые сочные и красивые плоды. Но сегодня мы меньше всего любим эти дарами природы. С лопатой через плечо наш отец идет впереди. А я трусцой бегу за ним вслед. Вчера нам Батя (так мы зовем отца) рассказал, что заметил в кустах пару диких яблонек. Мои младшие братья ждут дома, выбирая место в саду для посадки, а я отправился вместе с отцом за дичками.

– И эту отраву ты хочешь посадить в саду? – на минуту оторвалась от своих дел наша мама.

– Не зря говорят, женщина имеет длинные волосы, но ум короткий, – многозначительно поднимает большой палец отец.

Насчет ума отец преувеличил. Наша мама в житейских делах всегда была далеко впереди отца. Она была, как тот солдат, что варил кашу из топора. Из минимума имеющихся запасов, используя сад, огород, свое хозяйство, она так вкусно и много готовила, что всегда хватало на всех.

– Говоришь, ум короткий? А кто вчера сказал, что я словно скатерть-самобранка? – не простила мать отцу этого выпада.

– Ира, Ира, мало ли я что сказал?

И к нам:

– Сынки, бегом на выход!

И вот мы идем, идем, идем. Прошли первые кусты, вторые, подходим к третьим.

– Главное, чтобы нас не опередили, – беспокоится отец.

– Все давно уже покупают саженцы. Только мы ищем их по кустам, – говорит брат Яков.

– Мы не можем купить, сам знаешь. И я люблю больше дикие деревья. Они более крепкие. Если от брошенной невзначай семечки выросли в дерне, не пропали засушливым летом, холодной зимой, то им ничего не страшно, – объясняет Батя.

В густых зарослях возле ветвистой вербы мы видим невзрачную дикую яблоню. Она какая-то одинокая на фоне яркой белорусской природы. И... словно просит: «Заберите меня отсюда. Света белого здесь не вижу. Корни вербы полностью опутали мои слабенюкие корешки, воздуха мало, расти некуда.»

Отец бережно выкапывает деревце, не доверяет никому. Домой возвращаемся радостные, довольные.

– Давайте посадим яблоньку напротив окна, как только откроем его – яблоки к нам в руки, – предлагают младшие братья Сергей, Гриша и Леня.

Мама только кивнула головой в знак согласия, улыбнувшись своей милой улыбкой.

Прошел год-два. Дикую яблоню не узнать. Ветви распустила, словно косы. Вот-вот заневестится, оденется в белый цвет. В дикий белый цвет. Вот поэтому сегодня утром наш отец направился к соседу Никите. Небольшого роста, молчаливый, он живет в

центре Михалина. Видимо, родился с золотыми руками. В доме и во дворе у него все по-хозяйски. Сад, каких мало у кого. На дорожках – пчелиные ульи. Хозяин! Настоящий хозяин! Другие мужики за выпивкой в магазин, а Никита в сад, к пчелиным ульям. И это после основной работы.

Весь мир его был здесь. Да и не пристало ему, Никите, другим быть. Жена Хана – дородная, со следами бывшей красоты. По ней многие сохли. Но Никита был красивее сердцем... всех! Хана почувствовала это сердце даже через панцирь его молчаливости. И порядочнее семьи, чем еврейка Хана и белорус Никита, я не видел в местечке. Нередко бывал в их доме, где жил мой одноклассник Леонид. Для меня он был больше, чем обычный одноклассник. Как и я для него...

Отец, радостно улыбаясь, пришел в сад вместе с Никитой. Без слов он обрезал нашу дичку-красавицу, прищепив на стволе веточку от своей яблони «белый налив».

– Вот и все. Пройдет время, и у вас будет новое дерево с самыми вкусными яблоками, – улыбается сосед.

Да, Никита был кудесник! Настоящий местечковый Мичурин. Позже приходил к нам и во второй раз, и в третий. Мы постоянно сажали дички, а он без усталости их прививал. Многие жители местечка обращались к нему. И он не отказывал. Никогда. Никому.

Прошли годы, десятилетия. Сын Леня давно живет в российской северной столице, достигнув немало в жизни. В юности – золотая медаль после школы, в армии – сержант-десантник, в работе – ученый! Но каждое лето приезжает в местечко на встречу со своим детством, родными. Самая близкая – сестра Светлана. Сколько знакомых! Они тоже, как родные!

А еще в михалинских садах немало плодовых деревьев, которым дал вторую жизнь его отец, Никита.

Когда я был последний раз в Михалине, сразу же направился к той самой яблоне, которую более тридцати лет назад принесли с кустов вместе с Батей. Я обнял громадное дерево, прижался к его мощным ветвям... И оно окружило, тоже обняло меня. Так мы и стояли вместе. Долго-долго. Я, поседевший, и яблоня – постаревшая.

Яблоня нашего Бати – Давида и Никиты, этого удивительного человека, продолжает жить. Она стала, словно их памятником... Живым плодоносным памятником! По сей день.

*Нынешний сад в
Израиле,
прекрасная цветущая
яблоня.
Дичка из Михалина
продолжает жить*

Я беру в руки сухие яблоневые листья, привезенные из Белоруссии в Израиль. Странно, будто только вчера сорвал их с дерева. Немного пожелтели, но не ломаются, как склеенные. Как там, в местечке? – хочу представить его себе. Кто там остался? Бывшие еврейские дома, и ... дички в отцовском саду.

Дички, вы меня помните, дички?

Шляпочница

Запах акации плывет над местечком.

Если точно, то не над всем местечком Михалин, а над его первыми домами. Если еще точнее, из

палисадника второго дома, который стоит на правой стороне местечка. Здесь живут Давид и Ира – наши родители. В глубине сада растут сливы, вишни и яблони. Возле дороги желтые гроздья акации свисают

чуть ли не до самой земли. Эти кусты когда-то посадил Давид, надеясь, что они будут защищать дом от придорожной пыли. И совсем не ожидал, что расцветет

у калитки это необыкновенное желто-золотое созвездие.

– Беня, ты посмотри, какая красота, – наклоняется к акации женщина в белоснежной шляпке.

На фоне обычных невзрачных домиков, магазина и пыльной дороги, пересекавшей поселок, эта женщина выглядит так, словно она с другой планеты. Ну ладно, ярко накрашенные губы и глубокое декольте, но ведь еще и... шляпка. Ира, допустим, в своей жизни шляпку только в девичестве носила. Бывало, распустит черные косы до пояса. Все так и охают! Зачем ей тогда шляпка? Когда повзрослела, любила собирать свои волосы в корону. Давид смотрит, любуется. Словно иудейская принцесса перенесена волшебником из далекого Иерусалима в белорусское местечко!

Но, когда года сложились в десятилетия, а пятеро деток стали смыслом ее жизни – не до красоты! Набросит платочек на голову – вот и все украшение. Да и защита от солнца и ветра. Женщины из местечка или из окрестных сел, разве они щеголяли в шляпках? Да они их только в магазине и видели. И то не такими.

Надышавшись акацией и сорвав несколько гроздей, дама в шляпке пошла дальше.

– Ира, здравствуйте, здравствуйте, – кланяется Беня соседке, увидев ее в саду. Видимо, хотел еще что-то добавить, но женщина в шляпке, капризно тянет его за собой. Сразу видно, что она не такая, как здешние женщины, изнуренные солнцем и нелегким

сельским трудом. Не сделав никаких выводов об этой особе, Ира продолжает работать в саду – не до нее.

Женщина в шляпке дошла уже до первого дома, властно держа мужчину под руку.

– Идем, Бенья, мы же в кино опоздаем, – торопит его.

А он, столько лет живущий в местечке, один из уважаемых людей, не может пройти мимо своих соседей, не поздоровавшись. Высокий, дородный с импозантной сединой, к тому же на местном спиртзаводе не последний человек. К нему обращаются люди, и он к ним обращается.

– Злата, добрый вечер, – говорит он худенькой старушке, сидящей на скамейке. Небольшого росточка, сгорбленная, она вдруг вскакивает, слегка опираясь на палочку.

– Бенья, вы куда?

– В кино!

– С кем?

– Знакомьтесь, это моя жена.

Злата хочет что-то сказать, но застывает с открытым ртом и начинает часто моргать глазами. Шляпка на ненашенной даме плавно покачивается на голове. Ее хозяйка, несмотря на ямы и колдобины на дорожке, на крапиву, которая выползла со всех сторон, горделиво идет по улице. Мимо домов. Впервые по нашей улице, вернее, по местечку Михалин. В город. В кино.

– Ира, Ира, вы слышали, что Беня женился? Я узнала, что он привез шляпочницу из самого Баку, – приносит нам через несколько дней свежие новости Злата.

– Кто, кто? – не понял Давид.

– Да эта женщина, которую овдовевший Соломоныч привез себе в жены.

С легкой руки Златы мы все и стали называть нашу соседку Черниха-шляпочница. Почему шляпочница? Думаю, уже понятно. А Чернихой потому, что фамилия Бени была Чернов.

Вы скажете, куда там горожанке, бакинке до жизни в местечке? Это же не город, где надел туфельки-ботики и по тротуарчику так-тик, так-тик. Здесь его величество, само местечко Михалин! Спустишься вниз. За садом – такая грязюка! Машины не проходят, рычат на колдобинах, рвут моторы. Темнота такая, что идти может только тот, кто ходит каждый день и знает, где суше, куда ногу можно поставить. Последний столб с электрическим светом, как раз возле поворота, где раньше находилась старая милиция. Здесь же и заканчивались деревянные тротуары.

– Там, где заканчивается асфальт и свет, начинается местечко Михалин, – шутим мы.

Хотя по существу Михалин начинается дальше, за ветеринарной лабораторией, за еще более или менее сносными дорогами и за мостиком. После мостика, уже точно – местечко!

Справа хозяйничал совхоз, слева – колхоз. И никому не было дела ни до дороги, ни до людей. Возможно, так было бы еще очень долго, но пришел в совхоз директором какой-то горячий человек. Нанял непривычных для местных людей, грузин. И они положили асфальт до местечка, дальше через него в близлежащие села. Но это случится через много лет.

А когда Черниха-шляпочница появилась в наших краях, соседи только подсмеивались.

– Скоро укатит она в свой Баку, не выдержит. Местечко не для слабых.

Но прошла непролазная осень, подморозило – хоть яблочком катись по дороге. Выпал снежок, укатал ухабы и ямы. Наша Черниха на голову – шляпку, но уже другую, зимнюю, и – в кино. Когда пришла весна, снова зацвели акации, Черниха со всеми перезнакомилась, будто сто лет здесь живет. Рядом одни евреи. Слева возле нее мы и Злата с Янкелем, бывшим колхозным кузнецом, справа – Сима с Зямой. Чуть выше – Малах с Любой. Маленькое еврейское местечко, вернее то, что от него осталось... Дальше дом Михаила и Фиры Школьниковых, Эли и Веры, Ханки и Никиты (две последние семьи смешанные). Но для евреев местечка они были своими. Даже Владимира Полякова, еврея по отцу, считали своим.

Но это было так, не особо важным. И евреи, и белорусы одинаково месили грязь весной и осенью, страдали от темноты на дороге. И принимали это как обычное явление. С ним ведь жили годами,

десятилетиями. И если какое-то разнообразие внесла в жизнь поселка Черниха, то это можно было только приветствовать.

– А-а, – останавливает она свою соседку, – ты что ходишь, как павлин? Молодая, фигурная, а платье висит, как на вешалке.

– Где же взять другое?

– А ты зайди ко мне вечером, зайди, Ганночка.

Зашла, еще раз зашла, а через недельку защеголяла в невиданном ранее наряде. Так народ узнал, что Черниха не просто портниха, а модистка! И еще какая!

Услышала, что соседка выдает дочь. Она к ней. Что готовите и что будете подавать? Узнала меню, погрозила пальчиком, мол, нет! Я составлю меню, будем вместе готовить. Когда блюда подали к столу, многие удивились. Была не только картошка всех видов, мясо жареное-пареное, но и рыба – гефилте-фиш... Наша соседка, конечно, особо не распространялась, что это самое настоящее еврейское блюдо. Сказала, что это рыба по-бакински. Но она оказалось такой вкуснятиной, что кое-кому ее не хватило.

Подвыпивший гость со всего размаху бросает блюдо с рыбой в сторону еще более подвыпившего гостя, который стучит по столу и требует рыбу по-бакински. Конечно, вы догадались, что вся рыба влетела в лицо нашей... шляпочнице, которая секундой раньше ринулась успокаивать пьяного буяна.

На второй день она должна же была рассказать нам о своей роли на свадьбе и о гефилте-фиш. С синяками под глазами, медленно открывает нашу калитку.

– И смех, и грех, – разводит руками Ира.

– Зато вы всех приучили к еврейскому блюду. Знали бы они, что – еврейское, было бы еще больше синяков, – смеется Давид.

Черниха не понимает. Почему они смеются? Почему не сочувствуют, не помогают делать примочки?

– Я же для всех старалась?

– Так ведь никто специально не бросал в вас рыбу. Получилось так. Первая модница местечка – Черниха, первый повар местечка – Черниха, – погибает пальцы Давид.

– И первый сторож, – добавляет она уже раздраженно. – Ваша детвора повадилась в наш сад. Яблочки белого налива захотели? Так я вас встречу злой собачкой, – грозит она, вдруг обидевшись.

Яша, сын Давида и Ирины, коренастый крепыш, только глазами сверкнул. Ой, как он не любит неправды! Лучше бы Черниха не упрекала без оснований.

Как только стемнело, Яша – шмыг – и к забору Чернихино сада. Одной стороной он выходит в наш двор. И Яша, как обычно, подходит к забору, но на этот раз что-то бросает собаке, потом зовет ее гладит раз-другой через дыру в заборе. И теперь, как только Яша приближается к забору – собака тут как тут, виляет

хвостом. Прошла неделя – собака ручная, уже не преграда.

– А теперь, как быстро перемахнуть через забор?
– думает про себя Яша.

Заметил, что на стыке его двух сторон частокол сверху обломался. Улыбнулся, согнулся, приготовился к прыжку. И... как только луна спряталась за облака, перемахнул через соседский забор. Собака только поскуливает от радостной встречи. Яблоня с яблоками сорта «белый налив» в самом центре сада. Как быстрее до нее добежать? Смог бы даже с закрытыми глазами, каждый метр сада изучил, разглядывая его за забором.

Пять минут – и все. И обратно, во двор. Сам маленький, он даже согнулся от тяжести ноши. Глаза смеются, сверкают... Он расстегивает рубашку, и на стол, и на пол падают яблоки «белый налив».

– Чтобы не говорила напрасно, что это мы, чтобы не говорила, – вдруг застучал зубами от напряжения.

Наутро к нам приходит Черниха. На столе – яблоки «белый налив», которые мы еще не успели убрать. И в руках у нее сумка с такими же яблоками. Яша только глазами сверкнул...

Но Черниха не повела себя, как простая местечковая михалинка. Она все-таки была коренная бакинка!

– Вчера снова оборвали яблоки в моем саду. На этот раз не вы. Я видела, кто это был.

– Давайте лучше пить чай с вареньем, – предлагает Ира.

Мы пьем чай с вишневым вареньем, едим груши, сливы и... яблоки «белый налив».

– Попробуйте наши. Давида вчера угостили, – предлагает Ира.

– А вы мои, – протягивает ей соседка.

– Чьи вкуснее? – спрашивает Давид

И уже не выдерживает, смеется так заразительно, как только он может. Громко, раскатисто, весело. Смеется Ира. Смеется Яша. Хохочут малыши, не понимая отчего...

Яша больше не перелезал через забор в соседский сад, а Черниха каждое утро баловала нас своими яблоками. Мы ее угощали сливами и вишнями. И еще – особым чаем, который отец заваривал то из сливовых, то из вишневых листьев, то из листьев акации. Жена Соломоныча (мы ее так начали называть) очень любила чай из листьев и цветов акации.

А я закрываю глаза и будто там... Там, в вишневом местечке Михалине! Над ним плывет запах акаций. Мимо их белых и золотистых гроздьев, свисающих до самой земли, плывет незнакомка в шляпке.

– Беня, идем быстрее, Беня, – торопит она его.
Когда это было? Когда?

А может, вообще, никогда и не было...

Слезы березы

Скажите, что можно видеть из окна? Да, все.

Вчера за окном еще было черным-черно, а сегодня все замело. Все-все замело. Бросаемся к окну, прилипаем носами к стеклу и не можем налюбоваться. Красота-то какая! Теперь уж до самой весны не будет летнего раздолья.

Ждем. Почернели прежде белоснежные сугробы.

Ждем. Появляются первые проталины.

Ждем. Земля еще сырая, но уже без снега. А березы, березы, что на большаке первыми начинают зеленеть?! Шелковые сережки, нежные-нежные, так и хочется к ним прильнуть лицом.

– Айда на выгон, – стучит в окно соседский Мишка.

Я вылетаю. Забираемся на самую высокую точку и кубарем катимся вниз. Вниз! Вниз!

Какие детские площадки в то время? Какие нянечки-воспитательницы? Сами себе и площадки, и няни, и воспитательницы... Следим за облаками. Белыми. Такими же белыми, как березы. И мечтаем. А что там? За большаком?

– Бежим, – вскакивает мой друг.

– Куда бежим?

– Как куда? В конец большака. Посмотрим, что там.

Поддергиваем повыше штаны и – вперед. По дороге. По траве. В конец большака. Там стоим. Стоим. Всматриваемся. Что там? За большаком? За большаком...

Домой возвращаюсь уже вечером. Никогда в свои пять лет так надолго и так далеко я еще не уходил. Что сказать маме? А она, встретив меня на улице, даже не посмотрела, только быстро проскользнула в комнату. Вся заплаканная. Отец тоже – сам не свой.

– Ты же старший, и убежал. А твой младший брат Яша вышел на улицу один. Один! На него набросилась соседская овчарка. Хорошо, что люди отогнали.

Думаю, я и сам боюсь этой овчарки. Чтобы я сделал? Но, может быть, палку взял... А Яша лежит с перевязанной шеей, такой маленький, несчастный.

– Я его убью. Убью гада! – хватается отец какой-то лом.

– Кого? – мать испуганно поднимает глаза.

– Эту собаку!

– Не делай этого, прошу! Не делай! Нам здесь жить. Мы здесь одни, – умоляет отца мать и гладит брата по голове.

В селе нет больницы. Фельдшер, единственный на всю округу, где-то на вызове. Яша тяжело дышит. Лицо покрыто испариной. Куда идти? Что делать?

Отец опять бросается к железному лому. На выход. Он, пройдя войну, ничего и никого не боялся. Потеряв семью, здоровье, он был очень страшен в гневе. Взглядом, будто сметал с земли. А когда нужно было встать на защиту семьи, с его яростью нельзя было справиться. Никому! Мать это знала. Хорошо знала. И своим телом она закрывает ему проход к двери. Отец чуть ли не сбивает ее с ног – не стой на пути!

– Нет, нет, нет! Ничего не добьешься, ничего не добьешься, – повторяет мама, – о ребенке нужно думать, а не о собаке.

И тогда отец останавливается напротив окна, поднимает руки вверх и начинает что-то говорить. Говорить на каком-то незнакомом гортанном языке. Никогда я не слышал этот язык, никогда отца не видел в таком состоянии. Правда, иногда с матерью они о чем-то тихо переговаривались непонятными словами, но мы не вслушивались. А теперь... Громко, на весь дом, он

кричал. Кричал. И был страшен. Очень страшен. Он будто чего-то просил. Нет, он требовал. И умолял. Умолял и требовал. Через какое-то время, повернулся к нам и сказал, что все будет хорошо.

– Что хорошо? – не отходит мать от младшего Яшеньки.

– Собаки завтра не будет!

– Да пропади пропадом эта собака. Что нам с ребенком делать?

– Да ничего. Все будет хорошо!

К утру упала температура. Яша стал разговаривать. Наконец, пришел местный фельдшер. Сделал укол от бешенства, наложил какую-то повязку на шею.

Через день пошел дождь. Да с таким громом, что мы закрывали уши и прятались от него. Молнии одна за другой сверкали над домами, над всем селом. Утром, когда все стихло и успокоилось, наш отец, выйдя на улицу, сразу же вернулся с криком.

– Он убит, убит, убит! Моя молитва помогла. Помогла! Я просил еврейского Бога уничтожить эту тварь!

Рядом с березой без движения лежала огромная овчарка, которая наводила страх на всех. От волнения и радости я прижался к березе, – теперь не нужно бояться собаки, она больше никого не кусает: ни брата, ни других.

Береза была мокрая, мокрая.

– Ты чего плачешь? Все же хорошо. Видишь, Яша уже смотрит в окно, видишь? – Я еще теснее прижимаюсь к березе. И вдруг ощущаю вкус этих слез. Слез березы. Они такие сладкие, такие вкусные.

– Мама, мама, береза плачет. Плачет. Почему? Почему? – влетаю я в дом.

– Плачет, говоришь, – подходит ко мне отец. – Да, есть у березы слезы. Пойдем, пойдем на улицу. Береза нам даст свой сок, чтобы ты успокоился.

Вставив какую-то трубочку в расщелину, отец привязывает к дереву небольшую бутылку. К утру она была доверху наполнена соком. Березовым соком.

Теперь, когда я приезжаю в Белоруссию, обязательно иду в березовую рощу. Любуюсь березами, отдыхаю под зеленым шатром. Наслаждаюсь ароматом воздуха, который обволакивает и опьяняет. Здесь мне спокойно, как никогда и нигде. Я возвращаюсь в детство, когда наша береза... заплакала вместе с нами.

Мой младший брат Яков давно в Израиле. Думаю, он не помнит эту историю. В окна его дома смотрят средиземноморские пальмы. Березы и ее слезы остались там, в прежней жизни, которой, кажется, никогда и не было.

Возможно, это только кажется?..

В футбол играют настоящие... девчата

– Горожане выросли на асфальте. Закончилось молоко – в магазин. Яйца на исходе – снова туда же. Так и проживут на земле, не зная, что такое на ранки выгонять корову? Да что там корову... Приехала ко мне дальняя родственница, как увидела, что петух вскарабкался на курицу, так стала отгонять его, мол, заклюет бедную. Смех, да и только, – разводит руками Эли.

– Зато у горожан больше возможностей: есть куда выйти, детям интереснее. Будущее – за большими городами, – вступает в разговор наш Батя.

Эли часто к нам приходит поболтать с дедом. Как-никак, они самые старые колхозники бывшего еврейского колхоза. А еще любит он рассуждать о жизни, о своих дочерях... Сам маленький, с ноготок. Но за ним мало кто угонится! Его картофельный участок рядом с нашим домом.

Каждую весну и осень Эли тянется сюда вместе со своим инвентарем. Плуг, борона и т.д. Ну и, конечно,

вся семья: жена, дочери. В работе – не поговоришь. Ну, а когда придет проверить, как растет картошка, времени на разговоры уже больше. Эли – один из выживших милославичских евреев. Его жена и дети остались во рву...

Когда приехал в Михалин, женился на местной доярке Вере. Вся его жизнь разделена да две части: довоенную и послевоенную. И на две семьи: довоенную еврейскую и на послевоенную семью, смешанную.

Трех красавиц подарила ему жена: две старшие – чернявые в его породу, а самая младшая с золотистой копной волос – в маму. Не скажешь, что у двух старших мама белоруска. Вылитые еврейки, только не городские с белыми ручками, а боевые михалинки. Во дворе полно овец, гусей, корова, да и другая живность. Мать на ферме, отец – в поле. А кто управляет со всем хозяйством? Дочери.

С детства они все могли делать и в доме, и в огороде, и в поле. А когда усталый день поспешит к закату, Томка-озорница бежит на футбольное поле. За садом местные мальчуганы вытоптали площадку, поставили два столба и начали гонять мяч. Вначале Томка только наблюдала, а потом оседлала ворота. Да еще как! Попробуй забить гол – не пройдет! Сме-хо-та! Один заходит с мячом, второй, третий – все напрасно. Томка только вытирает вспотевшее лицо и перебрасывает косички-змейки с груди на спину. Она была одной из самых ярких девчонок-михалинок, хотя все были красавицами!

Я вот сейчас рассуждаю: почему? Все они были здоровые и стройные, быстрые и озорные. Не травили себя табачным дымом, вином или пивом. Какая им нужна была косметика? Их девичьи лица были нежнее свежей травы и ослепительней утренней росы. И выросли не изнеженными маменькиными доченьками, а самостоятельными, готовыми к жизни, умеющими брать на себя ответственность в любых ситуациях.

Напротив Томки-футболистки жила Аня с вечно смеющимися глазами. У нее было три страсти: музыка, книги и футбол. На воротах она держалась стойко: но книги... пересилили. Книги стали главной любовью в жизни Ани Школьником-Сивцовой, филолога по образованию.

В Михалине не было детских площадок. Зато были склады с сеном, где мы прятались в... норах. В Михалине не было стадиона. Зато прямо на улице, мы играли в городки, в лапту и бегали босиком по пыльному кругу. Ужина нам никто специально не готовил. Кто с горлача наливал себе молоко, кто довольствовался зеленым яблоком, а кто – оставшимся яйцом. Так проходили-уходили годы нашего детства.

А... михалинки выросли и стали прелестными девушками. Как только они появлялись в больших городах, их, невиданных красоток, сразу же расхватывали. Местечковая ребятня не видела в них своих будущих спутниц?

– Вам нужны кривые поленья, но из чужого леса,
– шепчет сухими губами Гашка – одна из старожилок,

увидев, как перебирают ножками по михалинским дорожкам новенькие. Чьи-то невесты, чьи-то жены...

Сегодня в Михалине подрастают другие девочки. Красивые, такие же работающие. Голубоглазые, светловолосые. Только уже без примеси еврейской крови... Может, поэтому в футбол и в лапту они не играют.

Кто знает в чем причина?

Коза-путешественница

Годы, годы. Где вы? Улетели? Куда? Далеко! И безвозвратно!

Когда-то мне казалось, что самое интересное впереди. Гнал дни, месяцы, годы, чтобы поскорее встретиться с этим интересным, ожидаемым. Ан, нет! Все интересное осталось там, далеко. За годами. Я улетаю туда, в свои воспоминания...

В Михалин приехали гости: мамина сестра и племянница. Не то, что люди особо городские, но их дом стоит на асфальте на одной из центральных улиц. Правда, за домом, как у нас – и огород, и какие-то

деревья. Но, конечно, не тот размах как в Михалине. Выйдешь за калитку – сад налево, сад – направо. Пройдешь через сад-кусты первые, кусты вторые. Это было время, когда умные головы были умнее тех, кто придет им на смену. Ибо сменщики, люди новые в наших краях – назначенцы – все выкорчевали. Мол, земли мало для зерновых. В итоге нанесли больше вреда природе, и урожай не увеличили. Только природа природой, а наши гости приехали за другим. Мать убедила свою сестру Раю, что после сложной операции ей поможет козье молоко.

– Стакан утром, стакан вечером, и днем ты будешь молодцом, – убеждала горячо свою сестру.

У нас в сарае – целое козье семейство! Две козы: мать и дочь. И обе дойные. В день – около четырех литров молока.

Рая стала понемногу поправляться, выходить на улицу. Короче, козье молоко помогло.

Наступило время отъезда. Мама предложила сестре забрать с собой... козу. С грустью коза смотрела на всех, упиралась, не хотела по деревянным доскам подниматься в кузов машины.

А другая коза, которая осталась, два дня ничего не ела. Тосковала по матери.

Через несколько месяцев нам сообщили: потребность в козьем молоке отпала, и козупутешественницу привезут обратно. Так и случилось.

К дому подъехала машина. Коза нетерпеливо стучала копытцами в кузове, пока ее не спустили. И как только коснулась земли, помчалась по дорожке в сторону сарая, где была коза-дочь... Не обращая внимания на свою хозяйку Иру, на Давида, который любил гладить ее по спине, стремглав помчалась по знакомой дорожке. И прямо-таки, влетела в сарай. Это нужно было видеть: как козы терлись головами одна о другую, как переплетались рогами, как радовались и что-то говорили друг другу. Путешествие закончилось вполне счастливо.

Долго еще козы жили у моих родителей, до самого нашего отъезда в Израиль. Когда пришло время их продавать, подыскали людей, которые купили у нас обеих.

Отправляясь в дальнюю дорогу, расставаясь навсегда с прожитой жизнью, мы понимали, что разлука тяжела даже для... коз. Поэтому мы их продали одному хозяину. Уходя из нашего двора, они постояли какое-то время, жалобно поблеяли и, прислонив на миг свои головы друг к дружке, побежали к калитке.

У нас и у них начиналась новая жизнь.

Первая «алия» – в Михалин

Весной 1957 года мы даже не знали слово «алия». Но свою первую «алию» мы совершили именно тогда, за 33 года до переезда в Израиль. В духовном плане это было настоящее восхождение!

... В 1990 году в аэропорту Шереметьево, мы попрощались с Советским. Трудности переезда, новая страна за тысячи километров, незнание языка и условий жизни, постоянная военная обстановка – все это нас совсем не настораживало. Мы считали: ничего хуже, страшнее и труднее не будет по сравнению с тем, что уже пережили в 1957 году. Во время своей... первой «алии» – при переезде из села Красавичи в пригородное местечко Михалин. Здесь нас встретили не очень-то... дружелюбно. Дед, выйдя из больницы, был угрюмым и не находил себе места. Он будто и радовался нам, и в то же время понимал, что это надолго.

– Зачем ты посадил себе на голову семь человек? Жил спокойно, а теперь у тебя будет один тарарам, – упрекали его одни.

– Привез голытьбу, деревенщину. Они даже города никогда не видели, – осуждали другие.

Дед пытался им возражать: нужно радоваться, что он не один после того, как потерял семью. Но придя домой и видя, как малышня носится во дворе, как отчаянно дерется, понимал, что тихой старости ему не

видать... Наш дед Залман не знал, как быть. И мы не знали.

Хоть возвращайся обратно в село Красавичи, где все давно знакомо, где остались отзывчивые друзья, соседи, с которыми почти сроднились. В Михалине мы были, как отверженные, особенно для власти.

– Оставили школу в селе? Оставили! В городе для вас работы нет, – бросали жесткие слова матери в лицо.

И никакие мольбы, никакие просьбы, что никогда бы не уехали из Красавичей, если бы не болезнь свекра – не помогали. Отец на нищенскую пенсию инвалида войны не мог прокормить семью. Мы были отверженными не только властью. Мы были отверженными и местными евреями. Как это ни тяжело говорить, но это было именно так.

После войны прошло уже 15 лет. Все как-то приспособились к тихой неприметной жизни. Устроились, работали. Некоторые не попали на фронт по состоянию здоровья, по возрасту. Не все потеряли мать, двух сестер, брата, как наш отец. Поэтому его не понимали, а он не понимал их.

– Откуда у людей такая черствость? После такой войны? Откуда? Почему не понимают? Есть же что-то выше их маленького мирка? – глазами искал он ответа у нас. Отец, конечно, не надеялся на чью-то помощь, но хотя бы сочувствие. Но и его не было. Наоборот, насмешки.

– Шибко грамотный! Если вы все такие умные, почему бедные? – слышал он со всех сторон.

Выпускник партийной школы (в начале пятидесятых был исключен из партии за желание уехать в Израиль) и учительница оказались никому не нужными в городе. Да и на социальной лестнице ниже живущих рядом. Соседи – русские, белорусы – были вообще равнодушными, каждый выживал, как мог.

Мы, дети, тоже чувствовали себя отверженными – улицей! Местечковая ребятня не признала нас за своих. Хотя здесь не было деления на евреев и белорусов. Но было – на своих и на чужаков. Мы – чужаки. Град камней обрушился на нас с братом, когда мы впервые вышли на улицу.

– Ничего, ничего, мы еще вам ответим, – грозил мой младший брат Яша.

А из бойцов только я, десяти лет, да Яша, восьми лет. За нами – пятилетний, трехлетний и самый младший брат, которому меньше года. Решив защищаться, мы приготовили твердые комья земли, сложили их возле забора. На следующий день мы с Яшей залегли у забора и стали поджидать, а младшие Сергей и Гриша должны были подтаскивать твердые комья земли, так называемые «камлышки», наши боеприпасы. В засаде находились недолго. Когда вчерашние обидчики, ничего не подозревая, подошли к нашему забору, мы их встретили внезапным нападением. Никто этого не ожидал, тем более самые

отчаянные, которые были впереди. Они-то и были атакованы в лицо и в живот.

Прошел день-другой. Мы решили сходить на озеро, которое недалеко от нашего дома. Были здесь раньше с нашей мамой, она ходила туда полоскать белье. Озеро под тенью деревьев, притягивало нас. Верба низко распустила над озером свои ветви, под которые заплывали самые отчаянные пловцы. Маленького озера нам было достаточно! Местный спиртзавод сбрасывал сюда свои отходы. Или не понимали, или они не были такими ядовитыми, только в этой зеленой воде мы барахтались из года в год. Не одно поколение жителей местечка и заводчан училось здесь плавать. И насколько я помню: никто не умер и не пострадал. Рыба так и кишела под ногами. Вдалеке, в центре, носилась гусиная стая. Местные ребятишки не обращали никакого внимания на этих царственных белых гусей. Счастливики в густых зарослях находили гусиные гнезда, с крупными остроносими яйцами. Другие, завязав узлами рубашку с двух сторон медленно шли по пояс в воде, от берега к берегу. За несколько проходов – ведро рыбешек. На сковороду достаточно!

Вспомнив об этом, мы с Яшей побежали на озеро. Не через улицу, чтобы нас заметили, а через дворы, тоже выходявшие к озеру. Про встречу с драчунами меньше всего думали.

Уже радостно представляли, как мама нажарит сковороду рыбы. Полбуханки черного хлеба оставалось

еще со вчерашнего дня. В огороде – полно зеленого лука.

– Какой ужин будет, – облизывали губы с братом.

Быстро перебежав дворами, перескочили маленький мостик через ручей и... лицом к лицу столкнулись с ватагой местечковых ребят. Ссадины на руках и ногах – следы постоянных уличных битв и не только с нами. Цыпки на ногах. Лица довольные, наглые!

– Ну что попались?

Нас двое. Их не меньше пяти-семи. Играют желваками, дерзко сплевывая в сторону. Бежать некуда. Позади озеро. Впереди мостик. К нему не прорвешься.

– Пацан, сколько тебе лет? – обращается один из них к Яше.

– Ну, восемь...

– Стасику тоже восемь. Выходите один на один.

Меня оттеснили в сторону, не дают подойти. Стасика побаивались даже ребята старше его. Драться он, видимо, научился раньше, чем начал ходить. Это знали все, кроме нас. Стасик юлой крутится по кругу. Яша вначале не понял, что это будет самая настоящая уличная драка, он только кулаки сжал крепче. И в тот же момент получил удар в зубы. Обычно после такого удара от Стасика все убегали с ревом, размазывая кровь. Яша только облизнул окровавленные губы, но с места не сошел. Стасик под громкие крики и поддержку друзей, отвернувшись на миг, улыбнулся им. И сразу же

получил ответный удар. Я знал, что мой младший брат особо ни с кем не дрался, кроме... меня. Да и то, побратски, без злости и жестокости. Но я знал, что он приехал не из Москвы, а из села Красавичи. Где любой сельский пацан закаляется очень рано. Даже раньше, чем эти местечковые михалинцы, выросшие под боком у города.

Кулаки шли в ход с двух сторон. Легкая победа Стасику уже не светила. О ней нельзя было уже говорить. Вот-вот и, гроза местечка могла быть повержена чужаком, этим отчаянным черноволосым пареньком из деревни.

– Все, все, ничья, ничья, – стали их разнимать.

Домой возвращались двумя группами. Мы – впереди. Они – немного сзади. Когда подошли к нашему дому, Стасик легонько приобнял Яшу:

– Можно я к вам зайду завтра?

С тех пор более верного и надежного друга, чем Стасик, у Яши не было. Никогда. И везде! За Яшу

Стасик был готов пойти в огонь и в воду! В детстве и в юности они были неразлучными. Когда Яша приезжал домой на студенческие каникулы, всегда бежал к Стасику. Последний раз он к нам пришел с наколками на руках, с железными зубами во рту. С Яшей, с нами был открытым и откровенным.

– Был в тюрьме. За какую-то драку. Я не начинал ее – меня спровоцировали. Слишком независимый был для других. Налетели гурьбой. Это была не честная драка, как с тобой. Один на один! Помнишь? Убили бы, если бы не сделал одного инвалидом.

А по местечку несло: «Тюремщик, тюремщик!» Соседи не давали проходу.

– Пьет он, не работает, – жаловались участковому.

– Яша, друг, – обнимает его Стасик при встрече, – на работу нигде не берут, отказывают. Тюремщик я, тюремщик...

Под довольные возгласы соседней долговязый участковый гонит Стасика по местечку. Рыдают его мать и сестра. А милиционер подгоняет Стасика ударами ноги да кулаками в спину. Зачем он ему на участке? Зачем? Спокойнее будет, если опять отправится в тюрьму.

С того дня над местечком Михалин долго стояло темное, тяжелое небо. Стасик больше никогда не вернется домой. Но это будет через годы. Через несколько десятилетий.

А тогда, во времена счастливого местечкового детства многие не понимали, что связывает Яшу, этого отличника из еврейской семьи, и белоруса Стасика, грозу всей округи. Но ребятам и не нужно было это всеобщее понимание. Они помнили свой первый честный поединок. Вы скажете, а что после него? Много всего было за 33 года жизни в местечке, где мы стали своими. Вы спросите, когда? Я вам отвечу.

Сразу же после первого боя на озере.

Жила-была

маленькая девочка

Жила-была маленькая девочка с такими же черными косами, как у бабушки Иры. Только косы у бабушки были толстые черные и уже с проседью, а у внучки – тоненькие-тоненькие. У внучки были такие же черные глаза и такая же торопливая походка. Даже свои длинные черные волосы они расчесывали одинаково, с пробором посреди. Первая внучка для бабушки была больше, чем внучка! Она дождалась ее

через десятилетия после пяти сыновей. И воспринимала ее, как свою дочь.

А вот стремлением, быть во всем первой, наша маленькая девочка пошла в маму Аню.

Первоклашки еще складывали буквы в слоги, а она уже читала им букварь. Только ее слабенкие пальчики не могли чистить картошку вместе с бабушкой.

– Кто же меня замуж возьмет?

– расстраивалась малышка.

– Еще как возьмут! И чистить картошку тебе будет совсем не обязательно. Тебя ждет Иерусалим, – успокаивает ее дедушка под звездным небом местечка. Успокаивает еще задолго до того, как самолет со всей

семьей приземлится в Тель-Авиве, в аэропорту имени Бен-Гуриона. Приземлится накануне дня рождения уже повзрослевшей девочки.

Вы думаете, это случайно? Нет! Всего один день ей был дан судьбой, чтобы здесь стать... другой. Не сразу, но стать. С таким же сильным и железным характером, как у бабушки. Но уже здесь. В новой стране. В новой реальности. Золотом отливают апельсиновые плантации вокруг Реховота, где мы остановились на первых порах.

Белые облака плывут куда-то далеко.

Во сне уже видит Иерусалим? Буквы, словно китайские иероглифы, в самоучителе по ивриту, что отец недавно привез, стали ее друзьями? Что она быстро научилась их понимать и мечтает только об одном – уехать. Уехать! Не потому, что было очень уже плохо. Но нередко чувствовала себя чужой. В классе, на улице.

– Смотри, цыганка, цыганка, – увидев ее черные волосы и такие же глаза, – вдруг обратил на нее внимание один из посетителей магазина.

– Я лявлейка, лявлейка я, – грозно запротестовала малышка под смех покупателей, которые ничего не поняли из ее слов. Поняли только, что она не цыганка.

– Почему нет лявлейских песен? – через год вскочила малышка на сцену и запела на идиш одну из переведенных эстрадных песен.

Дома у нее был свой мир: еврейские журналы и газеты, которые ее дедушка постоянно получал, и еврейские песни. В школе учительница географии, рассказывая про Египет, обязательно вставляла, что рядом с Египтом находится Израиль, и своим взглядом, будто испепеляла ее. Были, казалось бы, друзья, но, когда обзывали, никто не протестовал. Вся ее внутренняя энергия сжималась в пружину, готовая сорваться и ответить. Правда, если обидчиков много, и они сильнее, что сделаешь? Поэтому ни за какие коврижки Жанна оставаться там уже не могла. Даже с золотой медалью!

Потом случилась поездка в Минск, где в зале одной из центральных гостиниц собрались белорусские евреи на встречу с приехавшими израильтянами. Впервые почувствовала, что здесь все свои. Все! И никаких сомнений уже не было.

...Апельсины золотились на солнце, деревья протягивали ей свои ветви, словно угощали, а девушка знала, с чего начинать. В этот день она отрезала свои длинные волосы. Свои черные волосы.

– У меня нет сейчас времени ухаживать за ними, другие вырастут, – сказала себе.

Обняла маму, бабушку, будто расставаясь с чем-то родным и близким. Так оно и было, расставалась со своей короткой юностью. Дальше только сама начнет принимать все решения в своей жизни. Всего лишь через полтора месяца после приезда в страну, станет слушательницей подготовительных курсов для

поступления в университет. А еще через полгода – студенткой Иерусалимского университета! Студентами стали и другие: бывшие солдаты и солдатки, выпускники израильских школ, новые репатрианты. Но не все... Очень мало было тех, кто стал студенткой за такой короткий срок, как она. Всего за полгода!

Золотом светится в лучах вечернего солнца Иерусалим. Университетский корпус расположился в Иудейских горах. Спешит сюда на занятия новая студентка. А через несколько лет – уже на торжественный вечер, на котором ее назовут выпускницей университета. И только она сядет на место, снова прозвучит та же фамилия.

Две бывшие медалистки, две двоюродные сестры – Жанна и Эльвира, выросшие в Михалине, в один день получают университетские дипломы. Скажите, это не чудо? Местечко Михалин осталось далеко, вместе с бабушкиным домом.

Прошло четверть века. Младший сын Жанны – рожденный в Иерусалиме – приехал в Беларусь, чтобы увидеть дом детства своей мамы.

– Има, има, ани альяд байт шелах. Ани рое байт шелах. Дришат шалом ми местечко Михалин, – мама, мама, я возле твоего дома. Возле твоего дома. Передаю тебе привет из местечка Михалин, – говорит он ей по телефону.

Над местечком плывут и плывут облака. Белые, пушистые, необычайно красивые.

– Может, они прилетели сюда вместе с нами? Из Иерусалима. В местечко, – говорит Бени.

– Мы их заберем обратно, – шучу я.

Большая яблоня, которая помнит его маму с первых ее шагов по этой земле, щедро склонила ветви со спелыми сочными яблоками. Маленькую девочку с тоненькими черными косичками до сегодняшнего дня помнит местечко. Вы спрашиваете, почему помнит? Да потому, что здесь только у нее одной были такие черные косички. (Сестра Эльвира приезжала в гости). Только она одна жила–была долгими днями у бабушки Иры. Почему? Отвечу!

В местечке и в близлежащем городе Климовичи раньше было много бабушек и внучек с черными косами. Во время войны, в далеком сорок первом, пышными черными косами они прикрывали свою наготу, когда их расстреливали на краю ямы. Оставшиеся в живых молодые женщины вернулись в местечко, стали бабушками, не жили внучек, видя в них свою молодость. Но внучек было так мало, очень мало, по пальцам можно было пересчитать.

Пришло время, и уехали в Израиль бабушка с черными косами с проседью и внучка с черной–черной роскошной косой. Они были первыми и последними еврейками, кто уехал отсюда. Теперь вы меня понимаете? Вы меня хорошо понимаете, почему не только в Михалине, но и на всю округу не увидите уже никого с черными волосами. Но мне немного не по себе.

Как будто нас раньше и не было здесь...

Не бы-ло...

Не бы-ло-ло...

Не бы-ло-ло-ло...

Эхом отдаются мои слова, эхом...

Абисселе глик

(Немножечко счастья)

Картинки прошлой жизни.

Время, ты можешь все? Можешь! Тогда перенеси меня в детские далекие годы. Перенеси! Что тебе стоит? Ты же всеильно! Всевластно! Я прошу: перенеси меня, хотя бы на пять минут в прежний Михалин!

Закрываю глаза и вижу отца, застывшего в ожидании возле старенького приемника. И вдруг: «Авейну, шалом алейхем, Авейну, шалом алейхем, Эвейну, шалом алейхем...», – так начинается ежедневная передача радиостанции «Коль Израэль» – «Голос Израиля» из далекого Тель-Авива.

Отец подскакивает с дивана, поднимает вверх кулак, его лицо выражает восторг, радость и победу над жизнью, которой он живет сегодня, которой мы все живем сегодня.

– Тише, тише, соседи услышат! – беспокоится мать.

– Кого бояться? – отец открывает настежь окно, и на улицу вырывается: «Авейну, шалом алейхем, Авейну, шалом алейхем...»!

Мы чувствуем: сейчас наш отец не в туманном Михалине, а в солнечном Израиле, ради встречи с которым заставлял себя жить, даже тогда, когда осколки подходили к нему под сердце.

Заканчивается песня, Батя (так мы зовем отца) пододвигает табуретку поближе к приемнику и спрашивает у меня: «Ты знаешь, какая у меня самая главная мечта»?

– Знаю, знаю, уехать в Израиль.

– И не только уехать, но и увидеть первого израильского солдата, чтобы поклониться ему.

– За что?

– За то, что он – израильский солдат!

– А ты был пошел в Израильскую армию?

– Я? Не пошел бы – побежал!

Смотрит на меня печальным взглядом, гладит левой рукой правую руку, оставшуюся в глубоких шрамах после войны и говорит: «Мне нужно было родиться раньше, чтобы до войны уехать, или позже, чтобы было время там пожить». Где там, мы хорошо знаем...А самый младший из детей забирается к маме на колени. Рядом еще четверо ее сыновей. В печурке горят дрова: вся наша хата наполняется блаженством. Отец влюбленно осматривает свою семью, останавливает взгляд на самом младшем сыне Лене,

Наше «фейгеле»

который прилип к матери, и говорит: «Фейгеле, фейгеле, ты наш!» (Птенчик – на идиш). Мы небольшие знатоки идиш, но что такое «Фейгеле» и к кому оно обращено, хорошо знаем. Конечно же, к нашему малышу – Ленечке, которого еще называем «Смуглянкой...» из-за смуглого цвета его лица.

Ой, как он купается в братской и в родительской любви! Ленины глазки – черные и бархатные, сверкают от удовольствия! Неужели, награждая его нашей любовью, Господь знал, что заберет младшего брата первым из всех братьев? Сразу же за отцом... Но это будет через несколько десятилетий и в другой стране...

А в тот вечер мама покачивает сына на руках и тихо напевает: «Хочется абисселе мазаль, хочется абисселе глик (хочется немножечко счастья), и дальше на русском: «Где бы его взять немножечко, хоть бы немножечко, а счастье пропало – и нет. И нет...». Мама пожала плечами, развела руками. Мол, нет! И нет...

И вдруг... стук каблуков кирзовых сапог по полу. Это – Батя! Улыбнулся, провел пятерней по своей черной чуприне и... запел: «Крутится, вертится шар голубой, крутится вертится над головой, крутится вертится, хочет упасть, кавалер барышню хочет украсть». И дальше: «Где эта улица, где этот дом, где эта барышня, что я влюблен! Вот эта улица, вот этот дом (показывает вокруг), вот эта барышня, что я влюблен». Подходит к матери и, опускаясь на колени, протягивает ей руку.

Мы восторженно смотрим на наших родителей. И раньше мама часто пела. И отец подпевал или напевал. Но чтобы вот так, как на концерте – не было. Никогда не было! Да и больше никогда не будет. Очень нелегкой тогда была жизнь. Чтобы как-то ее украсить, видимо, и пришел к нам тот необычный вечер.

... В печке выгорают дрова, в окна влетает холодный осенний ветер. Гриша, как всегда улыбается. Ему мало что нужно: книга возле него. Рядом – младший брат. Он с Леней, как ниточка с иголкой – всегда неразлучны! Мать уходит на кухню Яша начинает готовиться к городской олимпиаде по математике. Сергей рисует деда, который, опершись на палочку,

стоит возле дверей своей спальни. Самый младший и самый хозяйский Ленья, уходит расставлять чашки на столе.

Батя возвращается к приемнику, который шипит, ничего не ловит и говорит: «Черная сотня». Мы не знаем, к кому он обращается, не понимаем, что такое «черная сотня», да и не зачем. Мать выносит из кухни свежие, духмяные булочки. Сделала нам сюрприз: выпекла их, когда дома никого не было. Увидев их, отец выскакивает в сад, заносит в дом несколько веточек смородины.

– Самая лучшая заварка, – говорит он.

Никто не спорит. Какой чай? Вишневый чай хотите? Возле кустов смородины растут вишневые деревья. Хотите сливовый, грушевый, рябиновый? Пожалуйста! Все эти деревья растут в нашем саду. Пьем чай в прикуску с белыми кусочками сахара.

– Где же нам взять абисселе глик? – красиво улыбается мама, оглядывая всех.

– В Израиле! Здесь не будет ни абисселе мазаль, ни абисселе глик, – обрывает ее отец.

За окном рано наступившей осени – 1965 год.

До отъезда в Израиль оставалось ровно... двадцать пять лет!

Только сейчас я понимаю: именно тогда у нас было полное счастье, когда все были вместе! И все – живы!

Время, время! Ну что тебе стоит? Что?..

Верни меня, верни х ся бы на пять минут в
прежний Михалин.

***А в мое израильское окно светит луна
2017 года...***

Тум-балалайка

Кружатся снежинки. И мы кружимся. Под небом!
Морозным! Новгодним! Я сегодня приехал в
Мстиславль, где живут мамины родственники и мои
двоюродные братья и сестры. Одни из них – меня
старше, другие – младше. Разница в возрасте как-то нас
отдаляет.

– Идем к Юзику в гости, – подморгнула мне моя мама.

Я знаю, что совсем рядом живет ее двоюродный брат, которого во время войны спасла белорусская девушка Маша. Что потом он женился на своей спасительнице. Что они дружат с мамиными родными, но раньше как-то не доводилось встречаться. То одно, то другое, а чаще всего, когда мама приезжала на два-три дня в Мстиславль, ей не хватало времени даже навестить своих двух родных сестер и брата. Уже нужно было уезжать домой, где с нетерпением смотрели в окошко ее младшие сыновья. И отец, уставший от работы по домашнему хозяйству. Может быть, поэтому мы никогда не встречались. И вдруг: идем!

Круглолицая Маша, белорусская жена моего двоюродного дяди, целуется со мной, с мамой, усаживает нас за стол. Возле меня – такая же круглолицая девчонка, как и ее мама, но с густыми бровями, как у моего дяди Юзика. Она моя троюродная сестра? Моя ровесница?

Никогда раньше я ее не видел! А мне – шестнадцать лет! Наши коленки внезапно прикоснулись, а плечики прижались. Горячая волна вдруг ударяет мне в висок. Я никогда раньше не обнимал, не целовал девушек, они меня просто не притягивали к себе. Постоянно думал о своих заметках в газету, поисках новых героев, предстоящей журналистской работе.

– Пойдем на улицу? – подталкивает меня Ольга, когда уже все попробовали за столом. На улице кружатся и кружатся снежинки. И мы, взявшись за руки, тоже кружимся. Наши лица возле друг друга. Я чувствую ее прерывистое дыхание, вижу горящие глаза. Забываю о том, что она моя какая-то далекая сестра, целую ее в теплые сладкие губы. Ольга оторопела от моей наглости, но сбрасывает с себя шапку-ушанку, которая кубарем летит в сугроб. Ее светлые волосы, как снег, который залепил деревья, дома, развеваются на ветру. Узорчатые снежинки садятся на ее красивое лицо, голубые глаза и длинные ресницы. Мы кружимся, кружимся вместе со звездочками-снежинками и... целуемся опять.

Не знаю, сколько прошло времени? Вечность, так нам показалось! Но когда вернулись в дом, я вдруг услышал незнакомую мелодию и слова диктора: Новый год в Израиле». Под песню «Тум-бала, тум-балайка»

показывали по телевизору людей на израильских улицах.

Все куда-то спешили. Люди, как люди! Дома, как дома! Но это же был совсем иной мир – мир загадочного Израиля, о котором мы всегда говорили дома. А какая мелодия? Яркая, зазывная, веселая! Как раз под Новый год!

Мы снова выскакиваем на улицу, напеваем запомнившие нам слова: «Тум-балалайка, тум-балалайка, тум-балала...». И... опять кружимся, кружимся со снежным хороводом, со своей юностью, со своим первым чувством... С того памятного новогоднего вечера, больше я эту песню в Белоруссии никогда не слышал.

А сейчас в Израиле слушаю! Часто слушаю:

«Тум-бала, тум-бала, тум-бала, тум-балалайка. Шпиль балалайка, тум-балала, шпиль ...» Про балалайку все понятно? А шпиль – на идиш – «играй»... Словно вижу танец звездных снежинок. Они кружатся под «тум-бала-лайку...». Кружатся с моей троюродной сестрой – белорусской по матери, еврейкой по отцу.

Ольга! Где ты? В России? Пригласи меня в гости под Новый год. Я обязательно приеду с песней «Тум-балалайка»! Ты ее помнишь? И мы... станцуем, как тогда! Станцуем вместе со снежинками. Когда нам было по шестнадцать!

По шестнадцать...

По шестнадцать лет.

Шма, Израэль!

После войны Михалин жил тоскливо еще долгое время: бесхлебица в пятидесятые и шестидесятые годы, беспутица осенью и весной. Но другой жизни никто и не видел. Люди не привыкли у власти не то, что требовать – просить. А она привыкла смотреть на всех копошащихся внизу ... свысока.

За самой маленькой никчемной, справкой вначале нужно было добраться до города, а это несколько километров, потом – в село Лозовицы. Здесь находился сельский Совет, куда какой-то умник-разумник, включил Михалин. Представьте себе картинку: пешочком в город. Дальше попутными машинами, ибо автобус ходил не регулярно. Потом снова пешком: от шоссе до здания сельсовета, которое находилось в глубине села. Наконец доберешься, а на дверях нередко висит замок. – Мы, как между небом и землей, ни село, ни город, – недоумевали в Михалине. Списывали все на прошедшую войну. Люди с этим соглашались: главное, чтобы больше ее не было. А пренебрежение к простым людям – так это разве в новинку?

Было проще простого включить Михалин в городскую зону и, трудности бы прекратились. Но если

это город, то и дороги нужно улучшать, и электроосвещение проводить, и автобусное движение организовать.

Нет уж! Лучше пусть и дальше живут михалинцы, как жили, – думает районное начальство, ничего не меняя.

А люди? А что люди? Они в такой жизни родились, в ней живут и, не представляют, что есть что-то другое.

Но все изменила... гроза. За ней, видимо стоял сам... Бог! Увидев такую здесь беспросветную жизнь, он решил вмешаться? Иначе как назвать то, что произошло?

...Стоял обычный день – летний, долгий, утомленный работой. Вечером ударила гроза. В Белоруссии она бывает часто в июне. Но чтобы так все гремело и сверкало молниями? Никогда! словно кто-то разбушевался на небе, разгневался за что-то! И вдруг, словно наметив жертву, молния ударила в самую бедную михалинскую хату, где жила девочка Зина с мамой и тетей. Ударила в тот дом, где даже не было деревянного пола. Дом вспыхнул, как порох. Все бросились спасать их имущество.

Мои родители тоже побежали, братья побежали. Если кто-то горит – спасают всем миром. Издавна так повелось на Руси!

В гари, в огне, в дыму – бегают люди под непрерывным дождем вокруг горящего дома.

И вдруг новый удар грома! В самом начале Михалина!
Там тоже вспыхивает пламя.

– Давид, не твой ли это дом горит? толкнул отца в плечо его друг – фронтовик Ваня Рябцев.

Батя стремглав бросился в начало Михалина.

Наш дом горел – старый, довоенный с пробитой во время войны крышей, согнутый от прожитых лет, уходил из жизни. И даже не сопротивлялся огню. Выжив в войну, он сейчас умирал. У него даже не было сил сопротивляться. Высохшая – пересохшая крыша, стены,

потрескивая горели, сверкали в пламени, будто танцую свой последний танец...

Все бросились выносить какую-то утварь, вещи, посуду. Дед Залман широко раскрыл глаза: он увидел происходящее. За что ему такое наказание? Две войны прошел, потерял семью. И в конце жизни еще пожар?

– За что?

Он ополоумел, дикими глазами смотрел вокруг, ничего не понимая.

– Папа, папа, сядь, сядь! – сын Давид принес ему какую-то табуретку, кем-то вытащенную из огня.

Залман ничего ему не ответил, ничего не сказал. Вдруг неожиданно для себя, не только для других, он подняв вверх руки, закричал: «Шма Исраэль Адонай Элоэину Эхад, Шма, Исраэль Адонай Элоэину Эхад (Слушай, Израиль! Господь – Бог наш, Господь один...)

Своим голосом он перекрикивал треск падающих стропил, остатков бывшего дома.

Залман молился, читал кадиш, словно, прощался со старым домом и своей жизнью, которая прошла в нем. Его слова улетали в небо. Эта была молитва, которую Михалин до этого раньше никогда не слышал... Даже, когда уводили отсюда на расстрел его жителей, даже тогда, когда их сбрасывали в ров. У Залмана – одного из последних жителей довоенного местечка, уже не было сил выдерживать удары судьбы. И он просил у

Бога, еврейского Бога в такой далекой от Израиля Белоруссии, помощи и сочувствия.

– Шма, Исраэль, Шма Исраэль! – кричал он, обращаясь к Элоиму (Богу), как кричали до него и после него евреи, когда уже обратиться было не к кому...

Охваченный пламенем, будто прощаясь со своими жильцами, со всем миром, дом постоял – постоял, и рухнул на землю, как подстреленный человек.

Наша семья жить перешла жить в будку, которую брат Сергей раньше построил в саду: он всегда любил мастерить. Вот его будка и пригодилась.

Батя стал ездить в Лозовицы, чертыхаясь после каждой туда поездки. Сколько-то всяких справок было нужно? Чтобы выделили лес для строительства дома. Дали документ, что старый дом сгорел. Чтобы выписали грузовик для перевозки лесоматериалов, трактор...

Соседи, мои милые михалинские соседи – русские, белорусы, евреи, даже те, кто у нас ни разу не был, стали приходить. Приносить что-то съестное, старые вещи. Одноклассники моих младших братьев собрали какие-то деньги. Запомнилось их участие, а не сумма. Малочисленная еврейская община города, которая сама еле-еле сводила концы с концами, объявила сбор денег.

Дед Залман оставшись в одной рубашке, что была на нем, все деньги полученные за страховку дома, которую платил тридцать лет, принес в семью.

– Возьмите! Постройте новый дом. Может и я поживу в нем немного,— говорил он. (Много не пришлось – всего два с половиной года) .

Батя взяв в банке денежную ссуду на много лет, уехал в лес. Он на время забыл, что его руки искалечены на фронте: выкорчевывал деревья, рубил хворост, тащил бревна на поляну. Мои братья Яков и Сергей помогали отцу в лесу, младшие Гриша и Леня – по хозяйству. Наняли строителей. Дом постепенно рос, поднимался в высоту ряд за рядом...

Когда наш дом сгорел, михалинские мужики взяли в руки топоры. И наш отец Давид Златкин (слева самый крайний), забыв о своих израненных на войне руках, корчевал деревья в лесу, обрубал толстые сучья.

А я веселый, радостный заканчивая учебу в Минске, решил вызвать родителей по телефону. Слышу голоса матери, отца, но они не такие, как раньше.

Чувствую сердцем: что-то произошло.

– Сынок! У нас все нормально! Сдавай экзамены! Мы тебя ждем, – успокаивают меня.

... Гриша заскучал. Не маленький уже, но и не большой. Ему чуть более десяти лет. Из дома раньше никогда не уезжал. И вдруг ... уехал. Не хотел – уговорили.

– Ты же видишь, у нас голову положить нет где, – взглядом показывает мать на черные бревна, которые остались от сгоревшего дома. Согласился, уехал с тетей Марусей – маминой сестрой в соседний Мстиславль. Побежать бы на реку, броситься в ее струящие воды, или в соседний лес. Двоюродный брат Саша. Сестры Галя и Света – такие довольные возвращаются домой. А Гриша? Гриша сидит возле окна и, все думает: «Как строится дом? Что там нового»? Живет здесь, а сердцем там – в Михалине.

– Не расстраивай ты себя. Побудь у нас, – уговаривает его тетя Маруся.

И добавляет в сердцах, видя, что он не соглашается: «Куда же ты спешишь? В собачью будку»?

– Лучше наша будка, чем ваши хоромы, – отвечает Гриша.

После таких слов, что могла сделать родная тетья, хорошо понимая племянника? Обняв его, она стала собирать в дорогу.

– Тетья Маруся! Тетья Маруся ! У вас очень хорошо! Очень! Но я хочу домой, в будку, – обнимают друг друга тетья и племянник. Смеются и плачут, плачут и смеются....

Вечером, когда мать собирала щепки, чтобы подложить их между кирпичей, на котором был железный круг, а поверх его стояла кастрюля с будущим супом, вдруг услышала басом: «Ма-ма, это я ! Гриша!»

Я не зная ничего, чем ближе подходил к Михалину, тем ноги бежали и останавливались. Вот бывает такое предчувствие. Бывает... Сразу ничего даже не понял. Все изменилось! Дома в глубине сада нет, возле самой дороги белеет сруб. В глубине какая-то будка и, навстречу идет... мама.

Ой, пожар, пожар! Или сам Бог! Как это не тяжело признавать, но... спасибо тебе за то, что ты нам... помог.

Без твоей помощи мы бы никогда не смогли построить тогда новый дом!

Через полгода в нем были мои проводы в армию. Потом были проводы моих братьев. Потом мы все пятеро сыновей сюда возвращались после армейской службы. Потом женились, приезжали семьями – с женами, детьми.

Наконец, летом 1989 года собрались в последний раз все вместе – перед отъездом в Израиль. И, оставили Михалин навсегда...

Только наш бывший дом стоит и сейчас. Стоит почти полвека. Его по-прежнему называют домом Златкиных, хотя около тридцати лет в нем живут другие люди. Погорелец девочка Зина выросла и стала Зинаидой Ивановной Грищенко – уважаемым и авторитетным руководителем одной из районных служб города. Одной из немногих, кто испытал на себя страшный пожар 1966 года и кто помнит его.

Наш бывший дом, построенный после пожара. У этой калитки наша мама всегда провожала своих сыновей, здесь же и радостно встречала. А потом и сама навсегда уехала отсюда...

Михалин включили в состав городского Совета. Все забыли, что когда-то он относился к сельской местности.

Ты себя помнишь, Михалин? Помнишь, каким ты был? Кто не знал и не видел тебя раньше, не оценят и сегодняшнего! Не оценят твои новые улицы, прекрасные коттеджи, тротуары, маршрутные такси...

Вас интересует: когда начались эти перемены?

После пожара. Не сразу, но постепенно начались!

Сапожник Шломо

В помните сапожника Шломо? А его жену Розу? Не помните? Тогда я напомню. В Михалине возле железной диковинной колонки, которую оставили после себя немцы, стоял квадратный домик без коридора. Вот в этом домике – в самом центре Михалина и жил Шломо.

Шломо, так Шломо! Только имя какое-то диковинное. Эли, Малах, Ела, Зяма – еще куда ни шло, а то Шломо?

– Шломо – это от слова «шлимазл»? – спрашиваю у домашних (в переводе с идиш, несчастный).

Отец на меня посмотрел, словно что-то проглотил. Дед не перестает крутить пуговицу на рубашке – то в одну сторону, то – во вторую.

– Д-а-а, познания у тебя точно, как у твоих друзей, которые кричат вслед Шлеме: «Шлимазл, шлимазл...». Только им простительно – они из другого народа. Но ты должен знать, – отец посмотрел на меня, потом на деда, который, тяжело вздыхая, сел на скамейку, – ты обязан знать, что Шломо – был третьим еврейским царем. Он же и великий, мудрый царь Соломон.

Я тихо присвистнул: изучая в школе историю древнего Египта, даже не подозревал, что рядом с ним было другое не менее древнее государство – еврейское. Как школьник-подросток, знал то, что положено знать. И не больше. Родители нас тоже особенно не пичкали дополнительной информацией. Отец только что вернулся после работы и совсем не был заинтересован в долгой лекции. Только сказал: «У каждого народа своя история. Придет время, и ты все узнаешь». Мне не терпелось узнать уже сегодня!

– Так ты считаешь, что нашего соседа могли назвать в честь еврейского царя? Может быть, и тебя назвали в честь какого-то царя. Ну даете?

Отец улыбнулся и повернулся к деду Залману.

– Папа, что ты скажешь?

Мне уже стало интересно. Дед не спешил с ответом. Он больше нам рассказывал о тех детях, которых расстреляли, а что говорить об отце? Все

известно – в одном доме живем. Дед поправил картуз на голове, провел рукой по бороде и выдал: «В прежние времена евреи не давали своим детям имена просто так. Только в честь кого–то. Твоего отца вместе со своей женой, я назвал Давидом. Такое имя носил отец Соломона – второй царь Израиля, который построил Иерусалим. Твоя бабушка, моя жена, была названа в честь праматери еврейского народа Сары.

... Вечер опустился над Михаином, мои младшие братья пошли купаться на озеро после пыльного дня, а я, слушая то отца, то деда, возвращался из сегодняшнего дня в прошлое и наоборот.

Назавтра, когда бедный Шломо пошел с сеточкой за хлебом и его снова атаковала местная ребятня криками: «Шлема-шлимазл, Шлема-шлимазл...», я пытался их остановить, рассказать , кто такой был Шломо.

– Шлема-царь, меня поймай. Шлема-царь, меня поймай, – пуще прежнего заскакала перед ним местечковая ребятня. Точно так же она шутила и с русскими, белорусами, которые были уже в годах.

Назавтра я зашел к сапожнику Шломо: хотелось с ним поговорить. Согнувшись, он колдовал над какой–то парой ботинок. Ничего царского в его облике я не увидел. Но он посмотрел тепло на меня из-под очков. Перевел взгляд на мои босые ноги. Улыбнулся: «В детстве я тоже бегал босиком по местечку. А сейчас ноги не хотят ходить. Но руки пока слушаются. Одному

нужно подметку подбить, другому – новую заплатку пришить. Вот так и проходит день за днем. – Встал со стула, оперся о стенку: «Роза, ты где? У нас гости! Кто? Внук Залман – юде».

Роза улыбнулась точно, как моя бабушка Соня, потрепала меня по голове и вручила большое красное яблоко.

– Что-то Батя шутит. Не могли его назвать в честь царя. Он же обычный старый сапожник, – думаю я и, взяв колесо с проволокой, которое мы называли водилой, помчался по местечку.

Прошла еще одна осень, еще одно лето. Потом еще пару раз прокрутился год. На крылечке сидит Роза. Ее седые волосы разбросаны, взгляд пустой, отстраненный.

– Все проходит, все уходит, все проходит, все уходит, – увидев меня, грустно качает головой.

Я знаю: Шломо умер! Он уже больше не улыбнется мне поверх своих очков? Не пошутит? А может, действительно его называли в честь царя? В его облике было что-то святое, чистое.

– Ой-вей, ой-вей, – плачет Роза.

У меня в руках сетка яблок – красных, крупных, которые я нарвал в колхозном саду для нее.

А над местечком опускается ночь. Первая ночь в Михалине без «царя Шломо».

Тейглах от Кели

–Зэ (смотри, идиш), кто к нам пришел?

На лице улыбчивой женщины – неопиcуемая радость. Она широко разводит свои руки. Мол, проходи, проходи и мне говорит: «Дядя тебя ждет»! Во второй комнате, среди подушек сидит круглолицый человек. Это – Файфа, родной брат моего деда Залмана. Единственный из двенадцати его братьев и сестер, который живет рядом с ним после войны. Всегда, когда я приезжаю из Михалина в соседний город Мстиславль, я навещаю его. Все-таки город! Не местечко.

Да и не могу не выполнить просьбу своего деда: навестить его родного младшего брата. Первый раз зашел настороженно, а увидел теплый прием, во второй раз ноги сами побежали. И на этот раз после громких восклицаний «Зэ», радостной улыбки Кели, поцелуев Файвы сижу у Кели на маленькой кухоньке. Почему у Кели? Да потому, что Файва уже забыл, когда выходил со своей комнаты.

– Кроватный человек твой дядя, – сообщает мне о нем Келя, – нет, нет я не обвиняю его. Войну обвиняю. Старые раны обострились, да так, что он стал неподвижным. – Поднимает палец, – И уже долгое

время. Но нам хорошо. Чтобы я одна делала? А так: «Файва, ты как? – спрашиваю у него из кухни.

– Гут, гут, Келя, – слышу в ответ.

– Укладываюсь спать, слышу: «А гуте нахт, Келечка!» А что мне еще надо? Только доброе слово. Слава Богу, слава Богу, – чтобы хуже только не было.

Я знаю, когда Файва вернулся после войны в Мстиславль, своей довоенной жены он уже не нашел. Расстреляли ее вместе с другими евреями. Сошелся с Келей. Высокая, энергичная – она не могла его не очаровать. А когда заболел, каждое утро молился Богу, что встретил ее. Есть еще два взрослых сына, но они как-то не прижились с Келей. Кто прав, кто виноват, только у сыновей – жизнь молодая, не будут же они ему простыни менять.

– Да ты ешь, ешь! Тейглах у меня такой, что объедешь всю Белоруссию, весь Советский Союз, нигде лучше не найдешь, – говорит мне жена моего двоюродного дедушки, или, как она называет его, дяди.

Тейглах действительно отменный! Даже тает во рту. А какая вкуснятина? На что моя мама – мастерица, но такой тейглах, как у Кели, она ни разу не выпекала. Булки – да! И какие булки! В магазине такие не найдешь! Думаю, мама выпекла бы не хуже, чем Келя, только разве накормишь семью из семи человек сладостями? Да и где взять столько муки, меда, растительного масла, яиц, миндаля, грецких орехов для их приготовления?

– Это я сразу понял, как только Келя стала мне рассказывать, из чего она делает свой тейглах.

Посмотрела по сторонам, будто боясь, что кто-то услышит:

– Ты знаешь, я потихоньку его продаю на базаре. Милиция меня с одного места сгонит, я на втором примощусь. Сгонят со второго, я на – третье. Да и люди, которые один раз попробуют мой теглах, за ним ко мне домой приходят. Только прошу, чтобы никому не говорили.

– Запрещено?

– Запрещено. Мол, не в фабричных условиях, не по закону. Скажи, а как нам жить? Пенсия – маленькая. Ты знаешь, сколько чего нужно покупать для твоего дяди? Нет, я не наговариваю, но кто мне даст гельд (деньги) просто так? А за мой тейглах еще голубушкой называют.

Меня уложили спать в маленькой спальне. На кухоньке до полуночи горел свет. Если вы думаете, что Келя в одиночестве пила чай, или гадала на картах, то вы ошибаетесь! Ой, как ошибаетесь. Келя выполняла «правительственный» заказ, как она сама шутливо заявила. В субботу ее соседка выдает дочь замуж. Пришла к ней и говорит:

– Келя, не буду же я дорогих гостей бульбой с мясом потчевать. Придумай что-нибудь такое необычное».

– Ну, я и придумала! Напекла орешки из теста в меду, шарики в меду. Чтобы они были более

хрустящие, добавила в них немного водки, – хитро улыбается Келя.

– Чтобы сразу и выпили, и закусили?

– Весь в дядю! Вы все Златкины такие? – хлопает в ладони.

А дядя из спальни одобрительно смеется. Видимо, остался доволен обоими!

Скажу больше: Келю пригласили на свадьбу. И я там был: вино, водку пил!

– Все это, – склонился ко мне подвыпивший сосед, и обвел рукой поднос со сладостями, – еврейские штучки. Но о-очень вкусные штучки. – Определив, что я не из его белорусской родни, погрозил пальцем: «А ты сам того, не из этих «штучек»? – И довольно улыбаясь, потянулся за следующей порцией Келиных сладостей.

Вот так жила и моя тетя Келя, угощая мстиславльский народ – русских, белорусов, евреев своими изделиями. Кому продавала на рынке, кому готовила дома по личному заказу. Провожая меня, передала для мамы целый пакет угощений. Постукивая резиновыми сапогами нога об ногу, до тех пор она стояла на остановке, пока не подошел автобус.

В Михалине мой дед Залман меня встретил первым. Не зря! Догадывался: если его внуки налетят на передачу, ему останутся только одни крошки. А мы не знали с чего начинать? С тейглах или с айнгемахц (вареная редька в меду), иди с имберлех (морковь в сахаре), или с лекеха, струделя, рулета с маком?..

– Гор, гор! (все, все), – наконец сказала мать, оттаскивая нас от праздничного стола, – оставьте на завтра.

Сейчас я вам еще кое, о чем расскажу! До Михалина тогда я не довез ...гоменташа (булочки с маком). Когда в купе вагона раскрыл пакет с ними, все на них жадно посмотрели. Ну я и угостил каждого, не преминул сказать, что это еврейские сладости. Мои попутчики – белорусы – уплетали их аппетитно вместе со мной. А один из них, когда закончились Келины булочки, раскрыл свою сумку. Догадайтесь, что там было? Да-да, драники с мясом.

Теперь, когда я приезжаю в Минск, спешу в свое любимое кафе возле ЦУМа. Там та-кие драники!

Но когда покупаю в Израиле гоменташи, я всегда вспоминаю милую Келю и Файву – единственного из двенадцати родных братьев и сестер моего деда Залмана, кого мне довелось увидеть

Седая прядь

Нашим родителям соседи посоветовали: отдать одного из пяти сыновей в школу-интернат.

Мол, легче будет прокормить остальных детей. Годы – пятидесятые: трудные, проклятые.

– Кого отдать? Старших не берут по возрасту, младшие очень привязаны к дому. Может, среднего? – думает наша мама. – Он общительный! В столичном интернате хорошо учат, дают нужные профессии. Минск – это Минск! Не маленький городок, как Климовичи.

– Поедешь? мама спрашивает у Сергея.

– Я там буду один? Без всех? – показывает взглядом на дом.

– Ты же большой, взрослый!

Наутро собралась в школу.

Рано встала.

Закрыла за собой калитку, по дороге спустилась вниз. Яблоневый сад остался позади.

И вдруг истошный крик: М-а-м- а-а.

Перескакивая через лужи, бежит ее «взрослый» сын Сережа, которому чуть более десяти лет

Его белая головка мелькает среди белых берез.

И, вдруг позади показывается грузовик. Он быстро едет по дороге, параллельно которой петляет дорожка с бегущим по ней ребенком.

И как только до машины остаются считанные метры, он внезапно бросается через дорогу. К маме, к маме!

Он не видит машины, не слышит звука ее мотора. Только хочет ей сообщить, чтобы пока не давала согласия насчет его учебы в интернете. Не знает сможет ли оставить Михалин? Жить один без родных в большом и чужом городе?

А мама, как стояла, так и опустилась на землю: ее лицо стало бледной, как мел.

Увидев, что Сергей бросился через дорогу буквально в нескольких метрах от машины, она стала хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на землю. Беззвучно кричать, махать рукой, но ни сына, ни машину, которая катится с горки, остановить уже не может.

И... больше ничего не помнит.

– Мама, мама, – открой глаза, открой, – вдруг услышала возле себя детский голос.

Сын, здоровый и целехонький стоит возле нее: как ему удалось проскочить за пару метров от машины – только один Бог знает?

– Ник-к-ку-да ты не пое-едешь, – стуча зубами, как в лихорадке, обнимает мама сына.

...Возможно, мой брат стал бы известным скульптором, художником, дизайнером. Ибо там была специализированная школа для талантливых детей. Он стал инженером, и его жизнь пошла совсем по иному руслу. Но тогда у его на столе я увидел рисунок нашей

мамы. На нем было ее совсем другое лицо, а в волосах – первая седая прядь...

Потом Сергей стал писать, выпускать самодельные книжки с рассказами, с одним из которых вы познакомились в этой книге. Он называется «Смерть старого Залмана...»

Немой

В его глазах мольба и боль.

– Э-э, э-э,– хочет что-то сказать, но не может .

– Ня-мы, ня-мы, – несется со всех сторон по

Михалину .

Дети – народ жестокий.

Если не такой, как все – значит, отверженный! Улицей, ребятами. Даже дома смотрят жалостно. Братья, конечно, любят, но куда с ним? На речку?

Уплывет – не докричишься! В лес? Уйдет – не дозовешься.

Одно слово – немой ! И есть на свете, и нет.

Э-э, – тянется за братьями по местечку.

Выстроились две команды на футбольном поле. Володя любит бегать, играть с мячом. Улыбается, показывает всем видом, что тоже хочет быть со всеми.

– Ня-мы ! – и в сторону, – выталкивают его на обочину поля.

Вечером собираются ребят играть в городки. Подошел, взял в руки биты.

– А ты что, нямы? Уходи отсюда, уходи, – кричат на него. Ничего не слышит, но понимает по губам, что гонят, его гонят отовсюду.

В маленьком сердце непонимание: что он такого сделал, что никому не нужен?

И вдруг новость: нигде не видно немого.

– Где он? – спрашивают у братьев – Сергея и Виктора.

– Батка и matka завезли его в школу глухонемых.

В центре небольшого райцентра, за высоким забором – школа. Ни зайти, ни выйти без разрешения: специальное учебное заведение. Падает на колени Володя, целует ноги родителей. Мол, не оставляйте меня здесь одного: домой хочу.

Дрогнуло сердце у мамы, у отца оно тоже не железное.

Только пересилили себя: обняли сына, объяснили, что будут приезжать к нему, что любят его очень и хотят, чтобы он был не хуже, а лучше других

– Как? – показывает знаками Володя, – Я, лучше других?

– Ты, ты, - обнимает мать.

Зд-ра-а-вст-ву-й-те, – открывается дверь и в, наш дом входит Володя.

Прошел только год, он приехав на летние каникулы, и сразу же прибежал к нам. Мы жили рядом, да и не показывали к нему пренебрежение. Он всегда чувствовал теплоту и радушие в нашем доме. Дружил братом Сергеем. У них была одна общая страсть: рисование! Оба рисовали отменно, обменивались работами.

Хлопает Володя Сергея по плечу, показывает большой палец и говорит: « Мо-ло-дец, мо-ло-дец»!

Так мы узнали, что немой не просто немой, а художник, будущий художник.

С каждым приездом на Михалин, он менялся, вырослел, становился другим. Как-то я увидел, что идет по местечку модно одетый мужчина с бородкой.

– Кто это?– спрашивает Батя, закрыв рукой глаза от солнца.

А незнакомец, радостно сверкая улыбкой, бросается к нам в объятия.

– Здравству- й-те, это я Во-ло-дя!

Наш дом на самом краю Михалина: первыми видим, кто уезжает, кто приезжает. Вот и Володю встретили первыми .

Присели, чемоданчик возле скамейки, угощаем фруктами, овощами.

А Володя спешит: он давно не был дома.

Уходит дальше, радуясь Михалину и всем людям, которых он знает, помнит.

– А, это ты немой, – бросает на него удивленный взгляд Мишка-тракторист, бывший капитан футбольной команды, удаливший его с поля, – тебя не узнать?

– Доб-рый де-нь, – протягивает ему руку Володя, он давно уже забыл детские обиды.

Иду по Михалину 2016 года. Вот и дом – разноцветный, добротный, где раньше жил Володя и его семья.

За забором – другие: никого уже нет. Все умерли: и братья, и родители. Осталась только младшая сестра.

– А Вова, Володя как? – спрашиваю у дальней родственницы.

– Володя живет в центре России, он у нас – известная личность: художник. Его работы покупают иностранцы.

И ... Михалин открывается мне по-иному.

В наше время он уже не был еврейским. В нем жило большинство белорусов. И, самым несчастным, и самым обездоленным был немой. Так его звали, имени у него не было...

Володя, сейчас у тебя есть – Имя! Есть!

Володя, мой друг далекого детства, если ты прочтешь эти строки, знай, я тобой горжусь! И не только я, но и все, кто тебя знал. Ты не просто Победитель своей Жизни. Ты – ее Художник и Творец!

Ты – самая лучшая и самая прекрасная картина, которую создал в своей Жизни!

Иду по дороге. На лавочке – старая женщина.

Увидев меня, она машет мне рукой, хочет что-то сказать.

Как же трудно в ней узнать божественную Алену, по которой сохли все наши хлопцы? Светлые волосы по пояс, голубые глаза, сочные губы, грудь, разрывающая все кофточки...

Красивее ее, у нас никого не было. Даже никто не замечал или не хотел замечать, что девушка говорит с трудом. Говорит ведь, и ее понимают. Не говорящая, как все, но и не немая, как Володя.

Присел рядом с ней, обнял при встрече. Плачет Алена: молодость прошла, старость пришла, красота улетела. Работала уборщицей, замуж так и не вышла, осталась одна.

Помню: ее родители тоже завезли в школу глухонемых. Только девочку вскоре забрали оттуда, мол, может учиться и в обычной школе.

Все понимает, что-то слышит, как-то говорит?

Белые облака! Белые облака! Куда же вы улетаете? Куда?

Вернитесь обратно, заберите с Алену! Пусть она начнет все сначала...

Но облака от нас уплывают, Алена продолжает что-то шептать на непонятном мне языке.

– Она стала совсем немой, – думаю о ней. И о Володе, который заговорил...

Как живешь, Михалинское озеро?

Росинки серебрятся на траве, яблоки сверкают на солнце, а куда бежит летом наша детвора? Угадали! На озе-ро!

Хотя, конечно, нам не повезло, как другим.

В городе Климовичи протекает река Лобжанка, в соседних с нами селах Свирель и Блюминг – тоже полноводные реки. В Михалине – озеро, куда сливают отходы местного спиртзавода...

Попробовали лишний раз сходить на реку к соседям. Далеко, не находишься.

Нет, лучше уже дома.

Сегодня – первый день лета! И тишина такая, которая может быть только в начале июня. Наше озеро прячется за садом, в низине. Дорогу сюда мы знаем с закрытыми глазами.

Вода еще не нагрелась, но притягивает лучше любого магнита.

– Потом погреемся. На берегу, – шутит мой брат Яков, бросаясь в озеро. За ним – младшие братья Сергей, Гриша, Леня (слева его голова на фотографии только и виднеется). Все уже уплыли далеко. Обычно, мы плаваем от берега до берега. Этот небольшой ров – наше излюбленное место.

Вечером еще и рыбу здесь наловим, завязав обычную рубашку с двух сторон. В центре озера – на плотках и надувных камерах, ребята постарше нас. Мы тоже подплываем к ним на спинке: так легче преодолевать расстояние. Освежились? Утром для этого много времени не нужно.

Как только зубы начинают стучать от холода – вылетаем на берег.

Простуда? Какая? Полотенце? Какое? Плавки? Какие?

Снимаем с себя портки и в, трусах прыгаем в воду так, что она поднимается вверх, брызги летят во все стороны.

Как на этой фотографии, которую я сделал в 1966 году.

(Через 50!) лет вновь пришел на это озеро. Пришел не из соседнего дома за пять минут, а после долгой дороги из Израиля.

– Здравствуй, озеро! Расскажи, кто здесь живет из моих приятелей детства, кто тебя навещает?

В ответ – тишина.

Понимаю. Одних уже, вообще нет, другие – далече.

– Считаешь, у нас разговор не получится?

Получится! Сообщу тебе приятную новость. Думаешь, что жил только для того, чтобы принимать заводские отходы?

Ан, нет! Мы же еще здесь учились плавать. Позже, куда бы судьба ни забрасывала, ни в каких морях не было страшно.

– Удивляюсь, как в твоей воде, полной всяких химических отходов, никто из детей не заболел. А может, они нас наоборот укрепляли, придавали тонус? Так теперь говорят?

Ветер в разные стороны гонит камыши, в которых спряталось наше далекое детство.

– Тихо, рыбу вспугнете, – недовольно говорит мне юный рыбак с удочками.

– Что, вообще не ловится?

Угадав во мне чужака, бросает взгляд на свою подружку, мол, пойдём отсюда.

Желтые подсолнухи опустили головы.

– Вы тоже скучаете по тем временам, когда озеро кипело, бурлило, когда местечковая ребятня – мускулистая, загорелая, выносливая бегала по берегу озера?

Старые, согнутые деревья опустили в воду свои головы.

Присел на одно из них, рука привычно нащупала на нем ложбинку. Узнала меня, почувствовала? Сколько раз я прыгал с этого дерева без робости головой вниз в зеленую глубину озера? Сейчас бы не посмел.

Вдалеке белеют заводские корпуса, которые стоят без дела. В озере плавают не друзья моего детства, а белые облака.

Им здесь вольготно. Многих, как и меня, жизнь увела далеко. Облака остались. Кто-то должен плавать в озере...

Детские души над Михалином

Они жили не далеко от нас. Тихие, спокойные люди. Рувена встречал чаще, когда он гнал своих гусей на михалинское озеро. Зелду – реже, иногда по дороге в магазин, на улице.

Проходили мимо, приветали кивком головы. Мы, дети, знали всех взрослых, а они тем более нас, росли на их глазах.

Но Рувен и Зелда проходили мимо каждого, как безмолвные тени.

– Почему они никогда не улыбаются? – спрашиваю у отца.

– Горе у них, большое горе. Сами спаслись чудом, а их довоенных детей расстреляли. Зайди, поговори. Придет время, воспоминания таких людей будут искать – не найдут, – советовал отец.

Очень он хотел, чтобы я написал о той трагедии, которая произошла с местными евреями. Тогда ее прятали внутри, не выносили на люди. Не было принято говорить во весь голос о массовом расстреле. Как воспримут власти, соседи?

Поэтому Рувен и Зелда больше думали уже о родившихся детях: назвали их такими же именами, как и довоенных: Арон и Моисей, Рахель и Сара.

Прошли годы, Рувен и Зелда похоронены на климовичском кладбище, их дети уехали из города. А я вспоминаю, о чем мне рассказывал тогда отец.

...Всегда, когда я приходил к родителям, он провожал меня домой. Мы выходили за калитку, проходили мимо бывшего сада, спускались вниз к зеленому лугу.

Еврейское кладбище в Климовичах.

Здесь останавливались и, уже я провожал отца обратно. И так было бесконечно. Вот в одну из таких прогулок, и рассказал мне Батя историю о Рувене и Зелде.

...Война быстро ворвалась в маленькие местечки Белоруссии. Каждый спасался, как мог. Рувена забрали в армию. Во время первых боев, его часть попала в окружение. Некоторые солдаты не скрывали, что лучше сложить оружие, чем воевать за коммунистов и жидов, как они говорили. Рувен в составе группы командиров и офицеров, пошел лоб в лоб на врага. Другого выхода прорвать «котел» не было. Рувен с ярко выраженной еврейской внешностью, был узнаваем мгновенно. Маленький, черненький, с большим носом и, минуту бы не прожил, попав в лапы фашистов.

Прорвались единицы, в том числе и Рувен. В лесу набрел на вооруженных людей. Могли расстрелять, ибо многие считали евреев шпионами. А те, кто так не считал, тоже расстреливали, не хотели видеть их в своих отрядах. Рувену повезло: его взяли в отряд, стал партизаном. Да таким, что о его храбрости легенды ходили. А каким был переводчиком? Подслушать разговор на линии, допросить пленных – лучше его никто не мог!

В партизанах встретил освобождение Белоруссии, приехал в родной город, стал искать семью.

Ходит по улицам, спрашивает у людей, может, кто знает, что с ними?

Вдруг увидел женщину: опущенные глаза, что-то шепчет про себя, в странной самотканой одежде.

Чужая, незнакомая, но где я ее видел, где? – спрашивает у себя. Повернулся, догнал, посмотрел в глаза:

– Зелда? – не сказал, прошептал, не мог поверить своим глазам.

В ответ услышал: «Зина я, Зина...»

Только по голосу Рувен узнал свою жену, так она изменилась за годы войны.

– Когда начались расстрелы, нас погнали к общей яме. Одна у меня была мысль, как спасти детей? – рассказывала ему позже Зелда. – Понимала, что спасти их никак не могу. Решила: начнут стрелять, сброшу детей раньше себя, может быть, не успеют их убить, прикрою своим телом. Вдруг, не заметят? Останутся живыми, потом как-то выберутся наверх. Иного пути не видела...

Полицейские уже вошли в раж... Евреи смеют сопротивляться, не идут, убегают? Один из них уже приметил высокую красивую женщину с четырьмя детьми, которые прижимались к ней с двух сторон.

Хотел схватить самую младшую: зачем патроны портить? Штыка достаточно! Как тигрица, женщина набросилась на него.

– Вместе хотите подышать? Я вам сейчас устрою общую смерть, – сорвал винтовку с плеча.

Худосочный, плюгавенький, чувствуя, что природа его обидела в отличие от этой еврейки, он свирепел с каждой минутой.

А Зелда, обняв детей, бросилась в яму, опередив выстрелы на несколько секунд .

...Очнулась вечером под грудой тел. С трудом вылезла, стала искать детей, звать. Не дано ей было знать, что сбросив их в яму, она продлила им жизнь только на несколько минут. Увидев, что они живые, худосочный добил их в общей могиле. Увидев Зелду всю в крови, посчитал ее убитой. Вылезла, доползла до какого-то дома, попросила воды попить, умыться.

Не дали, захлопнули дверь перед ее лицом. Поразило не это.

Поразило, как хозяйка хаты говорила о ней.

– Ты посмотри на гэту жидовку? Не засталася с мертвыми детьми в яме. Жывучая, сука!

Эти слова резали уши Зельде. Она хотела погибнуть, чтобы спасти детей. Но Бог решил другому: спас ее, оставил в живых. Значит, она нужна кому-то еще на этом свете...

Большими лопухами вытерла лицо, руки от крови и пошла в лес. Ни волков, ни других зверей не боялась – боялась людей...

Лесной ручей утолил жажду, зеленая кора деревьев, грибы – голод.

Шла через леса – в Россию, подальше, подальше от той зловещей ямы.

В каком-то маленьком селе затерялась. Никто не спрашивал, кто она? Да и по ней было видно, кто? Зелда назвала себя Зинаидой, ничего не рассказывала. Да и некогда было вести разговоры: ждала работа в поле, на ферме. В дом ее взяли на самую тяжелую работу в обмен на кусок хлеба и жизнь... Немцы и полицейские в это болотное село и не лезли, боялись провалиться в трясину... Вот так она жила все эти годы. Жила в каком-то тумане, во сне, мало понимая, где она и что с ней происходит. Так прошло несколько лет...

– Все! Немцев прогнали. Иди домой, – наконец сказали хозяева Зельде – Зинаиде, проводив ее на дорогу. Дали новые лапти, самотканую одежду, узелок с продуктами.

Шла, а ноги не шли. Какая – то сила толкала вперед. Только позже поняла: судьба у нее была такая: остаться живой и встретить мужа...

Чтобы один из супругов остался в живых после расстрела, а второй – вышел из окружения, это было редкость!

Чаще всего – и это было в лучшем случае, кто-то оставался один. Искал себе пару, создавал новую семью, но склеить разбитую жизнь было невозможно.

У Рувена и Зелды не было никакой романтики, как при новых отношениях, но после войны и без детей, они были другими. Оттаивали тяжело, приходили в себя долго.

Уехали подальше из своего города, обосновались рядом с Михалином. Поставили дом, первый сын

родился через пять лет, потом появились младшие. Они как-то уменьшили боль по довоенным.

Вот такая давно забытая история. И я бы к ней не возвращался, если бы приятель мне не сообщил, что у него гостил Арон, старший сын Рувена.

– Ну и что?

– Я жил с ним по соседству в Михалине. Никогда раньше он не говорил мне о его убитых старших братьях и сестрах. Никогда я не видел, чтобы он переживал за них. А теперь открыл свою душу. Оказывается, все годы он жил с болью, которая сейчас у него особенно обострилась.

– Почему?

– Укоряет себя, что не узнал у родителей, где похоронены его довоенные братья и сестры. И он уже на восьмом десятке, не сможет показать своим детям и внукам их могилу. Так она и останется безымянной.

...В свой последний приезд на Михалин, я увидел, как кто-то гонит на озеро белых гусей. И такой же маленький, как Рувен.

Что это? Наваждение? Бегу за белым стадом. Кричу, кричу: Рувен, Ру-вен ...Мне навстречу... мчится машина, поднимая пыльное облако.

А может, это было не оно, а светлые детские души, взлетевшие над Михалином?

Может, они хотели, чтобы я рассказал о них?...

Стучали топоры

Белым, прощальным цветом наливался наш сад. Никогда он не расцветал так пышно и, в то же время, так грустно, как весной 1990 года. Обычно первыми расцветали отцовские яблони, потом сливы, а в конце – наша старая груша, которая до прививки была ... дичкой.

А весной 1990 году на наш сад опустилось белое облако цветов.

– Строители, не загубите мне деревья, – ворчит отец, увидев, как расположившись на свободном месте в саду, мы сбиваем контейнеры для отправки багажа.

Мы и не меньше его бережем наши любимые деревья.

Но отец, или Батя, как его называем дома, не успокаивается.

– Кому, да еще в Израиле нужно ваше старое барахло? – не понимает он.

– Все же отправляют контейнеры, – не сдается мать.

Отец презрительно осматривает строительную площадку и, стучит себе по лбу.

– Вот что нужно везти, головы! Еврейские головы!

– Хорошо, хоть у тебя есть голова, – стойко держится мама, а нам дает сигнал, мол, не обращайтесь на него внимание.

Стучат – стучат топоры в Михалине и, какие-то непонятные сооружения из досок, начинают постепенно напоминать настоящие контейнеры.

Что в них положишь? Электротовары, вещи – все же ограничено весом...

Сейчас все воспринимается с юмором. Даже с глубоким юмором, а тогда? Многие из моих читателей сами прошли багажную одиссею и теперь могут над ней только подсмеиваться. Весной и летом далекого 1990 года, всем отъезжающим, как и нам, было не до смеха. Жизнь на новом месте предстояло начинать с нуля.

Вот поэтому наши красивые контейнеры ожидали свое путешествие в далекую страну. В них мы хотели отправить за моря – океаны хоть какие-то вещи, чтобы на первых порах было легче обустроиться.

Но что-то помешало завезти их таможенникам.

И, тогда младший брат Леня предложил часть наших вещей, переложить в его контейнер.

Батя довольно хохотал, стуча себя по лбу, мать перекадывала все со стороны в сторону, не зная, что выбрать.

А в последнюю минуту для отправки отложила красное зимнее одеяло, кухонный столик, да еще какую-то мелочь...

– В Израиль? Зимнее одеяло? – продолжал недоумевать Батя?

Уехала машина с контейнером брата, наши, невостребованные контейнеры стоят в саду, а нам остается последняя ночь в Михалине.

Помню, эта была светлая ночь. Дорожка от луны опустилась в сад. В нем стало светло, как днем. Деревья стояли грустные. Они слегка покачивали ветвями, будто прощаясь с нами...

А через два дня мы были в Израиле, где оказались вначале такими же невостребованными, как и наши контейнеры. Но назад не возвращались. Все было отрезано: знали куда едем и, с чего будем начинать. Не только мы.

Даже бывшие профессора не считали для себя зазорным подметать улицы. Постепенно все утряслось

и, об этом вспоминают сейчас только с улыбкой. Вы спросите, а что с теми контейнерами, которые проделали в Израиль далекий путь из Белоруссии, России, Грузии, Узбекистана?

– Заходи, под чинарой попьем чай, – приглашает меня Михаил, шевеля седыми бухарскими усами.

Чинарой он называет свое огромное лимонное дерево.

Вхожу через калитку. Михаил рукой стучит по ней.

– Такое дерево здесь найдешь? Ни-ког-да! Я разобрал свой контейнер на доски, попросил контейнеры у друзей, которые не знали, что с ними делать. И вокруг своего земельного участка построил такой шикарный забор. Что скажешь?

Что говорить? Пьем чай с узбекских чашек под его «чинарой».

Мой друг Леон, усадив на колени любимых собак, с любовью разглядывает свое главное сокровище – библиотеку, которую вывез из центра России. Писатель! Что есть еще дороже книг? Каждый томик для него, как живое существо.

– Ты думаешь, я не мог бы обновить свою мебель? Мог! Но прихожу домой и, встречает меня мебельный гарнитур, который привез из Бобруйска. Опускаюсь на диван, проведу рукой по нему, будто мамин голос слышу: «Богенька, ужин на столе. Могу я расстаться с этим диваном»?

Мой отец оказался прав!

В Израиле действительно жарко и, совсем не нужны зимние одеяла. Кто очень хочет, может их приобрести. Новые – легкие и очень воздушные, как пушинки. К тому же еще теплые.

Но когда мне вдруг становится холодно – до внутреннего озноба, мне помогает только мамино старое красное одеяло. Когда-то атласное, сверкающее, оно поблекло, местами появилась вата.

Укрывшись под ним, чувствую тепло маминых рук, которые согревают меня, как при ее жизни.

Когда приходят мои внуки, они хотят сидеть именно за небольшим, но еще крепким столиком, который совсем не похожий на израильские столы.

– Это стол Бати и бабушки Иры? Вы его привезли из Михалина? – спрашивают у меня.

– Какой стол! Ему более тридцати лет, а он, как новый, – удивляются они.

– Сделали в Белоруссии, – держу марку своей прежней родины.

В нашем израильском саду цветут лимоны, апельсины, а я вижу белый цвет отцовских яблонь, груш и слышу, как стучат в Михалине топоры:

«Тах-тах, тах-тах, тах-тах-тах...»

Стучат топоры.

Стучат топоры в Михалине.

Стучат топоры в Михалине, а я почти тридцать лет в Тель-Авиве.

В Тель-Авиве.

Еська

Вы хотите знать, как выглядел Еська? Тогда я вам скажу! Как Николай Силиченко и Яшка – цыган, взятые вместе.

Теперь представили, какой это был красивый и вальяжный человек? Высокий, кудрявый на всю голову, улыбка на 32 зуба. Все его в Климовичах знали – белорусы, русские, евреи. Городок-то маленький. Тем более, Еську – так его звали все. Кем он работал? Пожарным в местной пожарной части. Пожары – вещь не частая, машины стоят. Еська и его друзья, что делают? Отдыхают, в домино, в карты режутся. Только от этих занятий у Еськи глаза слипаются.

Не интересно. То ли дело, когда его приглашают на свадьбу. Приглашают многие. Почему?

Вы же понимаете, когда такой красавец приходит на свадьбу, все внимание обращается на него.

Где будет сидеть Еська? Понятно где! На месте тамады. Лучше его, ведь никто не развеселит людей на свадьбе.

Но вот заскучал народ. То ли уже перепил, то ли еще недопил. Грустную ситуацию сразу же подловил Еська.

Что делать? Уговаривать опять наливать? Не работает!

Тряхнув чубом, поправив черные усы, он подходит к новобрачному. Берет его за плечи и громко говорит:

«Жених? Ты что переживаешь? Есть еще хуже тебя...»

Что было потом, трудно представить, только спрос на Еську, как на тамаду после этого вечера, возрос во много раз.

А климовчане, знакомые с этим перлом, при встрече и сегодня подталкивают друг друга в плечо, мол, не переживай! Есть еще хуже тебя!

Встретил старого земляка в Ашдоде. Попросил подвезти по дороге.

– Поехали! Потом заведешь!

Смеемся! Более полвека прошло с того времени, когда Яков Захарович Смоляк, руководитель местной торговой сети, выдал этот перл своему водителю.

Приехал я в Климовичи.

Встретился с друзьями. Сходили в баньку, выпили, поговорили.

– Не переживай! Есть еще хуже тебя, – хлопают меня по плечу.

Отвозят домой.

– Поехали! Потом заведешь, – говорит мой друг своему сыну.

Думаю: не зря я приезжаю в Беларусь. Словно, в молодость свою возвращаюсь!

Иудейская красавица

Есть у меня еще одна история. Без нее никак нельзя.

Да и ты, Михалин – сам все знаешь. Я только напомню А для того, чтобы отделить нашу историю от других, давай ее назовем «Иудейской красавицей». Вы скажете, откуда она может появиться в Белоруссии? Это же не время древней Иудеи, которое Иосиф Флавий описывал в своих романах? Как может быть, чтобы через столетия совсем в иное время, в другой реальности, в Михалине появилась... иудейская красавица. Я думаю, гены! Просто сильные гены, которые передавались из поколения в поколение. Но не буду вас держать в напряжении. Начнем!

Ой, Михалин, Михалин, ты же еще не открыл мне все свои тайны. Не все?

Помнишь, как возвращались к тебе твои местечковцы? С фронта – солдаты, из тыла – женщины, дети. А дальше, что? Жизнь строить? С кем? Даже те немногие, кто вернулись, увидев, что ни кола-ни двора, уехали в Москву, Ленинград, Минск.

А Хане куда изволите ехать? Родители, маленькая дочь – все на ней. Посмотрит на себя в зеркало: черная коса до пояса, глаза с поволокой: Красивая!

Только красота эта какая-то не местная. Лицо – смуглое, брови – взлет, губы – полные.

– Доченька, у тебя своя красота – иудейская! От далеких наших иерусалимских предков, она тебе передалась. Ты из-за этого не печалься, а радуйся: одна здесь такая, – обнимает ее мать. И правда, посмотрит на подруг – волосы светлые, как березы белые, глаза голубые, словно васильки полевые. Соберутся вечером возле старой хаты девочки, выросшие за войну, сидят на бревнах, семечки лузгают, только белые зубы в темноте сверкают...

Гармонист крутнет чубом, да как ударит по клавишам. И... плывут, плывут лебедушки по кругу в выглаженных ситцевых платицах. А потом каблучками стареньких туфельек, каблучками... В такт музыке, в такт.

Гармонист еще шире растягивает меха и... льется:

«Ой, сад, виноград,
Зеленая роща,
не зять виноват,
Виновата теща...».

И круг за кругом. Круг за кругом! И снова песня!
Уже — «Страдание» —

«Все бы ты, гармошка, пела,
переборами звеня,
А кому какое дело,
что на сердце у меня...».

Михалин спит, а здесь коль война прошла, жизнь начинается. Девчата одна за другой выходят в круг. Гармонист так и режет аккорд за аккордом! Закончив мелодию, опускает гармошку на колени своей поклонницы. Перекур!

Хана посидит, посидит со всеми на бревнышке и домой. Куда уж ей невеститься, ведь не зеленая девчонка? Одно счастье — работа. В местечке она видный человек — бухгалтер. Работящая, старательная — нет времени на разговоры. Сколько разных документов нужно проверить, занести в сводки. Люди работают на полях еврейского колхоза, а она — в бухгалтерии. Ошибешься в чем-то, подведешь колхозников.

Но нет да нет, бросит взгляд в окно. Раньше золотым отливом светились клены, а теперь они украсились снежными гирляндами.

– Ханочка, ты, видимо, ждешь рыцаря на белом коне? Все в окно заглядываешь? – спрашивает ее смешливая подруга, покрутив короной льняных волос.

– Рыцарь? Да еще на белом коне? У нас в Михалине? Летом местечковые ребята гарцуют на конях. Только эти рыцари для вас, молодых, а мой рыцарь, – вспомнив об отце дочери Тамары, который остался на войне, да и другие там же, махнула с досады рукой.

На крыльце конторы послышались шаги, и в комнату, заваянный снегом, вошел колхозный зоотехник Никита. Подруга хотела что-то сказать смешливое, но, увидев непроницаемое лицо гостя, удержалась. А Никита, оставляя позади себя мокрый снег от галош, направился к Хане.

– Тебе чего, Никита, отчетность принес? Ты же передавал ее раньше?

– Шел мимо. Зашел погреться.

– Погреться, так погреться, – отвечает Хана и снова за работу.

А Никита, как полдень, так в контору. Садится напротив Ханы и... молчит. Он часто молчит. Не разговорчивый, такой! И повелось, как обеденное время: Никита тут, как тут! Хоть часы сверяй по нему!

– Хана не к тебе ли он приходит? – вдруг поинтересовалась та же, смешливая.

– Ко мне? Да зачем я ему? Найдет себе белоруску, хоть тебя, например. Красавица, без ребенка, как я. Видимо, ему просто хочется отдохнуть. Возле меня стоит мягкий стул, а у вас – твердые табуретки.

Прошла зима, весна засветила в окна, выткала зеленые ковры на траве, украсила ими деревья.

А Никита? Что Никита, как ходил, так ходит. Сегодня появился, сел напротив Ханы, глаза в упор и спрашивает при всех: "Ты, ить пойдешь за мяне?"

– Что?

– Ты, ить пойдешь за мяне?

Хана только теперь догадалась, почему он зачастил в контору. Впервые посмотрела на него по-другому. Фронтвик. Мужик! А что невысок, так не зря же говорят: мал золотник, да дорог!

Вышли на улицу, Михалин встречал вечер, а хозяйки своих коров – после пастбища. Хлопали калитки, ворота.

– Хату купим, корову, Хозяйством обзаведемся, – помедлил немного, – пчелами. А твою дочь я приму, как моя будет.

– Никита, Никита, – Хана хотела сказать о многом. Что они совсем-совсем разные. Да и как примут ее его родители? О своих она и подумать боялась: знала, что будут против Никиты-белоруса. Но в эту минуту поняла состояние его души, увидела красоту сердца.

– Он же не гулена какой. Слово скажет, как топором вырубит!

– Нет у меня гор золотых, чтобы тебе обещать. Вот мои руки, вот мое сердце. Решай! А все остальное – устроится, – говорит Никита горячо и немного волнуясь.

Хана от неожиданности не знала, что ответить. Как сразу сказать: да! Человека же полюбить нужно! Для этого нужно время. Сказать: нет! Зная Никиту, она могла только представить, какую душевную травму она ему нанесет. Он же не такой, как все! Другие выпьют, шумят, а он молчком, тишком делает свои дела. И не видно не слышно его в местечке. А вот видишь, какие слова нашел. Это он с виду такой хмурый, а внутри – тонкий, ранимый.

Хана посмотрела вдаль, словно желая увидеть свое будущее с парнем. Солнце зашло за Михалин, вечерняя прохлада опустилась на плечи. То ли от волнения, то ли от холода, только она съежилась, зябко повела плечами. И тут же почувствовала на них пиджак Никиты.

Это мгновение решило все: она поняла, что этот молчун ей нужен больше всех, что только он и сделает ее счастливой.

– Хорошо, Ни-ки-та, – тщательно выговаривая слова, раздумывая, что сказать. – Только я тебя буду называть Колей...

– А я тебя – Аней, – поднял ее на руки Никита.

Все было где-то далеко: и война, и маленькая дочь Тома, и родители – все, все. Хана поняла, если ничего не изменить, все останется, как есть. Как есть, она знает. Как будет – Бог, покажет!

...Кузнечики стрекотали за пшеничным полем. В распахнутые окна плыл запах скошенного сена, яблоневых садов, которыми так богат Михалин. Леонид, сын Ханки (так ее называли в местечке) и Никиты – высокий, с седой библейской бородой, напоминая древнего иудея, случайно оказавшегося в этих краях, рассказывал мне о своих родителях.

***В Михалин, в бывшее еврейское местечко,
приезжает ежегодно из Санкт-Петербурга ученый
Леонид Рыжиков***

Смотрю на него и думаю: материнская порода оказалась сильнее. А ему не до моих раздумий: в руках молоток, пила. Все может!

Руки золотые, как у отца. Дом, который приобрел в Михалине, чтобы приезжать сюда ежегодно летом из Санкт-Петербурга, требует заботы. Это там, в "северной столице" России, он ученый, а здесь – местный, свой! Один из последних коренных михалинцев!

Подъезжаем к еврейскому кладбищу. У Леонида в руках – рабочие инструменты. Качает головой: мол, нужно подправить ворота! Местных евреев – раз, два и обчелся. Да, видимо, и не замечают, что ворота скрипят, вот-вот развалятся.

А он направляется вглубь кладбища. Туда, где в зелени стоят две оградки с памятниками, его бабушки и дедушки по материнской линии. Приводит их в порядок, с любовью, душой, все делает красиво, как может только он, сын мастерового Никиты.

Чтобы не отвлекать на разговоры, иду дальше. Знаю: то, что я ищу, я обязательно найду здесь, на еврейском кладбище. Рядом с памятником Ханы вижу памятник... Никиты с фотографиями. Она – с нездешним оливковым лицом, и он, с внимательным взглядом на окружающее...

Они словно склонились друг к другу, как в жизни. Я этому не удивился, зная и помня их раньше. Вокруг полевые цветы, зелень – тот мир, который они оба так любили...

Дорогой едем молча: каждый думает о чем-то своем!

Назавтра я уезжал: оставляю Леониду деньги, чтобы он оплатил за недостающий материал для памятника на могиле моего деда. Но мою руку с деньгами он отводит в сторону

– Я был маленький, когда твой дед Залман меня спас. Мои родители жили у него на квартире. Видимо, уснули, а он услышал, как я глухо кашляю, перевернулся лицом в подушку. Все годы мечтал как-то отблагодарить деда Залмана. При жизни – не успел. А вот сейчас подвернулся случай: сам уплачу за стройматериалы!

... Не знаю, что меня больше поразило: рассказ Леонида о его родителях, или он сам и его поступок. Всю жизнь он помнил и помнит моего деда! Признаемся: мы нередко помним чаще, кто нам навредил, а не тех, кто помог и пришел на выручку.

В связи с этим, вы знаете, какая пришла ко мне мысль? Что Михалин никуда не исчез, а по частичкам живет в каждом из нас.

В Леониде из Санкт-Петербурга, во мне, Иде, Еве – из Израиля, Анне – из Минска, Феликсе – из Германии... А вы знаете почему? Потому, что мы прошли то, что, извините, вам, горожанам, выросшим на тротуаре и... не снилось.

В местечке была совсем иная жизнь...

**Старый еврейский молитвенник,
книга-реликвия, бережно хранямая
во многих семьях не одним поколением.**

Заключительная глава

Под белорусским небом синим-синим

- Ми-ха-ли-н...
- Ми-ха-ли-н...
- Ми-ха-ли-н-н, ты слышишь меня?
- Слышишь?
Ты есть...
И тебя...нет!

Физически есть, а фактически тебя нет. Ты просто стал продолжением улицы, просто продолжением. Вся твоя неповторимая и божественная аура ушла. Будто и не было белого сада, белых старцев – последних еврейских обитателей. Многое уже иначе, ты даже начинаешься не там. Уже есть тротуары, уже мелькают такси. Появились новые добротные дома. Только

воздух тот же – михалинский. И ферма та же, за старой грушей. Она только и осталась от всего сада. Вот дом бывшего кузнеца еврейского колхоза Янкеля Резникова. Он намного пережил хозяина и свою первую хозяйку Злату. Рядом – бывший наш дом, дом Златкиных. В нем живет удивительная белорусская женщина Наташа со своим мужем. На месте дома председателя еврейского колхоза «Энергия» Исаака Лайванта – новый особняк. Дом бессменного заведующего фермой Малаха Ошера, так и стоит, а на месте дома Зямы Любан – пустырь... Сверкает свежей синей краской дом бывшего колхозного бухгалтера Ханы и пчеловода Никиты Рыжиковых. Рядом – дом доярки Зинаиды Злобинских.

В нем живет со своей семьей Михаил, сын фронтовика Исаака Злобинского. Он – последний послевоенный михалинец, последний полуеврей местечка. Казалось бы, можно и порадоваться. Это все, что оставалось в Михалине в последние годы от крупного еврейского колхоза, а сейчас и этого ничего нет... Но как бы не назывался сегодня Михалин, он сегодня есть! И не повторил судьбу некоторых белорусских местечек и сел, которых давно нет. Но все же, мне грустно. Хорошо понимаю, что я прощаюсь с еврейским Михалином навсегда. Навсегда! Я больше его уже не увижу таким, каким видел во сне или в своих мечтаниях. Обычная городская улица, по обеим сторонам которой живет большинство людей, которые не знают меня, а я не знаю их.

– Где же вы, Мотлы, Давиды, Малахи, Эли, Зямы, Симы, Златы, Ирины, Ханы, Любы, Цыли? Где? Где?

– Е-е, е-е, – раздается эхо за старым озером.

Прощай, Михалин! Прощай. Я тебя запомню таким, каким ты остался в моей памяти. А ты не забывай меня. Не забывай никого из нас!

Не за-бы-вай....

Но что это, что? Над нашим бывшим домом тянется струйка дыма. Наша мама затопила утром печку? Тянется дым над домами, тянется, тянется...

Выходит с палочкой наша соседка Злата и направляется к нам. Зайдя в дом, спрашивает у моей мамы: «Ира, вы уже вытопили печь?»

– Я спешу в школу, мне нужно пробежать до нее шесть километров, – отвечает мама.

Евгений Стукало уже в нарядной, он готовится раздавать плуги, хомуты, распределять работу. Грохоча молочными бидонами в телеге, едет на коне Малах Ошеров. Рыжий, как бронза, Зяма Любан спешит к своим лошадям. Гонит белых гусей по местечку, поднимая пыль по дороге, Эли Кугелев...

Ой-вей, ой-вей, неужели я вижу старый Михалин? Неужели?

Бросая прощальный взгляд, уходят по большаку братья Ошеровы – Евгений и Леонид, будущие генерал-майор и полковник, за ними вслед подполковник Феликс Любан, инженер Дмитрий Стукало и его сестры, врач Лиля, учительница Галина, инженеры Геннадий и Александр Резниковы, Яков и Сергей Златкины, Зяма Школьников, учителя – Анна Школьникова, Григорий и Лев Златкины. Уходят сестры Кугелевы – Тамара и Валентина, уходит Леонид Рыжиков, в будущем кандидат технических наук, ученый. А еще раньше ушли по березовому большаку михалинские мальчишки с котомками за спиной. И только единицы вернулись после войны в сожженный Михалин... Ушел будущий легендарный танкист, полковник Вениамин Миндлин.

И наконец, навсегда по этой дороге ушли мой отец Давид и мать Ирина – первые и последние евреи, уехавшие из Михалина в Израиль. Много бы я отдал, чтобы снова их увидеть на этой дороге.

От-дал, от-дал, от-дал, – откликается далекое эхо.

Покидая тебя, евреи забрали и твою еврейскую душу, Михалин?

Поэтому ты сейчас такой же, как и все соседние улицы, которые стали частью города Климович. Как все соседние села.

Как все...

... Я еду на поезде мимо зеленых лесов Беларуси, лечу в самолете над Средиземным морем в сторону Израиля. Вдалеке от больших дорог, в снежной шапке зимой, а весной – в белом цветении садов навсегда остался Михалин.

***Я молюсь за тебя, Михалин,
В седом и далеком Иерусалиме. Живи
всегда среди зеленых равнин, Под
белорусским небом синим, синим!***

Счастьи́вый исход

– Э-э-э, писатель, - скажете вы, – к чему твоя молитва о Михалине?

Михалин – то тю-тю, ушел... Что там у вас осталось? Бывшие дома, да дым колечками над ними?

– Вообще-то, остались еще могилы родных, прожитая память, друзья, знакомые. И это немало!

– Будущее увезли с собой?

– Прошлое оставили, настоящее – с нами, будущее увезли.

– Расскажи о нем?

– Как можно рассказать? Я же не провидец.

Лучше расскажу о двух свадьбах, которые произошли почти в одно и тоже время.

Если проанализировать, о чем я раньше писал, это уже не случайное совпадение, а счастливый исход...

В начале этой книги я рассказывал, что во время Катастрофы расстреляли семью моего отца. И это был не единичный случай – об этом в книге тоже рассказано! Не рассказано только о том, как сложилась судьба детей, внуков, правнуков людей, которые выжили в прошедшей давно войне.

Хотелось бы эту тему поднять в следующей книге. Как предисловие к ней – вот эти две свадебные фотографии. На них в белых платьях невест – Яна и Анастасия Златкины.

Внучка и правнучка нашего отца, его продолжательницы из второго и третьего послевоенного поколения.

*Слева – Яна на своей свадьбе с женихом.
Справа – Анастасия, также со своим женихом.*

Через десятилетия после Катастрофы, они выходят замуж, создают свои семьи, идут по жизни дальше.

У обеих девушек – высшее университетское образование, Яна к тому же еще и капитан израильской армии.

Я смотрю на счастливые лица невест, на всех наших женщин и, у меня рождаются следующие поэтические строки:

Из каких вы библейских времен?
Из эпохи царей Соломона или Давида?
А может, из древних иудейских племен?
Из какой же дали вы нас навестили?..

Жизнь продолжается дальше...

Содержание

От автора. Слова благодарности	—
Предисловие члена Союза писателей Москвы Галины Климовой . Эта книга не придумана.....	1
Редактор книги Ася Тепловодская . Ген памяти.....	3

КНИГА I

Евреи нашего местечка в овраге за речкой	7
--	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детей разрубали лопатами	8
Ева Шкарлатова (Ошерова) . Я родилась в теппушке вагона	12
Дмитрий Стукало . Прыжок с ребенком на руках в колодец	18
Лазарь Лайвант . Михалин был маленькой Палестиной	29
Галина Климова (Златкина) . И меня бы не пощадили	38
Анна Воронова . На глазах моей мамы расстреляли ее трехлетнего сына	45
Белла Когай . В Пряничках расстреляли нашу семью	52
Феликс Любан . Жди меня, и я вернусь	55
Яков Златкин . Ма-ме-пе, ма-ме-ле	60

Тамара Богачева. Семейная история по имени — Жизнь	66
Михаил Леин. Старшие сержанты Великой Отечественной	69
Иосиф Лейтус. Директор еврейской школы	75
Анна Островская. Катастрофа не имеет границ	80
Саша ЛейтусС бульбой, гефилте фиш и бутылкой водки	83
Маргарита Шифрина-Лазарева. Последний еврей местечка	86
Полина Чарная-Башмакова. Какое оно — «поле» мое?	88
Анна Школьникова-Сивцова. Спасение сестры..	91
Владимир Смоляк. Мой отец возродил семью из пепла	93
Татьяна Немкина. Моя бабушка спасла моего дедушку	98
Давид Златкин. Свидетельствую	109
Скорбный мартиропог	111
Подытоживающее интервью: Леонид Смиловицкий. В Беларуси тема Холокоста остается непознанной	119

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мои евреи, как вы смелы	145
От Михалина до Берлина	153
Как Вениамин Миндпин стал писате лем	167
Вениамин Миндпин. Капитуляция	177
Помнит Бася... Льва	191
Давид Синичкин. «Отца на генерала не меняю» ...	201
Встреча в облаках	210
Фронтная история	223

Такой галантный и молодежавый Юрий Левитан! 233

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Житейские истории 241
 Не в Иерусалиме, а на чужбине 242
 Мы были как деревца без корней 251
 Сергей Златкин. Смерть старого Залмана 263
 Так мы искали друг друга 269
 Евреев здесь нет, осталась только речка 279

КНИГА II

Местечковые рассказы 289
 Михалин - золотое дно 292
 Рыжик со взрослым именем Феликс 299
 Масей и Цыпя 303
 Звезды над Михалином 316
 Ветка сирени 327
 Дичка-дичка, ты помнишь меня? 333
 Шляпочница 338
 Слезы березы 348
 В футбол играют настоящие... девчата 354
 Коза-путешественница 357
 Первая «алия» - в Михалин 360
 Жила-была маленькая девочка 367
 Абиссепе глик (Немножечко счастья) 372
 Тум-балапайка 379
 Шма, Израэль! 383
 Сапожник Шломо 392
 Тейглах от Кепи 396
 Седая прядь 400

Немой	403
Как живешь михалинское озеро?	408
Детские души над Михалино.	412
Стучали топоры	419
Еська	424
Иудейская красавица	426

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Под белорусским небом синим-синим	436
Счастливый исход	441

Все фото автора книги, кроме архивных
и одного фото В. Бысова.

Контактные координаты автора:

Тел.: (972)505384088

Сайты: www.efimbituhim.ru.

Goldentoursefim@mail.com.

Www.efimtours.ru.

Www.zlatkintours.ru.

E.mail: yafim31@zlatkin.biz.

